

НОВОЕ ВРЕМЯ

Средняя
Азия:
выше райкома
и мечети
ТОЛЬКО КЛАН

50

декабрь 1992

А вас
записали
в агенты
влияния?

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

MEDIAN

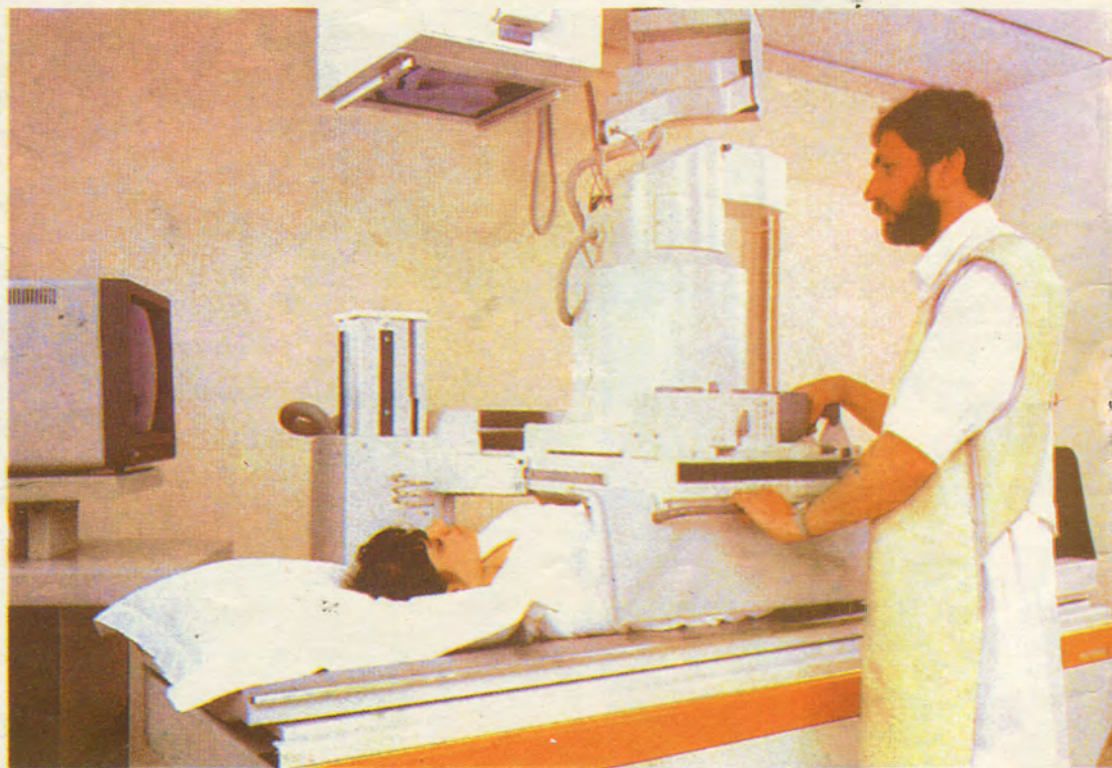
Поставка и приобретение импортного и отечественного медицинского оборудования за рубли и СКВ

Современные способы диагностики и лечения заболеваний на базе НИИ трансплантологии и искусственных органов с госпитализацией в лучших клиниках г. Москвы.

Заключение договоров с предприятиями и организациями на комплексное медицинское обслуживание.

Наш адрес:
123436
г. Москва,
ул. Щукинская,
дом.1, НИИ
трансплан-
тологии и
искусствен-
ных органов.
Тел./факс (095)
190-52-15.

Представительство
на ВДНХ:
павильон
«Здоровье».

MEDIAN

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> ТРАНЗИТНЫЙ СЪЕЗД НАШИХ ДНЕЙ	4
<i>Г. Ковальская</i> ПОСЛЕСЛОВИЕ К НЕСЛУЧИВШЕМУСЯ ПЕРЕВОРОТУ	6
МЫСЛИ ВСЛУХ <i>А. Пумпянский</i> ВРЕМЯ ДУРАКОВ И НЕГОДЯЕВ?	8
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ <i>Ю. Фурманов</i> НЕ ВСЁ НА МЕСТЕ НА «МЕСТАХ»	14
СРЕДНЯЯ АЗИЯ <i>А. Зубов</i> МЕЖДУ РАЙКОМОМ И МЕЧЕТЬЮ	17

МИР

ГЕОПОЛИТИКА <i>А. Арбатов</i> ИМПЕРИЯ ИЛИ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА? (статья вторая)	20
НИКАРАГУА-РОССИЯ <i>М. Бакланов</i> НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОРУЖИЯ	24
РЕКЛАМНАЯ ВКЛАДКА	25-40
ГЕРМАНИЯ <i>Д. Погоржельский</i> «БОРИС, МНЕ ТОЖЕ НЕЛЕГКО»	42
<i>Г. Бастиан</i> ТОГДА ЕВРЕИ - ТЕПЕРЬ ИНОСТРАНЦЫ	43
РУМУНИЯ <i>В. Писмаров</i> ДОСТОЯНИЕ ДЬЯВОЛА	44

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ <i>О. Вишняков</i> «Я ДЕЛАЛ БИНАРНУЮ БОМБУ»	46
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>В. Басков</i> ПОЧЕМУ ЛЮДИ БОЯТСЯ ПЕНСИИ	50
ЭССЕ <i>Д. Гранин</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАРОЙ НАУКИ	52
СУДЬБЫ <i>И. Руденко</i> ПРИВЕТ ОТ ВАЛЕНТИНЫ ИЗ ТЕПЛИЦЕ	54
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>Ги Сорман</i> БРЕЖНЕВСКИЙ РЕНЕССАНС	57
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Ф. Каринти</i> НЕСРОЧНОЕ ПРИШЕСТВИЕ	58
КОСМОС <i>А. Дидусенко</i> ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА - ЛУНА. СЛЕДУЮЩАЯ - МАРС	62
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>Ф. Браунинг</i> НАРКОМАН - ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО	64

ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)

Г-да Бабурин, Зюганов и другие, которые пугают страну «агентами влияния», вероятно, принимают нас за круглых идиотов
Стр.8

Заграничные счета Николае Чаушеску ищут так же долго, как и «золото КПСС». Куда же делись эти деньги?
Стр.44

Этот человек заговорил после пяти лет молчания. Он был отравлен химическим оружием собственного производства
Стр.46

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 8 декабря 1992 года

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №5363.**

**Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.**

© «Новое время»

■ Кого и от кого собирается спасать Фронт национального спасения? И кто их просит лезть с этим своим спасением? Если и надо от кого-то спасать Россию, то это именно от них, наших «спасителей».

Ведь это они без зазрения совести 70 лет грабили народ. Это они жили за счет народа, который содержали в рабстве и нищете. Татаро-монгольское иго против их владычества просто мелкая неприятность в истории России. Именно они разжигают сейчас межнациональную рознь, хотят развязать гражданскую войну. Это они остервенело выступают против частной собственности. И это не мудрено – «спасителям» нужны рабы, а свободный человек для них ох как опасен. Это от них досталась

нам разграбленная страна, плоды их хозяйствования мы сейчас пожинаем, а они играют на ими же созданных трудностях! И вновь хотят превратить Россию в концлагерь. Ведь не зря люди расшифровали ВКП(б) как Второе Крепостное Право большевиков.

Словом, спаси меня бог от таких друзей, а от врагов я избавлюсь самостоятельно.

Слава богу, что президент издал указ о разгоне этой банды. Теперь главное, чтобы этот указ был четко выполнен. В противном случае будет очень обидно за нашу законно избранную власть.

Я глубоко верю, что президент и правительство сделают все, чтобы вытащить Россию из той ямы, в которую ее загнали коммунисты.

Так давайте, люди, всеми силами поможем президенту в этом святом деле!

Александр Бережной,
пенсионер, постоянный подписчик «НВ»
Республика Бурятия

■ Французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери писал в «Планете людей», что логически можно доказать все что угодно. Можно, например, доказать, что во всех бедах человечества виноваты горбатыя, и объявить горбатыя войну.

...Однажды пришлось беседовать с женщиной, которая во время войны находилась на оккупированной территории. Спросил ее, что она могла бы сказать о немцах? Женщина ответила: «Бог с ними, с немцами. Другой раз «свои» хуже были!» Как известно, пороки человечес-

Свидетельство солагерника

Спустя четверть века. А.Голуб у могиле солагерника Олексы Тихого, умершего в заключении

■ В адрес одного из самых известных людей в диссидентском движении – писателя Андрея Синявского и его жены Марии Розановой посыпались обвинения со стороны Владимира Максимова – тоже известного диссидента и писателя. Подробно все это описано в материале Ю.Рахаевой (№ 44/92). Мне же волею судьбы довелось обитать с Андреем Синявским в одном бараче мордовского концлагеря п/я ЖХ-385.

В лагерь Андрей Донатович прибыл один, без своего друга Юлия Даниэля – администрация лагерей четко соблюдала правило, предписывающее разлучать друзей и соратников. О деле Синявского и Даниэля все мы были слышаны достаточно, поэтому нового узника встретили с огромным интересом. Посыпались вопросы, среди задававших их были и явные стукачи. Научившись после ряда конфликтов с лагерным начальством издали чутя стукачей, я решил предупредить новичка о необходимости быть разборчивым в собеседниках. Ведь ему вполне могли «пришить» внутривоспитательную антисоветскую пропаганду и запереть в «крытку» – политическую тюрьму во Владимире. Синявский за предупреждение поблагодарил, но ответил что-то в духе «мы и сами с усами».

Администрация лагеря приняла спокойную и отстраненную манеру поведения Синявского за признак его готовности к сотрудничеству. Писателю предоставили дополнительные свидания с женой, в бандеролях приходил запрещенный кофе. Кофе пили все вместе. Через какое-то время начальник политвоспитательной части решил, что Синявский «созрел» и готов к сотрудничеству в деле «становления заключенных на путь исправления». И я стал свидетелем следующего разговора. Великий воспитатель зеков предложил Синявскому организовать кружок по изучению произведений «настоящей советской литературы». «Знаете, это не по моей специальности, – ответил Андрей Донатович, – я привык иметь дело с совсем иными произведениями». Можете себе представить, какой вид был у замполита!

Метод постепенного втягивания заключенных в стукачество был в ходу. Мне, например, вначале предложили просто прочесть несколько лекций на естественнонаучные темы. Что я и сделал. Потом лоступило предложение выступить с совсем иными лекциями. О том, как плохо беглецам, попавшим на Запад, и всем эмигрантам. Сулили даже досрочное освобождение. Но я отказался наотрез. В ответ капитан КГБ заверил меня,

Ох, и трудная это работа — тащить Россию из болота!

Объявим войну «горбатым»?

«Вы видели богатых офицеров? Это те, кто при оружейных складах...»

кие не имеют национальности. Как бы низко ни пал человек конкретной национальности, можно говорить только о поведении этого человека, а не сваливать вину на весь народ. Но сейчас кое-кто пытается доказать, что во всех российских бедах виновны «лица кавказской национальности».

Хотелось бы в связи с этим процитировать газету «Ку-

банский курьер» — издание администрации Краснодарского края.

Кто же это такие — «лица кавказской национальности»? «Преступники из регионов Кавказа и Закавказья, отделившихся от России, но продолжающих паразитировать на ней». Эти «агрессивные, нахраписто-наглые лица... заполнили крупные города». «Кавказский преступный мир уже давно диктует свои правила на русской земле». В чем же причина диктата? Оказывается, «в допотопности и убожестве современного российского Уголовного Кодекса, которым сегодня можно напугать разве что ребенка, но не лиц кавказской национальности». Есть и еще одна «причина». «В каждом из российских городов обязательно найдется десяток-другой нервных адвокатов, писателей или «прогрессивных» интеллигентов, весьма зорко углядывающих в любой из попыток органов правопорядка хоть как-то сбить наступление кавказской уго-

что отсижу я «от звонка до звонка», а если останусь жив, то всегда и повсюду будет за мной следовать «хвост». Моей жене предложили подать на развод, а в Свердловске, где меня судили, началась кампания «по инициативе трудящихся» о лишении меня ученой степени...

После отказа Синявского сотрудничать с лагерными властями кофе уже не пропускали, а самого писателя отправили на общие работы. На них он и был до конца срока. Стукачом он не стал — в лагере все в конце концов становилось известным, и это никогда не прошло бы незамеченным.

То, что Синявский не вел откровенных разговоров с заключенными, зато передавал за границу рукописи через жену, чтобы выйти на многомиллионную аудиторию, — вполне обоснованно. Ведь в лагере наряду с принципиальными противниками советского режима была и так называемая «шобла». Как уголовники становились политзаключенными и попадали к нам? Например, так. Проигравший в карты объявлялся своими партнерами по игре «художником». И во имя спасения своей жизни работал художником всю ночь. Наутро надзиратели лицезрели на стенах барака надписи: «Да здравствует Аденауэр!», «Долой коммунизм!». Уголовники развлекались. Такого узника срочно тащили в изолятор, судили, давали политическую статью.

Вот эту публику лагерная администрация всячески опекала, использовала в качестве стукачей, награждала подачками. За мелкий донос — полпачки чая, за донос покрупнее — целую.

Так что поведение А. Синявского в лагере следует считать достойным. Он не был бойцом в лагерном смысле этого слова, с начальством не воевал. Но каждому свое: он сделал огромное дело, сумел донести свои произведения до всего мира.

А гонители его и его жены творят скверну. С Владимиром Максимовым лично мне сталкиваться не приходилось. Но с одним «бразиком» его творчества пришлось познакомиться в 1990 году, когда Литва объявила о своей независимости. В советской прессе тут же появилась статья Максима, в которой он сравнил этот акт Литвы с требованием предоставить независимость... отдельным штатам США. При этом он полностью оправдал блокаду Литвы. Вскоре диссиденту Максимова было высочайше пожаловано возвращение в советское гражданство. Сейчас он сторонник великой и неделимой России.

Алексей Голуб
Москва

Я ТАК ВИЖУ

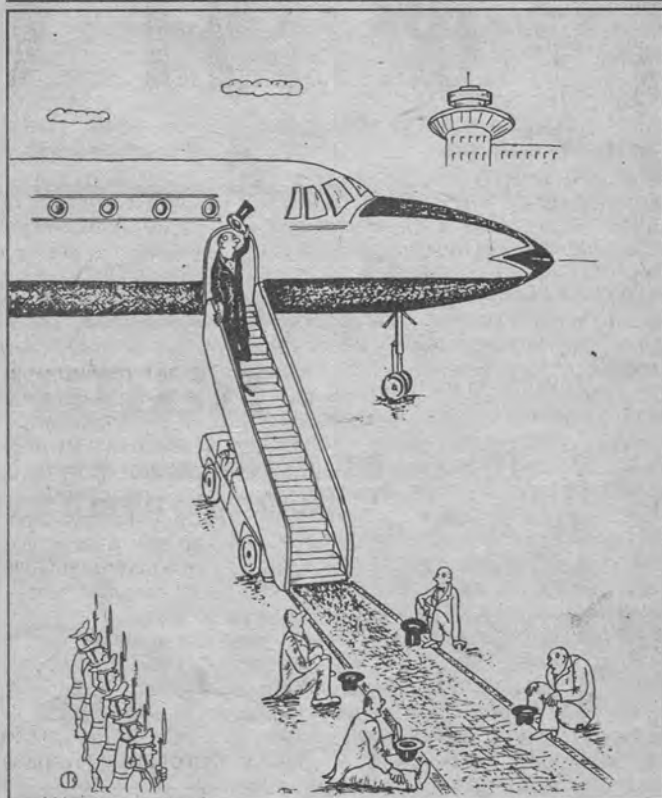

Рис. В. Владимиров Солдатов

ловщины, «коричневый» тонет».

В. Хачатуров
Краснодар

■ Во имя Аллаха! В 45-м номере вашего журнала помещен материал об иранских островах Абу Муса и Маленький и Большой Томб, что, по нашему мнению, требует остановиться на следующих моментах:

1. В некоторых случаях название Персидского залива употреблено неверно, хотя во всех существующих документах ООН и других организаций общепризнано название «Персидский залив», и любого рода беспечность при использовании принятых названий вызывает у нас соответствующие вопросы.

2. В статье положение представляется таким, что иранские власти с острова Абу Муса берут контрибуции, в то время как правление этими островами осуществляется Исламской Республикой Иран на основе подлинных документов, и его никак нельзя считать агрессивной.

3. Содержание данной статьи довольно провокационно, в то время как сама проблема не является столь

острой, а лишь вопросом, который должны решить Исламская Республика Иран и Объединенные Арабские Эмираты.

Посольство благодарит Вас за оказанное содействие.

Посольство Исламской Республики Иран

■ Из номера в номер ваш журнал занимается самовосхвалением, печатая письма, превозносящие Татьяну Иванову. А ведь это совсем не забавно — читать об абитуриентах Нового гуманитарного университета! Ведь в названный «университет» могут поступить только дети спекулянтов и жуликов! Где вы видели богатых офицеров? Наверное, это те, кто при оружейных складах, при товаре? Неприятно читать и пасквиль Ивановой о Борисе Олейнике — натяжки, ерничество, глумление. Почему бы не написать о других украинских писателях, разжигающих вражду между народами? А Олейнику честь и хвала за то, что он не встал на стезю злобного и воинствующего украинского национализма.

Геннадий Власов
Минск

Подборку подготовила Т. Чернова

Транзитный съезд наших дней

Вместо ЦК КПСС мы получили съезд, которому переиначить Конституцию в любую сторону — пустяк

Марина Шакина

Кажется, съезду не по пути с обществом. Он, все больше и больше обособляясь от нас, захлопывая перед нашим носом двери, превращается в групповуху. Ужас охватывает, стоит только представить, что эти люди с их уровнем воспитания, культуры и мышления могут сделать с нашей Конституцией ВСЕ ЧТО УГОДНО.

Я думаю, никто не удивится, если в один прекрасный день депутаты, собравшись поутру на заседание, проголосуют, скажем, за отмену свободы слова. Невероятно? Не скажите.

При всех перипетиях политической борьбы, при всех драматических событиях, происходящих в стране, депутаты не дают себя сбить с толку, не теряют нить — на каждом съезде они ставят вопрос о средствах массовой информации. Вот и на этот раз они занимали съездовское время, а заодно эфирное время телевидения и радио, зачитывая длинные отрывки из публикации «Аргументов и фактов», клеймили журналистов за незнакомое слово «спикер», ссылаясь при этом на Конституцию. Оказывается, в Конституции такого слова не предусмотрено. Любопытно представить, во что бы превратилась наша периодика и публицистика, если бы газетчики пользовались исключительно словарным запасом Конституции... Боюсь, что даже депутатам при всем их скромном лексиконе такое не под силу.

От кого они спрятались?

Седьмой съезд внес выдающийся вклад в ограничение гласности, которую мы считали завоеванной еще со времен Горбачева. Впервые пос-

ле установки системы электронного голосования в ход пошли бюллетени и кабины. Аргументы «за»: вопрос сложный, надо сосредоточиться, подумать, как бы не нажать от волнения не ту кнопку. Что же, можно и в такое поверить, но все же непонятно — почему вопрос о поправках в Конституцию, которые решают судьбу исполнительной власти, надо было голосовать тайно? Какие такие таинства в отноше-

ниях депутатов с правительством? Они боятся, что гайдаровские «мальчики» объявят им вендетту до седьмого колена?

Тайные голосования напоминают круговую поруку — большинство вопрос решило, а кто в это большинство входит, тут можно морочить голову и избирателям, и журналистам, зрителям сколько угодно. Ясно, что депутатам удобнее за широкой спиной серого большинства, но именно это и говорит, что депутатский корпус превращается в корпорацию с собственными интересами и расчетами, которыми он не намерен делиться с кем бы то ни было.

Вход в Кремлевский дворец был ужесточен донельзя. Хасбулатов пообещал не пускать на съезд «политических авантюристов». Поэтому в пропусках было отказано Полторанину и Бакатину, зато Жириновский появился в первый же день. Бурбулиса хотели отослать на балкон, предназначенный для гостей и прессы, но в конце концов допустили в зал заседаний. В то же время все коридоры были забиты патриотами и коммунистами, не имеющими никакого отношения ни к исполнительной, ни к законодательной власти в России — Зюганов, жительница суверенной Чечни пассионария Сажи Умалатова, представитель независимой Латвии Виктор Алкснис и другие.

Была обкатана еще одна новинка — в один из съездовских дней парламентских корреспондентов не пустили на порог Кремлевского дворца. Да, конечно, бывают закрытые заседания, бывают процедуры, при которых толпе журналистов присутствовать не стоит (вроде голосования по кабинетам в Георгиевском зале), но речь шла не об этом. Журналистов просто продержали на

улице. Морозец был легкий, но через пару часов почувствуешь и его. Тут в пору толковать не то что о политических свободах, а об элементарных приличиях, уровне воспитанности руководства Верховного Совета и общечеловеческих ценностях вроде милосердия...

Руслан Хасбулатов с трибуны съезда призвал разогнать парламентский Комитет по средствам массовой информации и его идея была встречена аплодисментами. Кто еще сомневается, что нам, возможно, придется спасать конституционный строй Российской Федерации от этого съезда?

Атмосфера в пресс-центре съезда, где в последний момент пресс-конференцию радикальных демократов поменяли на встречу журналистов с Травкиным, хотя он подал заявку позже, где, опять-таки не поставив участников в известность, отложили пресс-конференцию по проблеме Ингушетии-Осетии, говорит о том, что люди, заправляющие сегодня на съезде, обладают железными нервами. Они делают свое дело без застенчивости, истерики и оглядки на общественное мнение. Эти ребята не будут падать в обморок, если их лидеры закроют демократическую газету, как это сделали демократы, когда после путча на три дня президент закрыл «Правду».

Жозефинада

Накануне съезда все твердили, что он не подготовлен. Однако выступления депутатов продемонстрировали другое — у них он подготовлен, заподготовлен всегда. Речи — ни по интонации, ни по скромному содержанию, ни по уровню понимания проблем, ни по агрессивному тону — ничем не отличались от шестого съезда. У депутатов одна речь на все времена.

Неудивительно, что прения по докладу Гайдара не имели никакого отношения к докладу Гайдара, попросту не пересекались с ним. Недаром наивные иностранные корреспонденты приставали к нам с вопросом: «Простите, а когда начнется обсуждение доклада Гайдара?» Бедняги, они не могли сообразить, что ВОТ ЭТО у нас и называется обсуждением. Жалобы, выпады, а иногда и рыдания, душераздирающие артистические всхлипы: «Президент, уйдите в отставку, если вы порядочный человек!»

«Депутаты, подайте в отставку, если вы порядочные люди!»

Взрыднуть ничего не стоит — производит душераздирающий эффект. По-прежнему, как и на прошлом съезде, было неплохо с артистизмом. Достигнуты новые высоты. Выступление Николая Травкина, теневого министра экономики,

ожидали с нетерпением и не ошиблись. Он подарил зрителям десять минут здорового смеха — хохмы и остроты о любовницах, женах, ваучерах и так далее следовали одна за другой (и все же, вспоминается, переплюнуть Жириновского, когда тот выступал на съезде перед выдвижением в кандидаты на президентский пост, он не смог — тогда депутаты валились под столы от хохота).

Опять-таки, как и на прошлом съезде, Травкин избрал себе индивидуальную мишень — тогда, помните, это был Аркадий Мурашев, сегодня — Геннадий Бурбулис. Тут, к слову, пришлась даже Жозефина Богарне, первая жена Наполеона, о которой — какое совпадение — Травкин узнал в кулуарах съезда перед самым выступлением. Жозе-

фина оказалась в строку. Но что же это напоминает?

Первым потревожил тень покойной императрицы знаменитый таксист Сухов еще в союзном парламенте. Тогда она пригодилась для того, чтобы атаковать Горбачева за то, что он женат. Сегодня жозефинаду продолжил уже председатель Демократической партии Николай Травкин, подняв ее образ еще выше. Теперь Жозефина нужна, чтобы клеймить политические марьяжи — президента с Бурбулисом и Полтораниным.

Ярость Травкина по отношению к своим бывшим единомышленникам (и Мурашев, и Бурбулис стояли у истоков травкинской партии, вместе с ним готовили и проводили учредительную конференцию) — ярость, направленная не на политические идеи и деятельность, а персональная, нацеленная на унижение личности, производит неприятное впечатление. Даже разведенные союзники не должны терять чувства собственного достоинства в общении друг с другом.

...Выступление Травкина оставило легкое чувство недоумения. Посмеялись, а дальше что? Зачем на трибуну-то поднимался, может, сказать чего хотел?

Синдром третьего дня

Сперва казалось, что нынешний съезд будет поскучнее предыдущего — все начиналось как-то поспокойнее, пообиденнее. Но третий день преподнес скандал — политическую драку (говорят, у телохранителей есть правило: «если дерутся охраняемые лица, охрана вмешиваться не должна»). Состояние, наступившее в тот день на съезде, психологи называют синдромом третьего дня — нервы напряжены до предела, противостояние достигает пика, достаточно пустяка, чтобы все взорвалось.

Все случилось из-за путаницы в регламенте съезда. Согласно регламенту одна пятая часть депутатов может требовать поименного голосования, а большинство может требовать закрытого. При этом тайное голосование предусмотрено вроде бы лишь для персональных вопросов, то есть в том случае, если решается конкретный вопрос о назначении того или иного человека. После серии голосований, возбудивших депутатов, спикер избрал уникальную новую формулу — тайное поименное голосование. И съезд проголосовал «за».

Судя по всему, наши депутаты страдают от невроза — как можно голосовать откровенную чушь? Как можно голосовать за одно и тут же, не сходя с места, — за противоположное?

...На пресс-конференции «Российского единства» Михаил Астафьев зачитал написанный корявым и странным русским языком текст, который, как он утверждал, является текстом соглашения, заключенного недавно президентами Ельциным и Бушем. По его словам, это соглашение направлено на сознательное разрушение обороноспособности России, ущемляет национальные интересы государства. Ничего, кроме своей уверенности в том, что это правда, в доказательство Астафьев не привел.

В правовом государстве если обвиняешь — докажи, не можешь доказать — отвечай за клевету перед судом. Все так, и депутат Астафьев с этим согласен. Но есть маленькая деталь — он прекрасно знает, что этот съезд никогда не лишит его депутатского иммунитета и не даст согласия для привлечения его к суду в том случае, если текст соглашения — фальшивка. Он прекрасно знает, что ничем не рискует и ни за что не отвечает — так же как депутат Тулеев, которого уличили во лжи. Депутатов не волнует закон и не волнует

приличия. Корпоративные интересы превыше всего.

Таков транзитный съезд наших дней — съезд переходного периода. Не ответственный ни перед партиями (по причине отсутствия тако-

вых), ни перед своими избирателями (механизм отзыва не работает, а на второй срок все равно не выберут), съезд становится опасен как оторвавшаяся корабельная пушка.

Послесловие к неслучившемуся перевороту

**Пять безымянных
депутатов спасли
страну от
конституционного
переворота —
но только до весны**

Галина Ковальская

Вопросом номер один на съезде стали поправки к Конституции, позволявшие вступить в силу закону о правительстве, принятому Верховным Советом.

По действующей Конституции премьер-министра предлагает президент, затем он должен быть утвержден парламентом. А кабинет формирует сам президент по представлению главы правительства, который, таким образом, получает возможность работать «в команде».

Поправки, о которых шла речь, передавали Верховному Совету право утверждать и смещать всех руководителей ключевых министерств: экономики, финансов, иностранных дел, внутренних дел, обороны, безопасности, печати, юстиции и других. Пройди она, и при той управляемости российского парламента, которой удалось добиться Хасбулатову, фактически он стал бы ключевой фигурой при раздаче министерских постов. Неудивительно, что спикер приложил к решению этой задачи все свои силы.

Явное решается «тайным»

Для этих нужд был использован институт тайного голосования. Однако вряд ли справедливы обвинения, что депутаты во главе с председателем «испугались избирателей» и потому де решили «спрятаться в кабинетах». Депутаты давно никаких избирателей не боятся и не чувст-

вуют себя связанными никакими обязательствами.

Дело в другом: набрать необходимые для внесения поправок в Конституцию 2/3 голосов сложно в первую очередь потому, что значительная часть неполиitizedированных депутатов (пресловутое «хасбулатовское болото») в момент голосования в зале не присутствует — курит, пьет кофе в буфете, «тусуется». Заставить каждого из них один раз на протяжении двух часов зайти в кабинет намного проще, чем собрать в зале всех.

Результаты голосования в целом подтвердили, что расчет был верным. Для конституционного закрепления нового порядка формирования правительства не хватило всего пяти голосов. Поправка вносилась в три бюллетеня, поскольку соответствующие изменения должны были быть произведены в трех статьях Конституции: там, где речь идет о полномочиях президента, там, где

говорится о правах парламента и там, где описан порядок формирования правительства. По одному из бюллетеней результаты голосования были признаны недействительными, но в двух других случаях почти полностью совпадают результаты. Значит, они не случайны. Число проголосовавших «за» 690, «против» — в одном случае 134, в другом — 133. Но, главное, оба раза по девять человек неправильно заполнили бюллетени. В следующий раз они могут добавить свои голоса к тем, кто «за».

Приходят «новые директора»?

Председатель фракции «Промышленный союз» генеральный директор Юрий Гехт уверенно заявляет, что на следующем съезде, в апреле, эта досадная ошибка будет исправлена, и конституционный переворот свершится. Есть ли ресурсы у немногочисленных депутатов-сторонников правительства и президента?

Большинство, голосующее сегодня против исполнительной власти, неоднородно. Депутатов сплачивает дух корпоративной солидарности, на котором умело играет Хасбулатов, при каждом удобном случае напоминающая, что именно они, депутаты, — подлинные хозяева и избранники народа, а исполнительная власть все время покушается на их прерогативы. «Ревность» законодателей имеет и историческую подоплеку — съезд и советы как реальные выборные органы возникли в России в 1990 году, а президентская вертикаль стала формироваться годом позже.

В течение года, таким образом, депутаты чувствовали себя единственными законными представителями интересов народа (старые аппаратные структуры в счет не шли), и теперь им трудно расстаться с этим ощущением. И все же за дружным «нет!» в ответ на обращения и просьбы Ельцина, за лозунгами и политической демагогией все отчетливее прорисовываются реальные интересы политических групп, не всегда совпадающих с фракциями.

Хозяйственным руководителям — промышленникам и аграриям, помещикам и капиталистам — нужно не столько подчинение исполнительной власти законодательной, не столько портфели, сколько реальное изменение курса правительства. Они, конечно, не признают себя «противниками реформ», но никак не могут смириться с перспективой банкротства своих предприятий. Именно из этой среды не раз раздавались голоса о том, что сохранение

Гайдара в качестве премьер-министра возможно, и даже желательнее, если он согласится вернуться к широкому инвестированию в заводы и колхозы.

По мере развития реформы единство их рядов (как и «директорского лобби» за пределами съезда) несколько слабеет: те из них, кто сумел приспособиться к новым условиям экономической жизни, теперь активно не желают смены руководства, новых правил игры и в целом ратуют за сохранение баланса сил. Таков, например, генеральный директор из города Россоши Воронежской области Игорь Жилин, голосовавший на съезде по ключевым вопросам вместе с «радикальными демократами». «Новые директора» — пока не многочисленная, но перспективная группа, безусловно заинтересованная в «программе стабилизации», предложенной президентом.

Иные приоритеты у депутатов, представляющих местные Советы. Для них главное — максимально ослабить исполнительную власть на местах, поставить ее под собственный контроль, ни в коем случае не допустить, чтобы исполнительные структуры контролировали приватизацию. Поэтому самым актуальным для этой части депутатского корпуса оказался вопрос о выборах глав местной администрации. Выборы, организацию и контроль, над которыми планируют взять на себя местные Советы, вывели бы местную администрацию из-под президентского контроля, нарушили бы вертикальную преемственность правительственных решений.

Председатель Челябинского областного Совета депутат Петр Сумин заявил, что не отпустит микрофон до тех пор, пока вопрос о проведении выборов не будет проголосован... Правда, съезд (точнее, Хасбулатов) решил иначе — поручил назначить срок их проведения Верховному Совету. У спикера появился новый рычаг давления на президента. Эти же депутаты более всех ратовали за ликвидацию института представителей президента. Соответствующий пункт был включен в «Постановление о ходе экономической реформы», и Конституционному суду, по-видимому, еще предстоит разбираться, кто и почему может запретить президенту назначать своих представителей там, где он считает нужным.

Счастье спикера было так возможно

В основном голосуют «против» правительства и представители национальных меньшинств из бывших автономных образований. Ими дви-

жет, как правило, опасение, что усиливающаяся исполнительная власть может составить угрозу их национальным и региональным интересам. А выбор той или иной модели реформы им зачастую безразличен. К тому же депутаты «националы» могут не видеть для себя угрозу и со стороны самых рьяных и агрессивных оппонентов правительства — «патриотов-державников»: Сергея Бабурина, Николая Павлова или, к примеру, Геннадия Сорокина, проявляющего при персональных голосованиях неизменный интерес к происхождению кандидата, выясняющего фамилии его родителей... Оппозиция «патриотам» и привела к тому, что считавшийся поначалу оплотом консерваторов Совет На-

циональностей в последнее время оказался более «пропрезидентским», чем Совет Республики.

Борис Ельцин в докладе съезду дал понять, что готов идти на сближение позиций именно с Палатой Национальностей. Не исключено, что основные резервы поддержки президента и правительства таятся здесь.

Исполнительная власть весьма ограничена в возможностях маневрировать и искать компромисс. Для президента и тем более для Гайдара с командой важно не только удержаться у власти и расширить сферу своего влияния, но и не поступиться при этом тем, ради чего высокие посты были приняты, — концепцией реформы, которая видится гайдаровцам единственным возможным выходом из кризиса.

Отсюда осуждаемая представителями «Гражданского союза» неуступчивость президента, неготовность «сдать» тот или иной ключевой министерский портфель. Как быть? Ведь действительно невозможно одновременно проводить и антиинфляционную политику и широкое инвестирование производства, и снижать налоги, и наращи-

вать фонды на социальные нужды. Понимание, что любой шаг в сторону с той самой узенькой тропинки, о которой исполняющий обязанности премьера говорил в своем докладе, может обернуться для страны падением в пропасть, сужает возможности двигаться навстречу оппонентам.

И все же на VII съезде судьбу России решили не голоса промышленников и не голоса «националов». А те весьма немногочисленные депутаты, которые голосовали не «за» своих, не «против» чужих, а в соответствии с собственными представлениями о разумном государственном устройстве. Те, кто готов был принять подотчетность правительства Верховному Совету, кто соглашался наделить прави-

тельство правом законодательной инициативы (содержание поправок, утвержденных тайным голосованием), но воспротивился полному отказу от принципа разделения властей. Таких, высказавшихся «за» одни и «против» других поправок, оказалось около тридцати человек, меньше трех процентов, но, если бы не они, мы жили бы уже в другом государстве.

При решении жизненно важных вопросов определяющей может оказаться позиция отнюдь не самой многочисленной категории. К тому же, если до апреля сдвиг в направлении реформы станет ощутимым, прослойка самостоятельных и думающих законодателей может несколько увеличиться.

Съезд ознаменовался еще одним событием: впервые председатель Верховного Совета позволил себе выступить против президента. Уже не правительство предостерегал он от «пирровой победы», а всю исполнительную власть». Подлинный интерес председателя Верховного Совета не сводится к устранению гайдаровской команды или переориентации экономического курса. Спикер явно стремится к расширению личной власти за пределы парламента, и дискредитация нынешнего кабинета министров, игра на его непопулярности — самое удобное средство для достижения этой цели.

Элементарное раздражение и неспособность держать себя в руках (по-человечески Руслана Имановича можно понять — счастье было так возможно, до него не хватило каких-то пяти голосов!) или спикер в самом деле чувствует себя настолько окрепшим, что готов к схватке с президентом?

Рисунки Владимира Мочалова

Время дураков и негодяев?

Александр Пумпянский

«Корабль дураков» — сатирическая поэма немецкого гуманиста Себастиана Бранта. Впервые увидев свет в 1494 году, это знаменитое обозрение нравов только в XVI веке выдержало три десятка изданий на многих европейских языках. Американская писательница Кэтрин Энн Портер переосмыслила образ. Ее «Корабль дураков» плывет из Америки в предвоенную Германию. (Многие знают сюжет этого романа по фильму режиссера Стэнли Крамера.) Все хорошо на борту комфортабельного нова ковчега, если не считать того, что плывет он навстречу всемирному потоку.

«Время негодяев» — документальная книга американской писательницы и драматурга Лилиан Хеллман о нескольких годах новейшей американской истории после второй мировой войны, которые были названы «эпохой» маккартизма.

Пишу об этом корректности ради, чтобы невольно не присвоить классических определений.

Неужели у нас наступает время дураков и негодяев? В это не хочется верить. Как не хотелось верить разумным интеллигентным немцам в тридцатые годы, когда они слышали первые национал-социалистские истерики... Как не хотелось верить свободолюбивым американцам в пятидесятые, когда перед ними бился в патриотической падучей бесноватый сенатор из Висконсина. Не верить в таких ситуациях своим глазам и ушам — вечная болезнь порядочных людей, отторгающих всякую низость, грязь и бред. У нормального человека в голове не помещается, что другие люди могут сознательно сделать такой выбор — быть безумцами и негодяями.

Увы, эта естественная реакция здорового организма в определенных обстоятельствах сродни попытке страуса спасти душевный покой, спрятав голову в песок. Прозрение может прийти слишком поздно.

В Америке 50-х годов беда, к счастью, не была необратимой. В отличие от Германии 30-х годов и России 20-х. Германское умопомрачение, потрясшее Европу и мир, было остановлено лишь силой 12 лет спустя. Наше отечественное умопомрачение длилось семь десятилетий. Однако сейчас, когда оно, кажется, наконец ушло в прошлое, нам навязывают новое.

Все ЦУ дает ЦРУ

Последним поводом для этих заметок стала нашумевшая статья четырех авторов Голика, Энгвера, Бабурина и Шашвиашвили «Агенты влияния» в «Советс-

**А вас
записали
в «агенты
влияния»?**

кой России». Несостоявшийся карьерист, несправедливо обиженный депутат союзного парламента, восходящая звезда партии неопатриотов и парламентский забойщик объединились в неожиданной комбинации, словно специально, чтобы подчеркнуть серьезность выбора, который они вольно или невольно, сознательно или под влиянием эмоций сделали.

Каждый вправе выбирать себе символы веры и авторитеты — слава богу, мы сегодня действительно свободные люди. Четверка столь малопохожих людей в качестве апостола истины выбрала себе... Крючкова. Это было бы нелепо и смешно, если бы не несло в себе демонстративного послания обществу: вы можете сколько

Иллюстрации Дюрера — Шенки

угодно судить незадачливых гэкачепистов, для нас это герои, и самый большой герой — бывший председатель бывшего КГБ. Не слишком обаятельный герой — что с того. Главное выразить свое отношение к Августу 1991 года. Главное — послать сигнал своим сторонникам: мы отвергаем августовские итоги и все послеавгустовское развитие, нам близки цели и методы ГКЧП. Мы тоже крутые ребята!

КГБ был кентавром-чудовищем, он сочетал в себе функции военно-политической разведки и идеологической инквизиции. Трудно сказать, насколько успешен был Крючков в первом качестве, но второй своей ипостаси он отдавался со всей страстью, что и привело его в конечном счете к августовскому финалу. Одним из плодов этой страсти стал жупел «агенты влияния».

Я хорошо помню, как шулерским жестом впервые на публике он вытащил из рукава этот жупел. На закрытом заседании Верховного Совета СССР неожиданно появились главы министерств обороны, внутренних дел и госбезопасности, чтобы хором объявить: «Отечество находится на грани катастрофы». Причина грозной катастрофы — «агенты влияния». Оказывается, ЦРУ давно уже, еще при Андропове, разработало хитроумный план «по разложению советского общества и дезорганизации социалистической экономики». «В этих целях, — сделал пугающее открытие Крючков, — американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентов влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза».

Тогда мы в журнале сделали вывод о том, что ситуация действительно критическая и разрядить ее может только отставка Крюčkова. Этот вывод и опубликовали в главной статье. Публикация вызвала переполох, была масса гаданий, что и кто стоит за ней. Простая мысль о том, что независимый журнал может высказать собственное мнение, как-то не приходила в сверхмудрые головы отечественных и зарубежных кремленологов. Попробую объяснить сейчас.

Тройной карамболь перед путчем

Тройной карамболь — неожиданное появление в парламенте всех главных силовиков — Крюčkова, Язова и Пуго — был слишком грозным знаком. И Горбачев не имел права не заметить его, не отреагировать решительно и быстро. В противном случае это означало, что силовые министерства выходят из-под его контроля и что как гарант демокра-

тического процесса президент становится недееспособен. Понимал ли это Горбачев или, привыкнув к роли непререкаемого и неприкасаемого, утратил бдительность, но он ничего не сделал. И тем самым сделал фатальную ошибку. В следующий раз тройка выступила уже не в парламентском зале. Два месяца спустя — 19 августа 1991 года на улицы Москвы вышли танки.

Я не хочу быть ни слишком умным, ни слишком смелым — задним числом. Журнал выступил в простейшей роли — мальчика, который сказал внятно, что король голый. И побуждением было не только (и может быть, даже не столько) политический анализ, которым я сейчас поделюсь, сколько оскорбленное нравственное чувство. Услышав про этих «агентов влияния», которыми на шестом году демократического перестройки вдруг начали всерьез нас пугать — как всегда втемную, — я испытал глухую тоску. Господи, ну за кого они нас принимают — за круглых идиотов, что ли? За быдло, которому можно беззастенчиво лепить горбатого, запугивать любым вздором? Кому на роду написано, чтобы его одурачивали, обезволивали, окручивали вокруг грозно поднятого начальственного перста?

Опять?!

70 лет ищем шпионов

Ведь это уже было. 70 лет великий народ находился в постоянном поиске. Под водительством партии и славных чекистов всем миром искали агентов Антанты, саботажников, шпионов, диверсантов, наемников империализма, космополитов, диссидентов... Чем дальше в социалистический лес, тем больше страшных капиталистических дров. Слова все туманней, смысл неуловимей. Понятное дело: фронт-то невидимый. Идеологический, но фронт! А стало быть, законы мирного времени отменяются, судить можно не за совершенные действия, а за идеи, намерения — кому полагается, разберутся — за то, что в уме... И судят верным трибуналом, где нет времени, да и ненужно искать доказательств, ибо все эти бессмысленные, сплошь иностранные слова имеют один и тот же отчетливый смысл — «не наши», «предатели», «враги народа». И уже несут в себе безапелляционный приговор.

Нет человека, которому нельзя было бы проломить череп с помощью этих спецслов. Бесконечная вереница людей любых профессий и положений сослана, выслана, сжита со света по обвинению в том, что продались за границей, подрывали основы нашей жизни — рыли туннель из Бомбея до Лондона. И ни громкое имя — будь то маршал Тухачевский, академик Сахаров или писа-

тель Солженицын, ни безымянность простого обывателя не могли спасти от карающей десницы самоназначенных «друзей народа».

Народ очищали от врагов. В этом ряду слов-кастетов «агент влияния» был, безусловно, последним открытием. К счастью, запоздалым. И, в сущности, смешным. Чтобы оно снова стало страшным, нужно было восстановить всю логическую цепочку отравленного сознания. Чтобы «иной» вновь означал «странный», а «иностранный» было бы равносильно: «чужой — враждебный — преступный». Но для этого нужно было реставрировать «железный занавес», объявить новую священную войну Западу, который ведь спит и видит, как нас поработить — без нашего развала у них своих проблем явно не хватает, реабилитировать ГУЛАГ.

Отдадим должное Крючкову. Слово у него не разошлось с делом. Два месяца спустя он предпринял свою попытку реставрации. Другое дело, что новый Феликс оказался не железным — на большую кровь не решился, а без этого попытка была обречена с самого начала.

Бабурин — это Крючков сегодня

Ну да ладно. Владимир Александрович — уходящая натура, человек старой школы. Начал карьеру в Будапеште — 56, развивал в Афганистане, с азартом охотился за головой Амина в буквальном смысле и фигурально — за всеми приметными отечественными головами. Подслушивал. Наушничал. Интригуя, угождал. Угождая, интриговал. Проводил линию партии в органах и линию органов в партии. И себя не забывал. Это для него и была работа, нормальная жизнь, единственно верное и разумное общественное устройство. Что, однако, заставляет 33-летнего баловня российского парламента, объявившегося на свет божий совсем в другие времена, солидаризироваться со столь одиозной фигурой (об обиженных соавторах статьи не говорю), воспользоваться заведомо запрещенным оружием?

Полтора года спустя Сергей Бабурин подхватил жупел «агенты влияния» из ослабевших рук узника «Матросской тишины», отряхнул ка-гэ-бэшную пыль и, явно любуясь своей молодецкой удалой, весело запустил в гудящий рой сегодняшней политической схватки.

Первое и щадящее, что приходит в голову, — это мысль о невежестве. Про одного из наших вождей рассказывают. За границей черт его дернул посетить супермаркет, а ведь это для неподготовленного советского человека смертельный номер. Одно лишь количество сортов колбасы далеко превосходит сло-

«Новое время», июнь 1991 г.

жившиеся в иных социальных условиях представления о прекрасном и возможном. Наш герой, однако, раскусил вражеский трюк сразу: «Успели, гады, завезти продукты со всей округи. В следующий раз наярю без предупреждения».

В отношении Запада наши новые ура-патриоты столь же дремучи. Они его не знают и знать не хотят — сами с усами. Зато очень боятся. Нет такой пакости про Запад, в которую они не готовы поверить сразу и бесповоротно. Странность, однако, в том, что на этой своей мании преследования они еще и наживают патриотический капитал.

Ну не дурость ли это — устроить вселенский плач по великой стране, которой мы обладали (при Крючкове и его предшественниках), и тут же заявить, что ее в миг развалил никому не известный институт то ли г-на Крайбла, то ли г-на Крибла? Впрочем, и без цинизма тут тоже никак не обойтись.

«С.Р.» предупреждает: проституция радиоактивна

Надо отдать должное политикам и публицистам этой школы мысли (ее еще можно было бы назвать школой «Советской России»): их писаниям свойствен особо выдающийся идиотизм.

«...продажа Америке ядерного горючего из наших боеголовок — сделка, которая обеспечит США энергией, почти дармовой, еще на одно столетие...» — утверждает, к примеру, Петр Проскурин. Согласитесь, эта штука про боеголов-

ки посильнее, чем фаустпатрон.

С замечательным открытием писателя-патриота может посоревноваться откровение известного идеолога той же умственной направленности Геннадия Зюганова, который в свой черед обнаружил доселе неизвестный источник ядерной и химической опасности. Им оказалась проституция.

«Казалось бы, как может, например, проституция быть фактором химической или радиационной опасности?» — умело завлекает читателя Зюганов. И отвечает: «Оказывается, она может играть роль дестабилизирующего фактора общего значения, фактора травмирования сознания и поведения русских, а еще более татарских (вообще мусульманских) отцов, и потому она не случайно фигурирует в протестах авторитетных лидеров патриотических движений. При гибели от СПИДа дочери, вовлеченной в проституцию и наркоманию, такой отец, особенно если он инженер АЭС или химического объекта, естественно, будет представлять опасность как психически неполноценный работник или, еще скорее, как мститель-террорист. Однако и отец «противоположного» типа будет фактором действий той же направленности. Ему этот факт послужит сигналом, что действительно все продается и предела нет».

Не дай бог какой-нибудь впечатлительный инженер АЭС или химобъекта прочтет эту статью г-на Зюганова — особенно во время ночного дежурства. У него же крыша может поехать. А это, согласитесь,

очень опасно, если поедет крыша. Тем более внутри атомной станции или химобъекта. Тем более ночью. В этом смысле писания г-на Зюганова являются очевидным фактором загрязнения окружающей среды, экологической угрозой, которой никак нельзя пренебрегать.

Предела нет не только глупости, но и агрессивности, с которой высказываются подобные откровения. В этом контексте пояснение г-на Бабурина и К⁰, что «агент влияния» — это далеко не всегда шпион и тем более уголовный преступник», представляет собой верх либерализма.

«Дупло» в Кремле

«Агентами влияния», по мысли Бабурина, являются Бурбулис, Полторанин, Мурашев. «Агентами влияния» являются «целые группы и движения». «Например, движение «Демократическая Россия» или на определенном этапе своего существования пресловутая МДГ...» Можно понять, что «агентом влияния» является и сам Ельцин. Великодушная оговорка авторов статьи в «Советской России» оставляет некоторую лазейку, что, может быть, президент России и не шпион. Хотя как иначе объяснить недавний визит в Москву директора ЦРУ Гейтса и его встречу с Ельциным, если не тем фактом, что «дупло» оборудовано прямо в Кремле. Так американскому империализму удобнее.

Надо признать, что это редкая недоговоренность. Обычно публицисты чикинской школы не стесняются себя ничем в отстаивании правды,

называя нынешнее правительство своими именами — то есть оккупантами, империалистическими наймитами, врагами народа. И как бы ни прятало правительство Ельцина — Гайдара свои преступные замыслы, никакие его козни не могут скрыться от вечно бдящих обозревателей «Советской России».

Однажды весной один из них Александр Фролов прочел заметку в газете «Нью-Йорк таймс» о том, что американские монополии предпочитают саудовскую нефть российской, и тотчас прозрел. Он понял, что «в соответствии с этим выбором правительство Ельцина — Гайдара формирует политический и экономический режим», который «может сравниться разве что с гитлеровскими планами послевоенного устройства России». Он знает, что существует «программа «рационально организованной катастрофы», ему известно даже, что она «просчитана на компьютерах». Он спешит поведать людям, что в эту программу входит «вялотекущая гражданская война», голод, «послойное» и как бы «естественное» вымирание наиболее слабых и беспомощных». Но особо коварную участь компьютер-заговорщик определил, как ни странно, новым бизнесменам. «Целое поколение молодых «коммерсантов» будет откармливаться на специально созданном для них спекулятивном «рынке» до тех пор, пока они окончательно не утратят способность к какой бы то ни было созидательной деятельности в производстве, науке, культуре. Затем их предоставят самим себе, а наиболее стойкие, желающие трудиться будут эвакуированы за рубеж».

Поистине публицист — ясновидец. Но и ему далеко до инженера человеческих душ и специалиста в области боеголовки.

«Вот Ельцин, будучи в очередной раз в Штатах, всю нашу оборонную мощь, созданную неусыпным трудом и подвигом десятков поколений, развалил одним росчерком пера, подписал позорную капитуляцию без войны», — пишет Петр Проскурин и восклицает: «Что это, высшая государственная мудрость — продолжать национальное предательство клики Горбачева?»

Чем силен насто-

ящий писатель, так это недоступным простым смертным умением проникнуть своим взглядом в будущее. Дело в том, что «Пимены на русской земле никогда не переводились, даже в самые мрачные времена», как сейчас. И Петру Проскуру не составило труда прочесть их ненаписанные еще творения. Что в них? Уверенной рукой Проскурин набрасывает тезисы для коллективного Пимена наших дней:

«Наряду с другими неисчислимыми злодеяниями летописцы отметят также, что нынешнее российское правительство намеренно и последовательно разрушает внутреннее бытие, дух и божий лик русского народа и тем самым стремится, выполняя волю пославшего его, превратить русский народ в стадо манкуртов, безумных рабов, лишенных памяти, старается низвести русский народ до положения тупой, безгласной скотины, заменить его суть, в том числе и тотальным разгромом его культуры, на нечто другое, и что этим нынешнее российское правительство совершает высший смертный грех перед промыслом божьим и вечным замыслом космоса...»

«Выполняя волю пославшего его...»

Прервем на время цитату и переведем дух.

Как видите, Пимены, которые по ночам (а ведь по чести вся наша жизнь — сплошная кромешная ночь без просвета) трудятся в неизвестных кельях, не открывают нашим потомкам ничего особенно нового, что выходило бы за рамки регуляр-

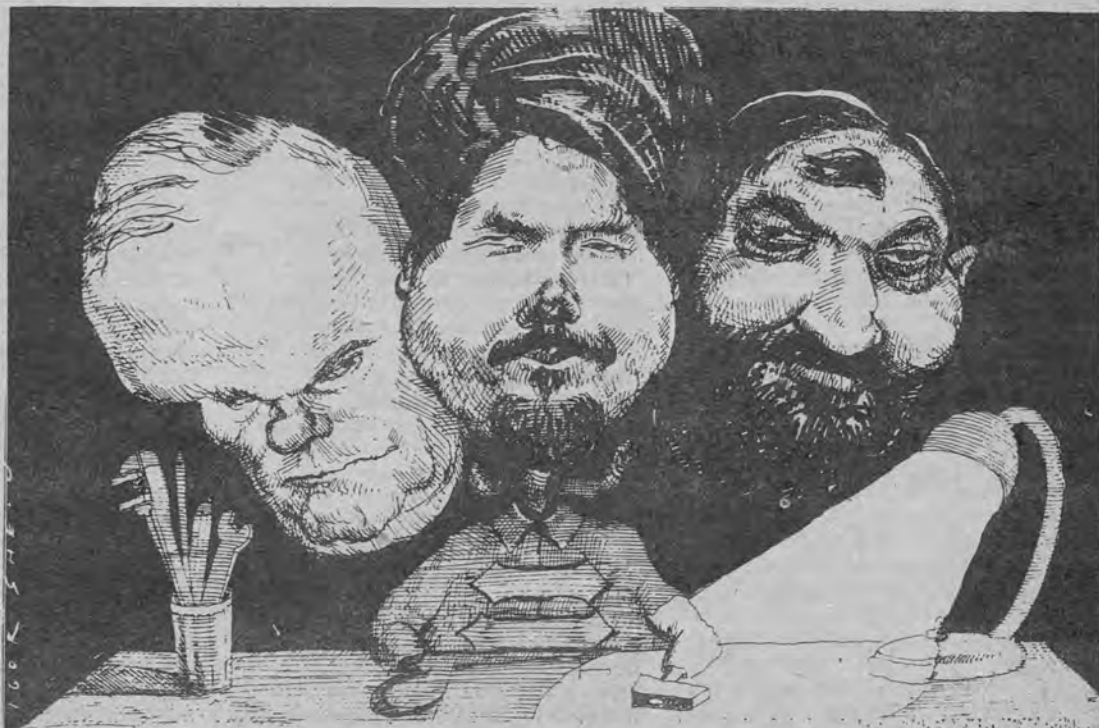
ных писаний авторов «Советской России» или речений «непримиримой оппозиции»... В этом контексте я бы лишь отметил особо многозначительную строчку: «выполняя волю пославшего его...»

И хотя стиль этот поразительно напоминает почерк беглого отца Федора из романа Ильфа и Петрова, писавшего слезные письма о медленном вспомоществовании, это не основание для иронии. Пора задаться вопросом: так чью же волю исполняет наше родное правительство-преступник? Кто есть он, пославший его? Или строго по-научному: агентами влияния кого является нынешний режим власти в целом и поодионочке?

На этот счет в мнениях суровых Пименов царит обидный плюрализм, по-нашему — разнобой. Крючков со знанием дела заверял, что это ЦРУ. Бабуринов обнаружил таинственного г-на Крайбла-Крибла. Штатные публицисты «Советской России» называют президента Буша. Правда, с этой точки зрения победа на выборах Билла Клинтона совершенно необъяснима, она путает все карты. В этом смысле более безопасно грешить в целом на американский империализм — диагнозу проверенный и без последствий: некому подавать в суд за диффамацию.

Писатель-душевед, однако, и тут отличился. Пора продлить проскуринскую цитату:

«...и тогда летописцы засвидетельствуют, что такое правительство не только преступно, но и античеловечно, что оно порождено темной, сатанинской стороной самой природы человека и что скорейшее

избавление от него — праведное дело».

Отсутствие закона об интеллектуальной собственности не освобождает меня от долга признать, что приоритет в указании пальцем на первого Врага человечества принадлежит другому письменнику — Борису Олейнику. Однако открытие г-на Олейника на страницах той же газеты носило ограниченный характер, он лишь доказывал, что исчадием ада, порождением Дьявола, является родоначальник перестройки и гласности Михаил Горбачев. Проскурин пошел дальше.

Надо признать, что плюрализм братьев-разнобойников имеет не только свои недостатки, порождая некоторые сомнения в их здравом уме, но и очевидное достоинство. Он создает почву для единства всех верующих. Во что бы ни верили порядочные люди: в ЦРУ, г-на Крибла-Крайбла, в американский империализм или в черта-дьявола, все они могут и должны объединиться на здоровой почве экзорцизма. Нет более актуальной задачи, чем отлучение демократов от власти, чем изгнание самой демократии. Ибо демократия и есть первое зло, главное дело «агентов влияния», самое эффективное оружие врага. Демонстрация!

«Гласность, демократизация, права человека», по Бабурину и К°, — это всего лишь «словесная мишура», «цели, поставленные «хозяином». «Демократия, общечеловеческие ценности, достижения мировой цивилизации и так далее» — «абстрактные категории». Приверженность им — «характерный признак, присущий всем агентам влияния». Недурно сказано.

На каждого Курбского институт Сербского

Интересно, на что может рассчитывать политик, заявляя такое во всеуслышание. И это в нашей стране, где были Беломорканал и БАМ — Стройки ЗЕКА, где на каждого Курбского находился институт Сербского и где бесчисленные миллионы конкретных судеб были изломаны и загублены из-за того, что некоторые простые и общие ценности были превращены в «абстрактные категории».

Я думаю, что общество должно поблагодарить г-на Бабурина за откровенность и ответить ему и его коллегам и единомышленникам взаимностью.

«Агенты влияния» — это новая попытка подменить политические средства силами безопасности. Тот, кто готов прибегнуть к этому, автоматически ставит себя вне нормального политического процесса.

«Агенты влияния» — конец всякой дискуссии, приглашение к но-

вому сезону посадок. С «агентами влияния» не спорят и вообще не церемонятся, их берут.

Тот, кто отвергает демократию, ставит себя вне демократии.

Впрочем, г-н Бабурин не демократ, он патриот. И что же вы хотите, чтобы истинный патриот не мог расступиться в собственной стране?

Стремительность, с которой потерявшиеся были функционеры партии, КГБ, ХОЗУ, ВПК, не говоря уже о новых карьеристах, обретают себя на почве патриотизма и национализма, невольно наводит на мысль о том, что автор известного афоризма о патриотизме как последнем прибежище негодяев не так уж не прав.

Бывший инструктор, зав. сектором, зам. зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, член политбюро и секретарь ЦК РКП Зюганов стал лидером «соборников» и Фронта национального спасения. Член политбюро ЦК РКП Чикин спасается там же. Газета «Советская Россия», которая вчера еще фабриковала манифесты истинного догматического коммунизма, сегодня с тем же пылом печатает «Манифест российского национализма». Нет ничего проще, чем поступиться принципами. А впрочем, действительно ли они поступаются принципами или просто в цвет времени меняют кожу?

Нет слов, патриотическая риторика хороша, но разве плох был коммунистический пафос?

Национализм — это обещание блага своему народу. Социализм — обещание блага обществу тружеников. Разница невелика, тем более что и то и другое оказалось демагогией, прямой дорогой к диктатуре.

Другое дело, что сегодня социализм-коммунизм скомпрометирован в общественном сознании и отторгнут, а патриотизм — он свой, родной, в ореоле святости. Так ведь и спекулируют обычно на самом дорогом. На этот счет у Себастиана Бранта в «Корабле дураков» есть такие строки:

*От века продавцы реликвий
Народ обманывать привыкли.
На паперти шумит базар,
Разложен плутувской товар —
Все тут священо, драгоценно:
Из вифлеемских ясель сено,
От Валаамовой ослицы
Кусок ребра; перо хранится
Архистратига Михаила
(Не сякнет в нем святая сила);
Тут есть уздечка боевого
Коня Георгия святого;
Одна сандаля святой Клары...*

На нашем антирыночном базаре свои святыни — той же степени подлинности, что и сандаля святой Клары.

Из социализма в национализм вприпрыжку

Спасение в русском национализме?

Начать с того, что национализм

еще никогда никого не спас.

Как не понять национализм малой нации, терпящей угнетение и унижение! Понять, но не разделить. Ибо и трижды оправданный национализм редко останавливается у той черты, когда любовь к отеческим гробам переходит в готовность нагромоздить гору чужих гробов. Столько вспышек самых разных национализмов прошло у нас перед глазами за последние годы. Какому народу помог он решить национальную задачу: армянам, азербайджанцам, грузинам, абхамам, осетинам, ингушам?.. То, что вызвано голодом крови, кровью обычно и кончается.

Но национализм большой нации?

Говорят, что никто так не пострадал от коммунистического тоталитаризма, как русский народ. Это, к счастью, не так, хотя и счастье невелико. По России так же проехал как ток системы самовластия, как и по всей нашей широкой стране, где полно лесов, полей и рек. Но все же русские как русские дискриминации не испытывали. В отличие от ингушей и чеченцев, крымских татар или поволжских немцев или евреев и других, по выражению незабвенной Нины Андреевой, «контрреволюционных наций».

Русские православные храмы взрывали или превращали в склады гниющей картошки, но не потому, что они русские или православные, а потому что храмы. Той же участи подверглись и мусульманские мечети и молельни всех остальных религий. Богов крушили всех подряд — ради торжества бога безбожья. Кулаков уничтожали как класс везде и всюду. Крестьян превращали в крепостных колхозов без разбора национальности. Из всех прав оставили лишь одно право: беззаветно служить делу Ленина — Сталина, родной Коммунистической партии — как и всем остальным нациям и народностям. Это и называлось реальным социализмом, и надо признать, что русских он особо не выделял.

Что вовсе не делает коммунистический тоталитаризм милее или краше. И что тем более вряд ли дает право профессиональным пропагандистам ленинизма Зюганову или Чикину претендовать на роль идеологов новой веры. В уравнивании национал-социализма они стремительно драпанули из социализма в национализм, и если и застряли пока что в области дефиски, то только потому, что вынужденно пробавляются одними лишь словами.

А очень хочется еще и власти, чертовски хочется поработать властью.

Для этого все средства хороши, но нет ничего лучше патриотизма. Он делает народ безропотным.

Истинный патриот беззаветен, для себя лично он никогда ничего не

потребуется, не попросит — такие люди нам и нужны. А непатриот? Ну кто тут непатриоты, выходи!

Нет таких жертв, которых нельзя было бы потребовать именем патриотизма. «Судьба Родины мне дороже, чем свобода печати», — говорит Станислав Куняев. Действительно ли он понимает что говорит?

«Без погромов можно обойтись»

Впрочем, он-то понимает. А вот некоторые другие?

До сих пор я полемицировал с публикой определенного рода, с авторским кругом «Советской России» и делал это без колебаний. Но вот из недр другой газеты, которую я привычно считаю замечательной, поступают странные сигналы. В «Комсомолке» вроде бы обсуждается в качестве магистральной идея «просвещенного национализма».

Что бы это значило?

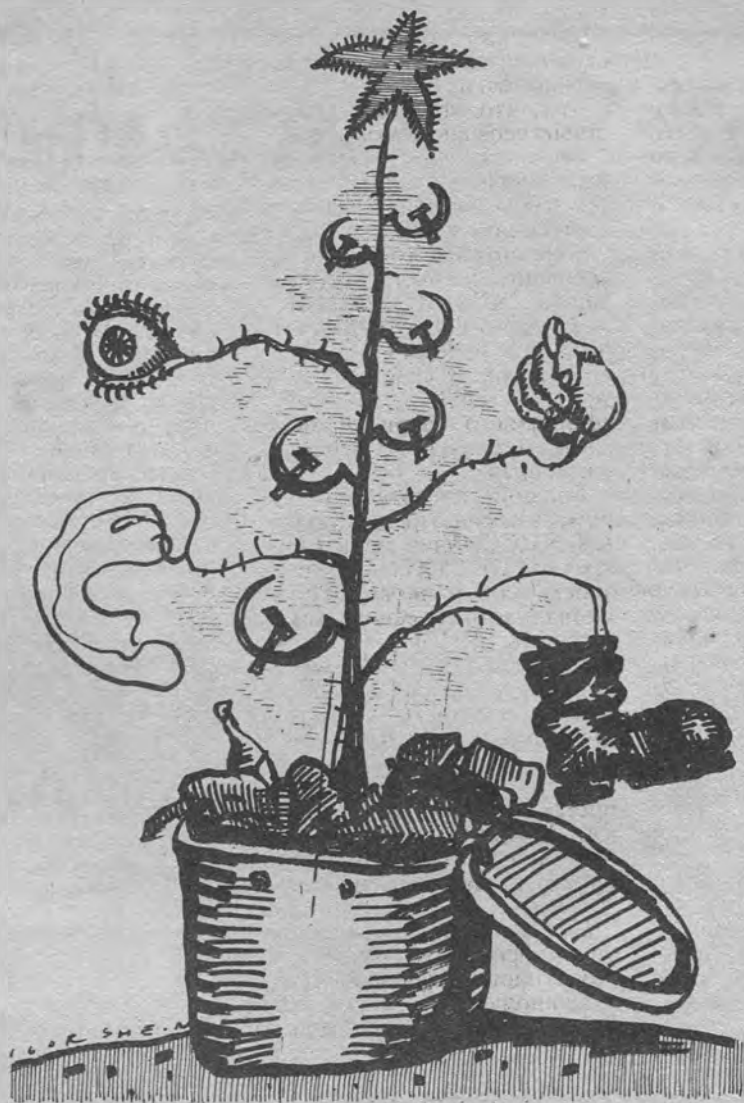
В статье «Стыдно ли быть националистом?» обозреватель Александр Васильев разъясняет, что не только не стыдно, но исторически неизбежно, а поэтому необходимо и полезно. Обозреватель находит оригинальный аргумент в защиту русского национализма и в неожиданном месте. Он побывал в Израиле — хрупком, недавно созданном государстве, размером с носовой платок, и вернулся оттуда с вопросом: «Почему евреям позволено, а русским нельзя?» Стоило ехать за этим в Израиль...

Дискуссия под этим девизом имеет немалую традицию, и боюсь, что я не смогу обогатить ее своим участием. Но любопытно, как автор успокаивает встревоженных.

«Напрасно беспокоится «Радио «Свобода»: евреям в будущей националистической России вряд ли что угрожает. Слишком срослись они с русскими по обычаям, по культуре — «по жизни».

И заключает: «Погромы не нужны никому. Без них можно обойтись».

Это хорошо, что автор полагает, что без погромов все-таки можно обойтись. Признаться, другого от обозревателя «Комсомольской правды» я и не ожидал. Но боюсь, что гарантия не слишком надежная — да-

же не все Васильевы так считают.

Национализм — это дорога без останков.

«Просвещенного национализма» не бывает. Не бывает даже «просвещенных националистов», ибо если человек просвещенный, то он не станет националистом. «Просвещенный национализм» — это до поры. На каждого «просвещенного националиста» найдется целая толпа непросвещенных, которые легко докажут, что наш «просвещенный» просто слабак, что он вовсе даже не националист, а отщепенец, ренегат, полукровка, продажная тварь. Агент влияния.

«Задерживать эмиссаров и космополитов...»

...Нет ничего такого, чего нельзя было бы оправдать ссылкой на благо народа. Ведь патриотизм — это любовь к родине, не так ли? Только любовь — глубоко личное чувство, оно обретается в человеческом сердце и не терпит суеты. А патриотизм — нечто массовое, категория стратегическая, то, чем рас-

поряжается государство. Патриотизм — это та же любовь к родине, но только мобилизованная и призванная, обращенная против врага. Правда, для этого требуется война, миг смертельной опасности для нации.

Вот наши штатные неопатриоты и воюют, да еще как громко воюют! У них, что ни поле, то Куликово, что ни речка, то Волга, что ни сватка, то Сталинград. Поистине бесстрашные люди. Ради своих мелких страстей и расчетов ведь не боясь тревожить тени великих предков.

Патриотизм — это любовь к родине, превращенная в культ. А величие культа измеряется размером жертвенного алтаря... Чем больше жертв, тем значительней культ. С нашим-то опытом совсем нетрудно представить себе общество, в котором будет культ патриотизма и не будет свободы печати. И прав человека. И не будет демократии, общечеловеческих ценностей, достижений мировой цивилизации, всех этих, по Бабурину, абстрактных категорий, которые не более чем изо-

щенный канал агентуры влияния.

20 августа 1991 года генерал-полковник Альберт Макашов направил войскам вверенного ему Приволжско-Уральского военного округа приказ-кодограмму:

«1. Усилить командирам и политработникам патриотическую работу. Солдат и офицер не может не быть патриотом. Основная теоретическая база для работы — «Слово к народу» в «Советской России», подписанное восемью патриотами, в том числе и военачальниками Громовым и Варенниковым.

2. Эмиссаров, космополитов, предателей Родины и Союза задерживать, проводить допрос, сдавать после выяснения личности в правоохранительные органы...»

Нет ни малейших сомнений, что солдат-патриот, вооруженный «Словом к народу» из библиотеки «Советской России», легко различит в уличной толпе эмиссаров, космополитов, предателей Родины...

Те, кто хотел бы так жить, могут смело довериться ура-патриотам. Семь футов под килем тебе, «Корабль дураков».

Не всё на месте на «местах»

Юрий Фурманов

Любые обобщения претензиозны и спорны, особенно если они делаются о политической жизни страны, «глядя из Москвы». Когда же обобщения носят характер коллективных иллюзий, тиражируются средствами массовой информации, то они не только спорны, но и опасны. Чтобы вырваться из плена этих иллюзий и не оказаться в положении салтыковских генералов, знавших о жизни в России по «Московским ведомостям», нужно как минимум отъехать из столицы хотя бы на восемь часов дальше. Что я и сделал, отправившись в командировку в некогда «столицу» зстоя, реакции и консерватизма — Смоленскую область.

Народу нужна не политика, а власть

В Смоленск я приехал за две недели до съезда, ожидая увидеть там такой же ажиотаж и накал политических страстей, какой шумел в Москве. Ничего подобного. Если съезд российских депутатов и вызывал у людей какие-то эмоции, то они скорее были связаны не с надеждой, что будет больше мяса по доступной цене, а со страхом, что борьба за власть еще больше уменьшит их прожиточный минимум. «Хорошие» времена наступили в России, подумал я. Времена «равновесия страха»: власть опасается смуты внизу, а граждане страшатся смуты, исходящей из высших коридоров власти.

Что касается смолян, то властям, и местным и центральным, опасаться почти нечего. Поразительно терпеливый народ. Не ходит транспорт? Не беда, постоим с часок и пойдем пешком. Нет холодной воды в кране? Не беда, помоемся и горячей. Магазины закрылись на два часа раньше положенного времени? Опять-таки не беда, приеду завтра. После обеда цены подскочили на 10 процентов, ну что ж, очевидно, так надо, ведь их уже никто не регулирует.

Предметом региональной гордости местных властей является то, что в Смоленской области цены растут чуть-чуть медленнее, чем в других центральных областях России. К моменту приезда Егора Гайдара в Смоленскую область в середине сентября производство промышленной продукции упало на 15 процентов и вдвое сократилась продажа мяса и птицы по отношению к предыдущему году. Тем не менее глава правительства отметил, что в этом регионе «реформы идут в целом удовлетворительно».

В беседе со мной глава смоленской областной администрации Валерий Фатеев (уверенная в себе и незаурядная личность) сказал, как в свое время Ленин Герберту Уэллсу: «Приезжайте к нам в марте будущего года, после того как заработают по-настоящему процессы приватизации, и вы уже заметите ощутимые результаты реформы».

И в речи Гайдара, и в высказывании смо-

Политическая жизнь Смоленской области — глазами столичного обозревателя

ленского губернатора мое внимание привлекли фразы «реформы идут», «процессы приватизации заработают». Но, как я убедился в беседах с людьми в Смоленске, в Ельнинском и Гагаринском районах, этот безличный язык экономической реформы для них не очень приемлем. В Гагаринском районе уже две недели не ходят автобусы. Возмущенные люди отправились к транспортному начальству, а оно им в ответ: «Нет бензина». «Извините, — очень вежливо спросили граждане, вспоминая свое советское прошлое, — но ведь за это кто-то отвечает». «Может, — отвечает, — лениво сказал транспортный бюрократ, — но мне это неизвестно. Чего вы возмущаетесь — жизнь такая пошла». Я подумал, что на этой безличной логике реформ кто-то очень лично греет себе руки и перенаправляет даже слабую энергию протеста в адрес инициаторов реформ на самый «верх». «Кто заварил эту кашу, тот и виноват». Но большинство рядовых граждан не так-то легко сбить с толку: «Что же, мы живем уже в коммунистическом самоуправлении, раз некому власть употребить и не с кого спросить?»

Многие уже понимают, что за безличной логикой реформ стоят вполне конкретные люди, которые скрываются за спинами

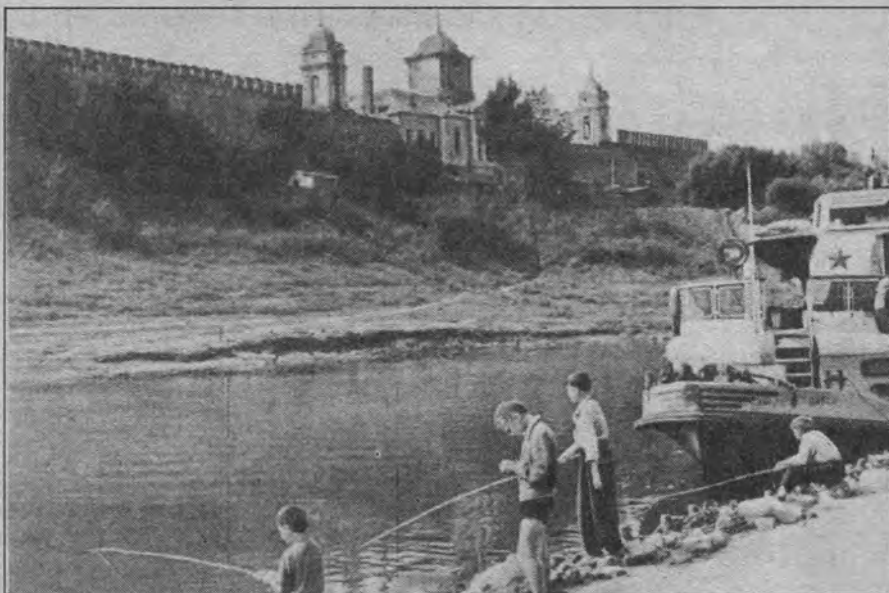
Вышли они из народа...

«антинародного правительства Ельцина — Гайдара» и правят «свой бал» в коридорах коррупции между Москвой и областью, областью и деревней. Они убеждены, что власть находится не у политиков, а у тех, у кого есть связи и деньги, — у новоявленных коммерсантов из партноменклатуры, как-то быстро поменявших свои партийные билеты на дензнаки.

Один водитель рассказал мне, что в ответ на недовольство, высказанное им в адрес бывшего парторботника, а ныне директора коммерческого предприятия, тот ему открыто заявил: «Будешь упрямым, я подарю твоему директору автобазы несколько килограммов конфет и тебя моментально заменят». Вот у кого власть. Напишите, что если и кого начнет бить народ, то это вот таких циничных нуворишей, которые так обнаглели, что ни людей, ни бога, ни власти совершенно не боятся».

Зависит ли логика реформ от центральных властей?

Судя по всему, сейчас в регионах России все меньше остается тех, кто полагает, что политика реформ и судьба страны определяются в Москве, будь то в правительстве или в парламенте. Политизация реформ в провинции неуклонно идет на убыль. Преобразования лишь регулируются в столице, а складываются в провинции. Ныне экономическая реформа

Чуден Днепр при тихой погоде

из субъективного перешла в объективное измерение, приняла характер «вещных закономерностей», что заставляет власти на местах, не дожидаясь указаний сверху, «корректировать (иногда существенно) общегосударственную политику».

Основным вопросом экономической реформы остается вопрос о темпе ее проведения, хотя она идет и все меньше спрашивает у властей, как ей идти: быстро или медленно? Но, будучи все менее зависимой от той или иной политической программы или стратегии (можно сказать, что «джинн был выпущен из бутылки» 2 января этого года и с этого момента он стал «хозяином» всех возможных стратегий), реформа все более и более нуждается во власти, и прежде всего власти региональной.

В этом я убедился, присутствуя на встрече Валерия Фатеева с депутатами областного Совета. В вопросах депутатов и в ответах губернатора обнаружилось, на мой взгляд, самое существенное противоречие реформ на местном уровне: чтобы рыночные отношения заработали, требуется существенно уменьшить вмешательство власти в хозяйственную жизнь, в то время как в реальной жизни неуправляемые преобразования приводят к таким негативным последствиям, которые «кричат» на каждом шагу и требуют решительного употребления власти. Надо ли властям регулировать розничную торговлю? Вроде бы не только не надо, но и недопустимо. Но надо ли пресекать преступную розничную торговлю? Вроде бы необходимо, но что в нынешних условиях, когда система государственного распределения на нуле, считать критериями преступности? И что, опять создавать новую властную, контролирующую структуру? Надо ли переводить водителей междугородных перевозок с талонной системы оплаты за бензин на денежную? Вроде бы надо. Но тогда

опять нужно создавать огромный институт дорожной милиции, которая будет охранять шоферов от возможных ограблений. Откуда взять людей? Из таможни (область стала пограничной)? Но она, по выражению Фатеева, и так стала «золотым дном» для жуликов и проходимцев.

Мне думается, что утверждение некоторых либеральных теоретиков, что между конечными целями реформ — созданием широко разветвленного института свободных собственников и существованием достаточно сильной государственной власти (в особенности на местах) — якобы существует непримиримое противоречие, преувеличено. В этом вопросе я больше согласен не с теоретиками, а с практиками, в частности с тем же Фатеевым (кстати, он кандидат экономических наук), считающим, что для осуществления либеральных реформ нужна сильная власть, которая, стараясь не вмешиваться в хозяйственную жизнь, станет решительно отсекай от нее на основе законов все болезненное и преступное.

Кода сегодня снова, в который раз, в столице обсуждается вопрос о том, по какому руслу направить реформу, это напоминает мне рассуждение физиков, которые всерьез бы обсуждали проблему, по какому руслу им направить уже происшедший ядерный распад. Очевидно, они были бы озадачены другой, более насущной и реалистичной проблемой — проблемой безопасности, вытекающей из законов физики. Сегодня требуются не досужие и амбициозные прения на предмет «где мы находимся» и «куда же нам плыть», а строжайшее исполнение законов. Заработают законы, заработает и реформа, в спасительную логику которой даже не совсем грамотные люди не перестают еще верить.

Если судить по некоторым центральным средствам информации, то

чуть ли не в каждой деревенской семье есть свои «левые» и «правые». Если послушать лидеров карликовых партий и их пропагандистов, то создается впечатление, что все они держат руку на пульсе истории.

Будучи в Смоленской области, я понял, что ряд партий и средств массовой информации не только спекулируют на мифе об организованной политической оппозиции (правой или левой), но во многом существуют и живут за его счет. Если где и дерутся между собой сколько-нибудь серьезные политические группировки, то это в Москве, Петербурге, в нескольких других крупнейших городах России. Но больше всего дерутся в Москве.

Есть ли в России организованная политическая оппозиция?

Прошу извинения за резкость, но эта неоправданная политическая шумиха в Москве происходит не в благополучной стране, а в стране, которой жизненно необходимы компромиссы и согласие. И происходит она как-то гротескно на фоне политической апатии населения, испытывающего замешательство и шок от нынешнего безбрежного и беспрецедентного плюрализма из-за невозможности разобраться, кто прав, не говоря уже о том, кому можно доверять.

На примере Смоленской области могу сказать, что лишь в начале этого года политическая жизнь здесь копировала, если можно так назвать, то, что происходит в Москве. Однако здесь раньше поняли бесплодность конфронтации по политическим мотивам. Не являясь большим поклонником президента Ельцина, могу сказать на основе своих наблюдений и опросов, что он прав, считая, что открытые противники реформ (не следует отождествлять с противниками самого президента) в России не более 6–8 процентов. Разумеется, это не означает, что все остальное население их «горячо» поддерживает.

В Смоленской области, как мне представляется, консерватизм переживает серьезную эволюцию. Если и есть противники реформ, то редко кто из них призывает к прошлому: к дефициту, очередям, начальникам, политическому контролю и цензуре. Из политической плоскости консерватизм все более уходит в плоскость прагматическую или в плоскость прагматического консерватизма уже вне реформ, а в их рамках. Если судить только по составу нынешнего Смоленского областного Совета, то в нем, как и прежде, заседают 82 процента депутатов, которые в прошлом были партийно-советской номенклатурой. Но если оценивать их нынешнее умонастроение только по генетическим корням, то картина их «оппозиционности» будет в значительной мере искажена. Из 125 депу-

Жизнь продолжается. Светские и духовные власти радуются открытию в Смоленске первой российской военной академии

татов в Совете найдется не более 10, тех, кто открыто выступает по всем пунктам против политики Ельцина–Гайдара, и нет ни одного, кто серьезно мечтал бы о реставрации социализма.

И все это происходит в городе, где на президентских выборах победил Рыжков, где не так давно собирали подписи за импичмент президенту, где 68 человек из 87 депутатов Совета высказали недоверие новому главе администрации Валерию Фатееву, и лишь отсутствие кворума сделало это голосование недействительным.

Если и говорить о существовании в Смоленской области непримиримой политической оппозиции, то речь может идти о нескольких мелких партиях, насчитывающих от 2–3 десятков до 100–150 человек, у которых нет ни реальной программы, ни цивилизованных способов действия. (Накануне моего приезда в Смоленск некто Александр Крылов из группы «Наши» поразил сознание обывателей тем, что исписал стены дома громкими политическими проклятиями.) Можно ли признать в качестве организованной политической оппозиции карликовые организации, представляющие собой немислимую смесь коммунистов, ура-патриотов и монархистов из «Русского национального собора», «Смоленского народного вече», «Народно-патриотического движения», «Российской партии коммунистов»? Бесспорно, громкость и скандальность, с которыми они себя представляют, создает порой эффект иллюзии их силы и массовости, но на ход реформ они почти никак не влияют.

Более серьезным является раскол между теми, кто заявляет о своей приверженности демократии. Мно-

гим депутатам как областного, так и районных Советов импонирует позиция «Гражданского союза», выступающего за сбалансирование темпов реформ и изменение «акцентов на Запад». Но их разногласия с «резкими» демократами, к числу которых относит себя Фатеев, носят не политический, а методологический характер, хотя с обеих сторон были попытки придать им характер политического противоборства.

Нет антагонистической конфронтации и между администрацией и областным Советом, хотя есть дефицит дипломатии и политической культуры с обеих сторон. Обе стороны не свободны от взаимных упреков и подозрительности. Если первая упрекает часть депутатов в недостатке ответственности и профессионализма, то многих депутатов не устраивает стремление исполнительной власти самостоятельно решать часть вопросов без совета с депутатами.

Но главное в том, что исполнительная и законодательная власти в области сближаются, ищут компромиссы между собой быстрее, чем центральные власти в Москве, а что касается районов, то дело обстоит еще лучше. Это наводит на мысль, что сейчас не политические программы, а «вещные закономерности» реформ требуют от местных властей большей согласованности действий. На местах лучше воспринимается, что если нет согласованности, то не будет и результатов реформ, а за их отсутствие народ, как сказал мне заместитель председателя областного Совета Владимир Ермоленко, «начнет бить всех без разбора», ибо в его представлении власть одна, а не две или три...

СМОЛЕНСК

Между райкомом и мечетью

От социалистической республики — к исламской? Но многие в Средней Азии как раз испытывают страх перед исламским фундаментализмом
 Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

Андрей Zubov

Нигде в СССР не было так много памятников Ленину, как в Средней Азии, нигде не сочинялось столько гимнов, не писалось столько книг о партии и коммунизме, как в этом регионе. Но вот рухнуло коммунистическое государство в Москве, и в течение нескольких месяцев не осталось коммунистов и в Средней Азии. Зато появились вдруг Демократическая партия, Народно-демократическая, Социалистическая... Только очень наивный человек может поверить, что коммунистов в Средней Азии сменили социалисты или народные демократы хотя бы так, как Ельцин в Москве сменил в августе 1991 года Михаила Горбачева. В Средней Азии игра шла по иному сценарию.

16 декабря 1991 года собирается в Ашгабате чрезвычайный съезд Коммунистической партии Туркмении под председательством первого секретаря ЦК Сапармурада Ниязова, а на следующий день

Коммунизм в Средней Азии не умер. Его там не было. Бывшие коммунисты ищут другую опору — национализм, землячество, ислам...

съезд принимает решение превратить себя в учредительное собрание Демократической партии Туркмении во главе с тем же Сапармурадом Ниязовым. Так же было в Узбекистане, так же в Таджикистане, так же — в Казахстане. С коммунизмом в Средней Азии простились легко, с властью — нет.

Баи в колхозе

И здесь, видимо, лежит объяснение удивительной лояльности союзу среднеазиатских руководителей. Они правили, опираясь на Москву. Самоустранение Москвы означало для них резкое ослабление власти.

Для понимания сущности нынешней ситуации в Средней Азии существенно важны два момента недавней советской истории. Во-первых, в двадцатые годы Туркестан был разделен на пять республик совершенно произвольно — границы никак не соответствовали существовавшим здесь ранее политическим совокупностям и племенным объединениям. Во-вторых, все-таки Сталин, уничтоживший во время

коллективизации и без того слабую социальную структуру русской деревни, сломался в Средней Азии.

Он расправился с высшей аристократией, со старым чиновничьим аппаратом бухарского эмира и хивинского хана, но не смог разглядеть, а может быть, и не пожелал вникать в то, что на уровне территориальной общины — махаллы и даже на уровне целых административных районов сохранились традиционные баи, ставшие, следуя правилам большевистской игры, председателями колхозов. Даже там, где старое высшее сословие было истреблено московскими коммунистами, новые начальники из местного населения быстро освоили традиционные роли. В России советский начальник правил совершенно аморфной массой «граждан», в Средней Азии он занимал свое место в жесткой иерархической структуре.

Но так как границы союзных республик были в Средней Азии совершенно произвольны, то в каждую из них попали несколько мощных территориальных групп, начавших борьбу за власть над всей союзной республикой. В Туркмении и Таджикистане с помощью сталинского репрессивного аппарата утвердились уже в конце 1930-х годов чарджоуский и ходжентский кланы. Иные — силой были приведены в повиновение. В Узбекистане первоначально правил ферганский, а с 1970-х годов — бухарский клан. В Киргизии и Казахстане большое европейское население делало традиционную власть менее всесильной. И все же южный, ошский, клан Киргизии и Большой жуз Казахстана доминировали во властной системе этих республик.

Национализм в Средней Азии был не в моде — этническое сознание в народе пока не сформировалось и вполне замещалось территориальной и клановой лояльностью. А лидеры кланов, желая утвердиться с помощью московской силы, всячески демонстрировали свой интернационализм и секуляризм. Нигде официальная религия не была так унижена, как в Средней Азии, а русский язык, которого не понимали в аулах и

кишлаках, стал рабочим языком местной бюрократии, элитной средней школы и всего высшего образования.

Коран в бывшем обкоме

Когда Москва самоустранилась, правящие в республиках кланы оказались вынужденными вновь, уже собственными силами, утвердить свою власть. Легко было править, опираясь на русские внутренние войска и КГБ. Без них силы правящего и подчиненных крупных территориальных кланов почти уравнились. Перед угрозой гражданской войны и территориальной дезинтеграции местные посткоммунистические вожди пытаются прибегать к различным средствам самозащиты.

Испытанное во многих странах «третьего мира» средство борьбы с клановостью — национализм — здесь, в Средней Азии, оборачивается антиевропейскими настроениями, приводит к отъезду русскоязычного населения и к ухудшению отношений с Москвой, в руках кото-

рой остаются все приводные ремни среднеазиатского хозяйства.

Крупные города, столицы среднеазиатских республик имеют 40–50 процентов европейского населения. Русскоязычные — основные работники на заводах, на транспорте, в научных институтах и деловой части администрации. Они лучшие врачи и учителя. Их отъезд разрушит до основания и без того слабое народное хозяйство новых государств. Но русские не привыкли чувствовать себя в Средней Азии людьми «второго сорта», а, следуя националистической программе, руководство среднеазиатских республик принимает законы о государственном языке и о приоритетных правах коренных национальностей на владение собственностью.

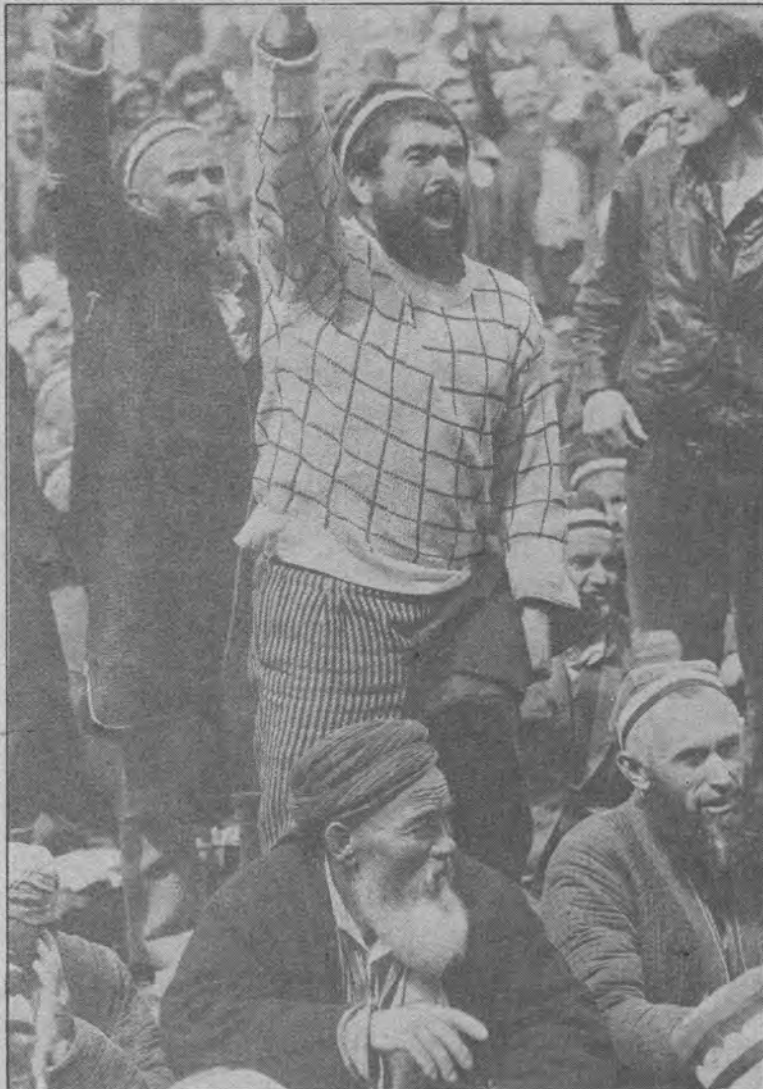
Кроме национализма лидеры республик Средней Азии пробуют еще и исламский козырь. Вместо собраний сочинений Ленина в кабинетах начальников появляется Коран. Вместо посещений мавзолея — хадж в Мекку. Но ислам слишком долго искоренялся в Средней Азии, чтобы

вызвать положительную реакцию населения. А во многих районах он никогда не был укоренен. Повсюду сохранилось множество народных, языческих обычаев и обрядов, но они не имеют ничего общего ни с сунной, ни с шариатом. Существует и страх перед угрозой исламского фундаментализма, раздаются даже требования прекращения трансляции телевидения из Ирана.

Будет ли Таджикистан федерацией?

Остается то, что пережило и царскую империю, и советскую власть, — традиционное территориальное сообщество, где-то феодальное, где-то патриархально-общинное. Но лишенные привычной поддержки Москвы лидеры правящих кланов ищут поддержку повсюду. Столь же активны и их традиционные соперники.

В Таджикистане уже произошел взрыв. Много десятилетий страной правил с благословения Москвы ходжентский клан. Около 70 процентов дохода республики

Национализм здесь не в моде. В моде клановость

В Таджикистане сложные социальные проблемы пытаются решить силой оружия

Фото ИТАР-ТАСС

шло на развитие одной Ходжентской (в недавнем прошлом — Ленинадской) области. Клань других областей — Памира, Курган-Тюбе, Гарма, Кара-теги восстали против этого диктата, когда «рука Москвы» исчезла. Восстали под лозунгами и Демократической партии, и Партии исламского возрождения.

Но партийная идеология вовсе не известна молодым горцам, которые, взяв автоматы, пошли искать правду в столицу Таджикистана — Душанбе. Немного знают они и из ислама. Старая власть ненавистна им, потому что она грабила их ради ходжентцев. А вот лидерам оппозиции понадобится и ислам, и демократия. Приверженность исламскому фундаментализму открывает им кредит в Иране и у афганских моджахедов, «демократия» может в перспективе обратить на себя внимание таких демократических мусульманских государств, как Турция или Египет. Коль Москва ушла — патронов приходится искать повсюду.

Выходец из Ходжента, бывший президент Таджикистана Набиев пытался традиционно искать помощи в Москве, но Ельцин и маршал Шапошников не стали ему помогать, видимо, предполагая, что Таджикистан все равно не уйдет из орбиты российского влияния, даже если там победят исламисты. Впрочем, победить они не могут. Силы сторон приблизительно равны. К ходжентцам примкнули давние соперники памирцев на юге республики — кулябцы, и в будущем Таджикистан может ожидать дезинтеграция:

полный распад на две или три мини-республики, то ли какой-то федеративный статус. Та же участь, думаю, ждет и Узбекистан, и Киргизию, и даже Туркмению. Южный, ошский, клан Киргизии уже попробовал свои силы в столкновениях весной этого года. Сейчас он доминирует в парламенте Киргизии и тем самым провоцирует север — иссыккульцев, нарынцев, таласцев вместе с европейцами, проживающими оседло даже в сельской местности этих районов, — искать автономии. В Узбекистане Исламу Каримову вряд ли удастся подавить жестокое соперничество Ферганы и Бухары. В Туркмении традиционно оппозиционер Чарджоу древний Мерв.

Старый друг лучше новых...

Характерно, что во всех республиках соперничают области, но в борьбу почти не вовлекаются столицы. Они могут превратиться в поле боя, но вряд ли — в одну из противоборствующих сторон. Созданные европейцами, с большим иногда доминирующим русскоязычным населением, столицы среднеазиатских республик, как оказалось, не вписались в традиционную ткань страны, оставшись на ней пусть важным, но инородным элементом.

И все же эта инородность вовсе не безразлична для будущего Средней Азии. Столицы строились в свое время как анклав центра, Российской империи, Советского Союза, на ее азиатской окраине. Они должны были стать и средоточием власти, и эталоном

будущего развития всего региона. Планы далеких «белых» правителей так и не осуществились, но определенный европеизм в жизнь своих республик столицы вносят.

Сейчас лидеры Средней Азии и их соперники готовы искать новые центры влияния, ориентируясь на которые они могли бы победить в территориальном соперничестве, в межклановой борьбе. Но ни Турция, ни Иран, ни Пакистан, ни далекая Аравия не смогут понести тяжелую ношу бедных посткоммунистических режимов, чуждых им по сознанию народа и по интересам лидеров. Вряд ли турки или иранцы смогут заменить миллионы русскоязычных европейцев в промышленности региона. И наконец, сложившиеся производственные связи — все они обращены на север, в Россию.

Сейчас, после поисков новых друзей, среднеазиатские республики вновь ищут помощи и защиты у России. Президент Казахстана выдвигает план последовательной военной и хозяйственной интеграции Средней Азии с Россией при сохранении политической независимости всех республик. Такой союз Средней Азии, вернее ее лидерам, крайне выгоден. Он воспроизводит старую схему — Москва защищает местные режимы от их соперников, не вмешиваясь в традиционный уклад. Но старый, коммунистический «уклад» России был столь же деспотичен, как и среднеазиатский.

Согласится ли Россия, став парламентским государством, тянуть за собой среднеазиатские восточные государства? А если Россия захочет помочь им обрести не только наименование, но и существование демократий — не будет ли это вмешательством в их внутренние дела? Согласится ли на такое вмешательство Ниязов, Каримов и даже Назарбаев?

Разбуженные перестройкой, среднеазиатские народы еще не нашли себя и своего места в мире. Продолжит ли Средняя Азия собой огромную зону политической нестабильности, тянущуюсь ныне от берегов Адриатики до долин Кашмира? Станет ли она частью новой стабильной демократической государственности вместе с Россией и другими республиками бывшего Союза или на долгие годы в этом центре Старого Света установятся жестокие авторитарные режимы, соединяющие приемы коммунистического владения с исламской фразеологией, демократическими декорациями и восточным государственным деспотизмом в экономической сфере?

Империя или великая держава?

Перспектива расплзания изготовленного в СССР наступательного оружия по странам, не отличающимся миролюбием, весьма беспокоит Запад

Алексей Арбатов,

доктор исторических наук,
директор Центра геополитических
и военных прогнозов

Главный приоритет для России ввиду ее огромной и многоплановой взаимозависимости с бывшими республиками — обеспечение политической стабильности, предотвращение и урегулирование конфликтов на просторах бывшего СССР. В случае дальнейшего нарастания там нестабильности, конфликтности и насилия под угрозой окажется как территориальная целостность России, так и ее экономические и демократические реформы. Задачей-максимум (желательным) является экономическая и политическая интеграция на основе равноправия, добровольности и взаимной выгоды стран СНГ, прежде всего России, Украины, Казахстана и Беларуси. Если желательное окажется недостижимым, то задача-минимум (жизненно важная для РФ) состоит в

**Если
относиться к
соседним
странам как к
потенциаль-
ным
противникам,
то они
действительно
станут
врагами
России**

предотвращении возникновения враждебной России коалиции других республик, которая неизбежно постарается привлечь на свою сторону поддержку извне.

На базе тысячелетнего опыта

В основу взаимоотношений республик должен быть поставлен хельсинкский принцип нерушимости границ. Их пересмотр допускается только путем мирных переговоров. Какими бы неудовлетворительными ни казались сложившиеся границы, попытки их насильственного пересмотра открывают ящик Пандоры. Нужно не менять границы, а сделать их несущественными за счет сближения республик и обеспечения всех прав нацменьшинств, кроме насильственного отделения. Европа усвоила этот урок после тысячелетия бесконечных войн, включая две мировые, — и будет катастрофой, если мы не захотим учиться на чужом опыте.

Могут быть только два исключения из этого правила. Одно — если та или иная республика сама инициирует пересмотр границ, например, пожелав объединиться с другим государством (Молдова и Румыния, Азербайджан и Турция, Таджикистан

Статья вторая.

и Афганистан). В таком случае нацменьшинства вправе требовать отделения. Другое — если республика проводит политику геноцида в отношении нацменьшинств, и это будет признано и классифицировано как геноцид по правилам ООН. Тогда в защиту прав нацменьшинства допустимы санкции, включая применение силы, по решению ООН или ее региональных филиалов (возможно, такие функции приобретет СБСЕ или СНГ).

Сказанное в полной мере относится к русскоязычному населению за пределами РФ, судьба которого является неотъемлемой стороной приоритетного интереса России. Цель поддержания хороших отношений с другими республиками может вступать в столкновение с защитой прав русских на их территории (как, например, в Эстонии или Латвии).

Ни в коей мере не оправдывая дискриминационные законы ряда стран, нельзя не отметить, что дело нередко осложняется сознательным нагнетанием напряженности со стороны русских националистических сил в республиках и в России. Их цель отнюдь не защита обиженных, а провоцирование национальных конфликтов как повода для военного вмешательства России, что может ввергнуть ее в войны по всему ближнему зарубежью и подорвет российские демократические реформы.

Сейчас положение усугубляется присутствием в ряде республик принятых под юрисдикцию РФ войск, медленный вывод которых подогревает там антирусские настроения, осложняющие положение русскоязычного населения и порождающие давление за сохранение войск для его защиты — и так по замкнутому кругу. Нередко войска и их склады становятся объектом нападения экстремистов, в других случаях оружие распродается военнослужащими, они неизбежно вовлекаются во внутренние конфликты, падает моральный уровень и дисциплина.

Сохранение такой ситуации очень опасно и противоречит главному приоритету российских внешних интересов. Она создает серьезнейшую угрозу и боеспособности российской армии, препятствует ее реформированию, может в конце концов толкнуть армию на политическую авантюру, убийственную и для нее, и для государства. Именно к этому ведут действия националистов, какими бы лозунгами они ни прикрывались.

Задержка вывода войск ни в коем случае не способна улучшить положение русскоязычного населения, она влечет прямо противоположные последствия. Отвод российских вооруженных сил в кратчайшие допустимые сроки из тех республик,

которые этого требуют, устранил постоянный раздражитель из отношений с Россией.

(Несколько отвлекаясь в сторону, отметим, что довод о том, что войска некуда выводить, в частности из-за отсутствия жилья для личного состава, вызывает серьезные вопросы. Эта наболевшая проблема существует издавна, еще с тех времен, когда войска ниоткуда не отводились и, более того, когда свыше 700 тысяч человек в группах войск вообще были дислоцированы за пределами СССР. Корень проблемы скорее в том, что наращивание вооруженных сил с определенного момента превысило возможности экономики и общества, в частности по линии строительства жилья для личного состава. Проблема и в том, что армейское руководство при распределении ресурсов ставило «человеческий фактор» на последнее место согласно нормам жизни тоталитарного строя. Сейчас командование российских вооруженных сил, похоже, уходит от радикального решения проблемы. Отвод войск не сопровождается их демобилизацией, намеченные масштабы сокращения армии (до 1,5 миллиона человек к 2000 году) совершенно недостаточны и не соответствуют экономическим возможностям России. При более быстром сокращении армии сосредоточение ресурсов только на строительстве жилья для офицеров при демобилизации рядовых вместо строительства городков для выводимых соединений полного состава с их боевой техникой позволило бы гораздо скорее и с меньшими затратами решить вопрос жилья.)

Если ущемления прав нацменьшинств будут продолжаться, то возможен широкий набор политико-правовых и экономических санкций

с привлечением ООН и СБСЕ, мирового общественного мнения, с присоединением к санкциям США и Западной Европы.

Опять хоругвь Ивана III?

Те, кого на деле (а не в качестве удобного предлога) волнует проблема прав человека в республиках, не могут выступать против сотрудничества с Западом. Ни Китай, ни Иран, ни тем более Ирак, судя по всему, не станут союзниками России в этом деле. Только демократические страны способны понять озабоченность россиян (если она будет очищена от имперских наслоений) и принять действенные меры против нарушений.

Понятно, что на основе приведенных принципов, конкретная политика должна варьироваться в зависимости от особенностей каждой республики и конкретного вопроса. Отношения, скажем, с Литвой и решение конкретных проблем не могут быть такими же, как с Таджикистаном, где может не оказаться альтернативы быстрому, прямому и одностороннему применению российских войск для предотвращения резни и обеспечения эвакуации мирных жителей.

В целом же в свете недавней истории и из-за огромного превосходства России по всем объективным параметрам над любой из остальных республик налаживание отношений с ними потребует именно от РФ большей мудрости и гибкости, готовности идти на уступки во всех сферах (включая раздел вооруженных сил), кроме одной — сохранения централизованного контроля над ядерным оружием, его ликвидации

Сможет ли президент укротить норы российского медведя?

за пределами России или отвода на ее территорию. Здесь никакие компромиссы неуместны, поскольку это вопрос не межреспубликанских отношений, а глобальной безопасности и стабильности, статуса и авторитета Российской Федерации в мире.

Самое опасное в сложившихся условиях — включение механизма «самооправдывающихся пророчеств»: если заведомо относиться к соседним странам как к потенциальным противникам и строить политику соответствующим образом, то они действительно станут врагами России.

Оказавшись во враждебном кольце, молодая российская демократия не выживет. Однако реставрация тоталитарного милитаристского режима под националистическими знаменами вопреки надеждам «красно-коричневых» не способна восстановить величие России. Этот путь уже дважды пройден — до и после 1917-го, и оба раза заканчивался крахом. Ведь после «великого перелома» начала 30-х годов официальная коммунистическая идеология была лишь новой ширмой для чисто имперской экспансии, заменив в этой функции монархически-православную хоругвь, поднятую со времен Ивана III («...а первый и второй Рим падеши, а третий стоит и четвертому не быти»). Попытка вернуться «к истокам» в новых условиях привела бы только к национальной гибели.

Опасность нового гегемонизма

Второй приоритет — предотвращение рождения региональных держав-гегемонов — обусловлен как новой ситуацией на пространстве бывшего СССР, так и широкими изменениями в окружающем мире. Список держав, потенциально способных создать для России угрозу регионального гегемонизма в 90-е годы, общеизвестен: Германия, Турция, Иран, Китай, Япония. Это не следует понимать как обвинение в адрес названных держав за их сегодняшние действия. Просто трезвый прогноз меняющегося баланса сил и геополитической ситуации вынуждает считаться с возможностью таких изменений в их политике, которые ныне там даже не планируются.

Если первая приоритетная задача не будет выполнена, то конфликт России с теми или иными республиками или их коалицией повлечет вмешательство на стороне последних внешних держав, что поставит под угрозу жизненно важные российские интересы. Неимперский курс, если он возобладает в Москве, вызовет именно такую реакцию внешнего мира и вновь повлечет его сплочение против России, что при

существующем соотношении сил, даже при сохранении сдерживающей роли ядерного оружия, обречет РФ на поражение.

С другой стороны, даже при самой конструктивной линии РФ возможно проявление гегемонистских устремлений со стороны третьих держав, которое еще больше дестабилизирует положение в ближнем зарубежье. Это обострит там внутренние и межреспубликанские конфликты, подстегнет на Кавказе и в Средней Азии исламский фундаментализм с опасностью его распространения на территории Казахстана и самой России.

В противодействии региональному гегемонизму важнейшим партнером России объективно являются США. Как и вторая сверхдержава на закате своего могущества, сокращающая военное присутствие и политическое влияние в Европе и на Дальнем Востоке, они тоже не заинтересованы в нарушении регионального и субрегионального баланса сил. Сильная демократическая Россия явится важнейшим элементом такого баланса, и ее конструктивная роль отвечает американским интересам поддержания региональной стабильности.

С российской стороны обеспечение этого второго приоритета предполагает в разных районах различные методы. В Европе залог предотвращения военно-политического экспансионизма Германии — в развитии европейской интеграции, укреплении СБСЕ как механизма коллективной безопасности и коллективного противодействия потенциальному агрессору (в частности, через принятие принципа «консенсус минус один голос»).

Традиционной целью СССР было ослабление единства НАТО. Теперь для России сохранение механизмов НАТО хотя бы на 90-е годы (включая американское военное присутствие и руководство в командных структурах) и взаимодействие с ней через Совет североатлантического сотрудничества — один из способов обеспечения своих интересов: по поддержанию стабильности в ближнем зарубежье и Европе.

Вместе с тем не следует поддаваться иллюзиям: НАТО не может плавно трансформироваться в европейскую систему безопасности. Главный смысл существования блока в ближайшем будущем — неопределенность развития ситуации в России и непредсказуемость ее внешней и военной политики в 90-е

Министр иностранных дел Андрей Козырев все последние месяцы подвергался жестокой критике со стороны антиреформистов

Рисунок Владимира Мочалова

годы. Стабилизация положения в РФ на базе рыночной реформы и упорядоченной демократии создают необходимость принципиально новой международной организации, возможно, на основе использования и развития элементов структур ЕС, ЗЕС, НАТО и СБСЕ с участием России, США и Канады. Такая система многосторонней евроатлантической безопасности обеспечит стабильность внутри Европы и совместные политические и военные акции для защиты ее интересов вовне.

В Малой и Южной Азии политика РФ может принимать форму прямого, в том числе военного, противодействия вмешательству извне по договоренности с республиками, оказавшимися под угрозой. В соответствии с более сложным характером политики многополярного мира в зоне, прилегающей к Закавказью, российским партнером объективно является Иран, а в Южной Азии — Турция. Поддержание определенного баланса между ними соответствует интересам России, несмотря на то что Запад однозначно отдает предпочтение Турции как члену НАТО. Вместе с тем даже непреднамеренное подталкивание Ирана к экспансии на юг нам невыгодно, поскольку повредит российским отношениям со странами Аравийского полуострова — влиятельными и богатыми союзниками против исламского фундаментализма.

На Дальнем Востоке интересам России (в отличие от СССР) отвечает сохранение американского военного присутствия в Японии. В случае ухода США, при происходя-

щем быстрыми темпами экономическом и военном усилении Китая, реакцией Японии может быть только форсированная ремилитаризация. Столкновение двух огромных держав из-за Кореи, Тайваня, Гонконга или Юго-Восточной Азии (которое может быть вызвано, например, конфликтом Китая и стран АСЕАН или Вьетнама вокруг островов Спратли) может вовлечь в конфликт Россию.

Резкое изменение баланса сил в пользу как Китая, так и Японии, появлению у одной из этих держав гегемонистских устремлений способно создать прямую угрозу российскому Дальнему Востоку. Нынешний переход в отношениях в пользу Китая может поставить Москву в положение односторонней зависимости от Пекина. Неразрешенность курильской проблемы остается главным препятствием для выдвижения России на более выигрышные политические позиции и получения большей свободы маневра. Российским интересам отвечает также сохранение в регионе американского военно-политического присутствия, переориентированного от противостояния на совместные с Россией меры поддержания стабильности в западной части Тихого океана.

В призме глобальных интересов

Третий приоритет — сохранение ряда позиций глобального уровня — достижим, только если будут удовлетворительно обеспечиваться интересы первого и второго порядка. Речь идет об участии России в Совете Безопасности ООН как его постоянного члена, о ее роли в других международных организациях. Это также посильное участие в операциях по поддержанию мира и отражению агрессии, пресечению геноцида по санкциям ООН и региональных международных организаций.

Незаменимо российское содействие политике предотвращения распространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, ужесточению режима контроля за поставками ракет и ракетной технологии, внедрению согласованных квот и ограничений на торговлю оружием в целом. Если раньше СССР руководствовался в этом вопросе в основном политическими соображениями, то России не следует впадать в близорукий меркантилизм и продавать ядерные материалы и любые вооружения всякому, кто платит валютой. Такая линия, если она не будет строиться под жестким централизованным контролем и на базе глубокого политического анализа, может в недалеком будущем обернуться против безопасности самой России, подорвать региональную стабильность, то есть пойдет вразрез с первым и вторым приоритетами.

С точки зрения третьего приоритета это подрывает престиж России в мире как ответственной великой державы — наш важнейший остающийся козырь в отношениях со странами Запада, включая их лично на финансово-экономическое сотрудничество с РФ, учитывая российскую политику в ближнем зарубежье и в регионах Евразии.

Особого упоминания заслуживает проблема стратегического паритета с США, которую тоже можно отнести к третьему внешнеполитическому приоритету России. Для СССР ядерный паритет с США, достигнутый в начале 70-х годов, являлся одновременно залогом безопасности (ядерного сдерживания), центральной опорой глобального военного противостояния с Западом и символом особого статуса как одной из двух сверхдержав биполярного мира.

Тем не менее часто предлагаемый ныне односторонний отказ от паритета (поскольку мы с США больше не враги и для экономии военных расходов) не учитывает реальностей стратегического баланса. Одностороннее сокращение уменьшило бы только относительно небольшие расходы на эксплуатацию уже разоруженных сил. Одновременно оно повлекло бы рост уязвимости стратегических наступательных вооружений (СНВ) и создало бы стимул или к интенсивной дорогостоящей модернизации на пониженных уровнях, или к повышению акцента на стратегию встречного удара, создающую угрозу случайной ядерной войны.

Взаимное сбалансированное сокращение СНВ РФ и США при укреплении стратегической стабильности ничуть не противоречит концепции паритета. Напротив, в новых условиях она наполняется новым содержанием: от взаимного сдерживания за счет способности к мгновенному сокрушительному удару по другой стороне — к совместному управлению стратегической стабильностью, транспарентности и предсказуемости. В политическом смысле паритет и переговоры составляют сферу особых взаимоотношений и взаимной заинтересованности России и США. Это полностью согласуется со всеми тремя приоритетами российской политики.

Экономика и геополитика

Еще один важный вопрос — это место экономической помощи Запада в российских внешнеполитических приоритетах. Этот пункт не случайно не был включен в иерархию интересов России. Циничное потребительское отношение к экономическому сотрудничеству с Западом при враждебной ему внешней и военной политике было характерно для СССР. Со своей стороны Запад относился к торговле и кредитам как к инструменту вытягивания со-

ветских уступок в политических вопросах. В новых условиях то и другое должно быть предано забвению.

Принятие Россией названных приоритетов и следование им в практической политике совпадает с фундаментальными долгосрочными интересами Запада и снимает изначальные препятствия для самого широкого экономического взаимодействия и интегрирования. Никаких дополнительных уступок по конкретным политическим вопросам от России в этом плане не требуют, да и не ждут.

Все остальное в плане западных кредитов и инвестиций всецело зависит от создания благоприятных условий внутри России, к которым относятся: обеспечение политической стабильности, прекращение безудержного спада производства и гиперинфляции, движение в сторону конвертируемости рубля, прочная правовая база для своего и иностранного капитала, упрочнение коррупции, прекращение неразберихи в госструктурах... Движение в этом направлении (которого за 1992 год не произошло) обеспечило бы быстрый рост экономического сотрудничества с зарубежными государственными и частными партнерами без каких-либо дополнительных внешнеполитических усилий с российской стороны.

При отсутствии такого продвижения никакая дипломатия не в силах помочь. Более того, любые попытки конъюнктурной увязки кредитов и политики компрометируют как новый международный курс Москвы, так и идею истинного экономического сотрудничества. Это сбивает с толку Запад и создает там неправильное отношение к кредитам и инвестициям. А в России вызывает подъем националистических настроений по поводу «продажи Родины» и давление против любых, даже разумных и взаимных, компромиссов, за возрождение неприемлемо антизападной политики.

Последнее — это широко обсуждаемая дилемма западной или евразийской ориентации российских интересов и политики. Представляется, однако, что дилемма совершенно надуманна. С точки зрения цели общественного развития России ее ориентация на Запад очевидна, ведь, как показал и наш 70-летний опыт, альтернативы рыночной экономике и демократии нет. Принципиально другие пути ведут к загниванию и краху, но у каждой страны своя колея на этом пути. Нельзя, однако, путать основополагающий социальный выбор с особенностями внешнеполитического курса государства, который весьма тесно связан с его геополитическим положением.

Фото из журнала «Штерн» (ФРГ), рисунок из журнала «Ньюсуик» (США)

Новые приключения советского оружия

Сандинисты наживаются на «братской помощи»

Михаил Бакланов

В середине восьмидесятых корреспондент советского телевидения в Никарагуа рассказывал мне, как они с оператором сняли ракетную атаку с советского военного вертолета. Это был тот редкий случай, когда журналистам удалось получить достоверное свидетельство «работы» отечественного оружия в никарагуанской гражданской войне: как правило, сандинисты старались не допускать репортеров в районы боевых действий, ссылаясь на просьбу нашего же посольства.

Перегоняя материал в Москву, корреспондент попросил ничего из репортажа не вырезать. В Москве поступили проще: репортаж вообще не попал в эфир.

В отличие от афганской авантюры советское военное присутствие в Никарагуа особой полемики у нас не вызывало. Во-первых, Никарагуа далеко, во-вторых, масштабы вроде бы поскуромней. Да и не воевали наши солдаты в той войне, не гибли, как в Афганистане. Никарагуанцы убивали других никарагуанцев. Советский Союз только поставлял оружие по просьбе дружественного правительства. К чему сейчас вспоминать давнюю историю?

Но отголоски этой войны напомнили о себе уже теперешнему российскому правительству. Осенью нынешнего года никарагуанские генералы продали крупную партию советских вооружений в Перу. На очереди аналогичные поставки в Эквадор. Нежданно-негаданно Россия помимо своей воли оказалась втянутой в сомнительную операцию с торговлей оружием в Латинской Америке.

В начале 1990 года в пресс-центре МИД СССР прошел закрытый брифинг для журналистов, пишущих о Центральной Америке. В преддверии президентских выборов в Никарагуа представитель МИД поделился своими оценками возможных резу-

татов голосования. На Смоленской площади полагали, что сандинистам гарантирована победа, но конфиденциально высказывались опасения, что Даниэль Ортега может «не удержаться» и подтасовать избирательные бюллетени. Между прочим, и американцы в те дни писали и говорили примерно то же самое.

Однако президентские выборы опровергли все прогнозы. Сандинисты проиграли настолько очевидно, что даже не предприняли серьезной попытки махинаций при подсчете голосов. Поведение руководства сандинистского фронта даже послужило предметом одобрительных комментариев на Западе: Даниэль Ортега с достоинством перешел в оппозицию, передав власть гражданскому правительству Виолеты Барриос де Чаморро.

Впрочем, первоначальный энтузиазм по поводу неожиданной «демократичности» сандинистов вскоре сменился глубоким пессимизмом. Сандинисты ушли, но оставили за собой контроль над вооруженными силами, которые по-прежнему возглавляет брат Даниэля Ортеги Умберто. Даже название сандинистской народной армии сохранилось. На исходе третьего года правления доньи Виолеты этот вынужденный ком-

промисс все чаще дает о себе знать угрозой военного переворота. Только уже не Даниэль, а его младший брат Умберто готовит себя к роли «отца нации».

Внешне генерал Ортега вполне лоялен к правительству. Но это лояльность человека, у которого в руках власть. Недавно он заявил, что не намерен оставлять свой пост в течение ближайших пяти лет. 26 октября, выступая с обращением к нации, он утверждал, что «смена правительства не предполагает смены командования армией». Сандинистская народная армия сама определяет для себя сроки и масштабы сокращения своей численности, и, по мнению Умберто Ортеги, этот процесс завершится не ранее 1997 года.

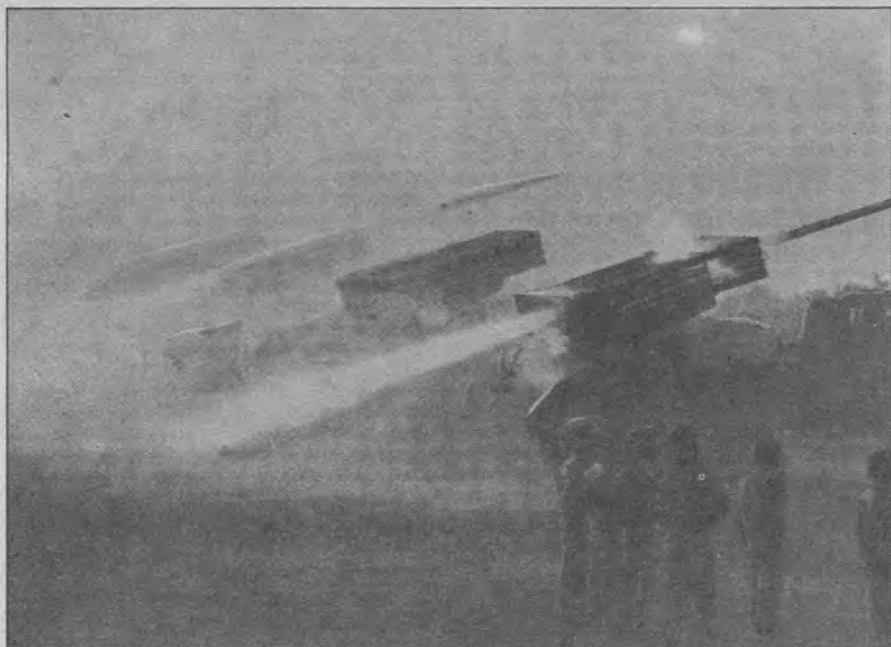
Коль скоро Ортега-младший не церемонится со своим правительством, еще менее его заботят обязательства перед правительствами иностранными. Не предупредив Москву, он продал 16 военных вертолетов и другую военную технику советского производства на общую сумму в 20 миллионов долларов перуанским военным. Следом договорился со своими коллегами в Эквадоре о продаже еще одной партии советских вооружений. Москва была просто поставлена перед фактом, и только после того как разразился международный скандал, сюда прибыла никарагуанская делегация с объяснениями.

Дело не только в том, что действия Умберто Ортеги поставили российское руководство в весьма щекотливую ситуацию в моральном плане. Продавая советские вооружения третьим странам, сандинистская армия открыто нарушает действующие

двусторонние соглашения. Еще в начале восьмидесятых, когда СССР поставлял — безвозмездно — первые партии оружия Никарагуа, эти поставки были оговорены непременным условием: в Манагуа не имели права продавать или передавать вооружения третьей стороне без предварительного согласия Советского Союза. Этот пункт внесен во все последующие соглашения по оружию. Тем самым Москва прикрывалась от постоянных обвинений американцев в том, что СССР способствует расползанию советского оружия по Центральной Америке. И хотя было очевидно, что сандинисты все равно поддерживают сальвадорских повстанцев, офици- **Окончание на 41-й стр.**
позиция СССР

Братья по-прежнему держат в руках вооруженные силы Никарагуа. Слева — Даниэль Ортега, крайний справа — Умберто

Советские ракетные установки в Никарагуа. «Лишним» оружием сандинисты торгуют к прибылью для себя

Новые приключения советского оружия

(Окончание. Начало на 24-й стр.)

была неуязвимой.

Однако со сменой режимов в обеих наших странах упомянутый пункт соглашений приобрел совершенно иной смысл. Горы советского оружия, подаренного сандинистам, — его стоимость, по оценкам, составляет около полумиллиарда долларов в ценах восьмидесятых годов — уже не нужны никарагуанцам. Но в соседних странах всегда найдутся покупатели. Что лишним раз и продемонстрировал Умберто Ортега.

В этой истории есть еще одна деликатная сторона. Никарагуа должна России три миллиарда долларов. Правительство Виолеты Барриос де Чаморро признает долг, но на переговорах доказывает невозможность вернуть его в обозримом будущем.

Собственно, и у нас понимают, что даже если бы никарагуанцы хотели платить, дальше благих пожеланий дело бы сегодня не пошло. Разоренная гражданской войной Никарагуа находится на грани финансовой катастрофы. США, первоначально обещавшие крупные кредиты демократическому правительству Манагуа, заморозили их: американцы не желают финансировать сандинистов, рвущихся к власти. А правительство доны Виолеты, на которую оказывается сильнейшее давление, не рискует разорвать отношения с сандинистами, понимая, что вслед за этим в стране может возобновиться гра-

жданская война. Президент и министр обороны поддерживают видимость нормальных взаимоотношений.

Парадокс, однако, заключается в том, что, пока гражданское правительство отказывается платить долги России, министр обороны, входящий в это правительство, приторговывает советским оружием.

9 ноября в Москву прибыла делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Никарагуа Хосе Пале. В составе делегации был также высокопоставленный военный — полковник Роберто Кальдерон. Никарагуанцы имели встречи при закрытых дверях в МИД и министерстве обороны, где им сообщили мнение России о сделках с оружием. После того как делегация покинула Москву, пообещав проинформировать об этом мнении никарагуанское руководство, МИД России обнародовал свою позицию:

«Факт несанкционированной продажи Никарагуа оружия советского производства третьим странам... в Москве рассматривается как идущий вразрез с действующими двусторонними соглашениями, предусматривающими предварительное согласие российской стороны на подобные акции, а в более широком плане — чреватый осложнением общей обстановки в регионе». Никарагуанцев призвали предпринять необходимые шаги в целях «строгого выполнения двусторонних договоренностей». Один из сведущих наших дипломатов так прокомментировал мне этот демарш: «Это очень резкое заявление для дипломатического лексикона».

Беда в том, что дипломатический лексикон хорош в дипломатических кругах, а в министерстве обороны Никарагуа выражаются не на столь утонченном языке. 24 ноября санди-

нистская газета «Баррикада» опубликовала заявление официального представителя армии подполковника Рикардо Уилока. Бывший посол в Москве и брат одного из членов прежнего сандинистского руководства утверждает, что с окончанием войны в Центральной Америке и с исчезновением Советского Союза его ведомство «считает себя свободным от обязательств» перед Россией за подаренные советские вооружения. Это прелюбопытное высказывание еще тем интересно, что, по сведениям официального представителя российского МИД Сергея Ястржембского, ответа никарагуанского правительства на претензии Москвы не получено. Очевидно, в качестве такового следует рассматривать откровения подполковника Уилока? Сергей Ястржембский ограничился следующим замечанием: «Россия не считает Никарагуа свободной от обязательств».

Итак, в первом акте на сцене появилось ружье, которое под занавес по всем законам драматического искусства выстрелило. В никарагуанской печати сообщалось, что в операциях по продаже оружия участвовала некая тайваньская посредница г-жа Лилиам Оунг, с весьма темным прошлым и не менее таинственным настоящим. Дипломатический скандал может иметь и чисто криминальное продолжение.

Но и без того сильная головная боль российским дипломатам обеспечена. В тот самый момент, когда администрация Билла Клинтона присматривается к России, пытаются определить свою московскую политику на ближайшие годы, тяжелое вооружение советского производства объявляется в регионе, весьма чувствительном для американских интересов. Кстати, Перу и Эквадор в недалеком прошлом неоднократно вели кровопролитные войны между собой из-за неурегулированной территориальной проблемы.

На карту в определенном смысле поставлен и международный престиж России. Если сегодня не внести ясность в эту историю, завтра все бывшие друзья Кремля заявят о своем непризнании обязательств перед нынешними властями.

В этой истории есть и прямой урок для отечественных охотников до торговли оружием. Никакие, даже самые выверенные, формулировки контрактов на поставку оружия не гарантируют от его дальнейшего неконтролируемого распространения. Не так сложно предположить, что в данном случае оружие может попасть в руки многочисленных левачьих террористов в Перу, которые используют его против российских дипломатов или моряков. Не повторится ли недавний постыдный афганский эпизод, когда российское посольство в Кабуле эвакуировали под огнем советских вооружений...

«Борис, мне тоже нелегко», —

**мог бы сказать
федеральный канцлер
Германии Гельмут
Коль российскому
президенту в ходе
своего предстоящего
визита в Москву**

новное бремя долгов бывшего СССР.

Немцы сегодня — бесспорные лидеры среди Европейского сообщества и за его пределами в оказании СНГ всевозможной помощи и поддержки. Немцы дают до 80 процентов средств, выделяемых ЕС в рамках государственных программ. Это свыше 70 миллиардов марок. По данным федерального правительства, почти две трети идет в Россию. Поразительное участие в нашей судьбе принимают и различные неправительственные организации, и частные лица. Только в этом году они собрали почти четверть миллиарда марок, главным образом на закупку продовольствия и медикаментов.

В только что утвержденном бюджете на нужды Восточной Европы выделено на 50 процентов больше прежнего. И это при том, что остальные статьи расходной части увеличились максимум на 2,5 процента.

Обнадеживающие цифры! Но, увы, толку пока что мало. И виной здесь неразумное, если не сказать бестолковое, использование этой помощи.

Не могу отделаться от ощущения, что в умах тех, кто определяет российскую экономическую политику (если она есть) в отношении Германии, эта страна представляется сказочным горшком, который сам варит кашу, стоит лишь произнести волшебное слово. Российские государственные мужи повторяют это слово слишком часто. Однако немецкий «горшок» уже не в состоянии варить без остановок.

Появились свои миллионы едоков на востоке, требующие колоссальных вложений. Объективно сократились возможности и из-за общего экономического спада, затронувшего западную экономику. Года полтора-два назад казалось, что немцы легко совладают с наследством экс-ГДР, но просчитались не только они сами, за что сейчас костерят правительство, но и те, кто рассчитывал на неограничен-

Трудности экономического и социального порядка, которые испытывает глава немецкого кабинета, не идут, конечно, ни в какое сравнение с теми, что навалились на Бориса Ельцина. Однако не замечать их, а тем более не учитывать нельзя.

Вызванные прежде всего последствиями объединения Германии, они не оставили в покое ни одной сферы жизни страны. Споры, раздирающие общество и парламент, отражают ситуацию, в которой оказалась Германия. Как и новая Россия, она лишь начинает заново осмысливать свое место в Европе и мире в целом. Но если в Москве царят разброд и шатания в определении курса на мировой арене, в том числе и в отношении Германии, то в Бонне существует на редкость прочный консенсус по вопросу о том, какой быть политике Германии на российском направлении.

Волшебный горшок

Официально декларируемая позиция заключается в том, чтобы оказывать России наряду с другими странами СНГ поддержку при переходе к рыночным отношениям и демократии. Эта задача рассматривается не только как моральный долг, но и как вклад в собственное будущее.

Среди государств СНГ приоритет отдается России. Она остается мощнейшим геополитическим фактором, крупнейшей европейской ядерной державой, она взяла на себя ос-

ные способности объединившейся страны.

Где же найти столько оптимистов?

Долг России все растет, а отдавать его нечем. Немцы оказались в щекотливом положении. Бонн, видимо, постарается уговорить членов Парижского клуба дать России долговую передышку, предоставив возможность обслуживать часть новых долгов и поддержать необходимый минимум импорта для стабилизации экономики.

Заботит федеральное правительство то, что сегодня практически нет никакой правовой основы, в соответствии с которой страны СНГ во главе с Россией станут выплачивать задолженность. Министр финансов Тео Вайгель воздержался от визита в Москву, где собирался побывать до канцлера. Скорее всего, Колю самому придется разбираться в авгиевых коюниях наших долгов.

Пока в России не наступит политическая стабильность и не будут созданы законодательные гарантии для иностранных инвестиций, крупных вложений в российскую экономику не будет. Немногие смельчаки, которые отважились иметь дела с Россией, уже стонут от неразберихи. «Работать здесь могут только стопроцентные оптимисты», — пожаловался менеджер одной из фирм, побывавший в Москве.

Буксует даже освященный российский президентом 250-миллионный проект строительства «Мерсе-

десом» автобусного завода под Москвой. Кредит остается невостребованным, потому что сегодня правительство требует оставить 10 процентов рублевой выручки в России, завтра — 25, а еще через день — все 100. Терпение «Мерседеса» не вечно. У «Сименса» оно, похоже, уже на пределе — представитель концерна в Москве Петер Швигманн в сердцах заметил: «Российской стороне пора решить — иметь с нами дела или же драться с нас непомерную арендную плату».

Еще хуже положение представителей среднего и мелкого капитала, чье участие без необходимых и гарантированных условий просто немыслимо. Тут не помогут никакие красивые слова вроде тех, что Россия — «ваш завтрашний рынок». Слишком велик риск сегодня, слишком мала отдача даже в ближайшей перспективе. И инвестиции текут совсем в другую сторону — в Сингапур, на Тайвань, в Китай...

Генералы хотят заработать

Кредит доверия, который получила Россия и который дороже любых денег, не вечен. Если Горбачев в обмен на объединение Германии заручился мощной финансовой поддержкой Германии, то Россия сегодня козырять практически нечем.

За бесконечным лабиринтом экономических неурядиц сегодня сложно рассмотреть общие черты российской политики в отношении Германии. Если, правда, не считать за таковое требования все новых кредитов и торги военных по поводу того, сколько «слупить» с немцев за недвижимость, остающуюся после вывода российских частей с германской территории. Армия хочет продавать свои постройки, казармы, коммуникации и прочие сооружения «по рыночным ценам», рассчитывая получить за них от 4 до 15 миллиардов марок. Бони готов платить, но предлагает зачислять деньги, вырученные от продажи недвижимости, на особый счет, чтобы потом с него оплачивать расходы по возмещению ущерба, нанесенного советской армией окружающей среде. Это не устраивает генералов.

Этот и некоторые другие пикантные вопросы, например о восстановлении республики российских немцев, возвращении культурных ценностей, вывезенных из Германии после войны, можно, безусловно, обсудить спокойно. Ни один из них всерьез не отягощает политический диалог между Москвой и Бонном.

Однако сейчас многие политологи и политики в Германии задаются вопросом, кто будет в ближайшем будущем определять политику России? Не возьмут ли верх силы, неустанно твердящие об «особой миссии евроазиатской державы»? И не потеряет ли Россия слишком много времени, разбираясь, какую дорогу ей выбрать?

Дмитрий Погоржельский,
соб. корр. «Нового времени»
БОНН

Тогда евреи — теперь иностранцы

Герт Бастиан

Лак облупился. Стерся грим благопристойного демократизма. Отброшена маска ненависти, терпимости, солидарности с более слабыми. И вновь открылся мерзкий лик былой Германии, возмнившей, что только она имеет право на жизнь, и ненавидящей, преследующей, беспощадно истребляющей все чужеродное, будто бы грязящее сверкающую первозданной чистотой картину фатерланда.

Едва только Федеративная Республика Германия стала обширнее и сильнее в результате осуществления через пень-колоду анилуса второго немецкого государства, как неонацизм, угроза которого столь упорно умалывалась, распространился подобно лесному пожару по всей стране. Вот уже несколько недель пылают ночь за ночью жилища тех, кто искал у нас защиты и приюта, а наши ближние, отличающиеся на свою беду от немцев цветом лица и внешним обликом, становятся жертвами ожесточенных преследований и насилия, ввергаются в пучину страха и отчаяния. Неонацистам все равно кто перед ними — мужчина, женщина или дети; всех без разбора топчут ногами, избивают, а нередко и убивают.

Пробуждаются жуткие воспоминания моей юности. Тридцатые годы. Так же как и тогда, в нашей жизни водятся жажда насилия, яростный фашизм, беспощадный самосуд.

Сменилась только мишень. Тогда ни в чем не повинными жертвами насильников и убийц были евреи, теперь ими стали иностранцы, живущие в нашей стране. Тогда горели синагоги и магазины, принадлежавшие евреям, теперь запылали общежития и квартиры иностранцев. Но и теперь, так же как тогда, большинство добродетельных граждан и гражданок постыдно взира-

ют на насилие и убийства с выражением полнейшего безучастия — если не затаенного злорадства — на лице. И слишком многие из них своим явным одобрением подлейшим образом поддерживают бесчинствующих неонацистов. Но гневный глас народа, решительно заявляющего «нет», так и не прозвучал.

Патетические речи политиков, выражающих предписываемое служебным долгом отвращение к бесчинствам, но слишком часто выдающих некоторую двойственность своих позиций, едва ли могут способствовать изменению ситуации. Так же как и бессильные протесты меньшинства глубоко присты-

Похороны турка, убитого в Гамбурге

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

женных немцев, которые выходят на улицы за всех нас, пылаются преградить путь насилию и нередко предотвращают самое худшее.

А наши стражи порядка? Почему они не могут пресечь бесчинства? Они, усмотревшие «насилие» в действиях граждан, осваивавших встречу на высшем уровне, и крайне строго обошедшиеся с ними, проявляют по отношению к неонацистам странную сдержанность, которую уже невозможно объяснить неспособностью к активным действиям и организационными просчетами. Неудивительно, что напрашиваются подозрения в их тайной симпатии к праворадикалам и идеологической солидарности с ними.

Это недоверие закрепится, если правозащитные органы и полиция не докажут наконец свою решимость незамедлительно покончить с коричневым призраком.

Но и тогда позор будет еще долго тяготеть над нами. И поделом: ведь в этом столкновении с неонацизмом мы, немцы, не выдержали экзамена на аттестат зрелости.

БОНН

«НВ» публикует последнее выступление бывшего генерала бундесвера, депутата бундестага от партии «зеленых» Герта Бастиана, добровольно ушедшего из жизни (см. «НВ» №44/92).

Достояние дьявола

Судьба секретных фондов Николае Чаушеску

Виктор Писмаров,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Где деньги расстрелянного хозяина социалистической Румынии? Сразу же после его свержения в Бухаресте заговорили о том, что в зарубежных банках на секретных счетах хранятся многие миллионы. Золото Чаушеску ищут с тем же рвением, с каким пытаются найти золото КПСС.

Золотом ведал брат?

25 декабря 1989 года, через три дня после свержения Николае Чаушеску, Австрийское агентство печати передало сообщение о решении швейцарских властей заблокировать счета диктатора, если они есть в банках.

Адвокат Мориц Лунбергер из Цюриха, депутат от социал-демократической партии, тогда заявил, что, по его сведениям, в последнее время из Румынии золото вывозили в Швейцарию. В румынской эмиграции утверждали, что семья Чаушеску переправляла золото не только в Швейцарию, но и в Иран.

29 декабря Марин Чаушеску (брат Николае), длительное время работавший в Австрии торговым представителем, был найден повесившимся в подвале своего учреждения.

Незадолго до самоубийства его видели в местечке Айзенштадт, где находится австрийский филиал кипрской компании «Крешнт коммершл энд маритим Лтд». По некоторым свидетельствам, Марин был именно тем человеком, который непосредственно занимался переводом денег из Румынии в западные банки.

Сразу же после революции, в январе 1990 года, была создана межпарламентская комиссия, которая занялась поисками вывезенных денег. Была проверена финансовая деятельность более чем двух десятков румынских внешнеторговых организаций, опрошены сотни людей, направлены просьбы об оказании помощи в министерства юстиции Швейцарии и ФРГ, министерство внутренних дел Австрии. Бригады специалистов проверили деятельность румынских экономических представительств в Вене и Берне, общества «Трайв» с румынским ка-

питалом в Женеве. Однако без результатов.

В августе 1990 года в работу включилось правительство Румынии, создав еще одну специальную комиссию во главе с управляющим Национальным банком Мугуром Исэреску. К поискам привлекли одну австрийскую адвокатскую контору и канадскую частную детективную фирму «Пит Марвик Торн». Однако, судя по всему, ни адвокатам, ни детективам не удалось получить убедительную информацию, позволяющую утверждать, что бывший лидер социалистической Румынии держал крупные суммы в валюте в швейцарских банках.

Ничего не гарантируя, канадские детективы запросили новые гонорары для продолжения расследования. Правительство, не очень уверенное в успехе, подтвердило готовность к сотрудничеству, но вознаграждение обещало выплатить из тех сумм, которые будут найдены...

Почём душа, почём виза...

В начале ноября прошлого года ка-

надская корпорация Си-би-си показала по одному из своих телеканалов документальный фильм «Достояние дьявола» о секретных фондах Чаушеску. Одним из источников поступления валюты, утверждали авторы, была «такса», установленная за выезд из Румынии немцев и евреев. По секретному соглашению с правительством ФРГ, заключенному в конце 60-х годов, стоимость выездной визы для немца составляла от 10 до 15 тысяч марок. Общую сумму легко подсчитать, если учесть, что за годы диктатуры из страны выехало свыше 200 тысяч немцев.

По соглашению с Израилем и некоторыми международными еврейскими организациями плата за выезд еврея составляла 5-7 тысяч долларов. Всего же Румыния покинуло около 400 тысяч человек.

Кроме доходов от «продажи людей» солидные суммы поступали от торговли оружием, в том числе и советским, находившимся на вооружении румынской армии. В 1982 году Ираку была продана за наличные крупная партия ракет «земля-зем-

Это семейство считало себя хозяином всего национального достоинства страны

Фото из журнала «Пари Матч» (Франция)

ля» по 1600 долларов за штуку. Торговало оружием внешнеторговое предприятие «Дунэря», специально созданное для этих целей. Только в начале 80-х годов его доход составил более четырех миллионов долларов.

Хорошо оплачивалось также складирование на территории Румынии токсичных отходов из Италии. Все свидетельствовало о том, что Чаушеску должен был располагать огромными валютными средствами.

Фильм «Достояние дьявола» наделал много шума. Однако по-прежнему не было никаких свидетельств о существовании хотя бы одного счета клана Чаушеску в западных банках.

Что же касается расследования специальной правительственной комиссии, то, как заявил ее председатель на пресс-конференции, он взял на себя эту миссию лишь потому, что слухи о золоте и драгоценностях семьи диктатора бросают тень на Национальный и коммерческие банки Румынии, репутация которых должна быть защищена. Выявление же секретных счетов выходит за рамки чисто банковского дела, и этим должны заниматься профессио-

налы. Подписав отчет о работе комиссии, ее председатель тут же подал в отставку. Поиск продолжила сенатская комиссия.

Бывший разведчик рассказывает

В этот момент в Вашингтоне заговорил Ливиу Турку, бывший сотрудник Центра внешней информации — разведки Румынии.

Турку работал под дипломатическим прикрытием в постоянном представительстве Румынии при ООН. Руководил операциями, проводимыми румынской разведкой в США и Западной Европе. В январе 1989 года бежал в США, где попросил политического убежища. В Румынии заочно был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества.

В открытом письме к сенатской комиссии Ливиу Турку предостерег парламентариев от ненужных валютных расходов, заявляя о своей готовности помочь в расследовании.

Специальные валютные операции, по его словам, начали проводиться еще при первом коммунистическом лидере Румынии Георге Георгиу-Деже. Николае Чаушеску придал им размах, постоянно требуя от своего ближайшего окружения использования всех возможностей и «новшеств» в этой области.

По его указанию все валютные операции с социалистическими странами находились в ведении хозяйственного управления ЦК компартии и осуществлялись под контролем секретаря ЦК по административным вопросам. Операциями с другими государствами ведал Центр внешней информации, пользовавшийся большой самостоятельностью в рамках Департамента безопасности государства («секуритате»).

Прикрытие обеспечивали МИД и министерство внешней торговли и международного экономического сотрудничества: они были нацеливаны сотрудниками «секуритате» и разведки, занимавшими посты вплоть до генерального директора и заместителя министра.

Для сбора денег, полученных в результате специальных валютных операций, использовались счета Румынского банка внешней торговли. В структуре банка действовало специальное подразделение, которое переводило деньги на секретные счета. Деньги поступали не только от торговых сделок, но и за транзит грузов через территорию страны, от партнеров из развивающихся стран, законодательство которых ограничивало или запрещало им иметь вклады за границей, от спекулятивных операций на международных рынках валюты и ценных металлов, от продажи неконвертируемой валюты, прежде всего рублей. В 1988 году доход только от торго-

вых операций составил 65 миллионов долларов. Примерно такая же сумма была получена и в 1989 году.

Однако было бы большой ошибкой считать, что деньги лежат где-то на счетах или спрятаны, а их владелец умер, не успев сообщить родственникам, где они находятся. Ошибкой является и поиск счетов, открытых на имя членов семьи Чаушеску. Эти счета, где бы они ни были открыты, существуют на самых законных основаниях.

В могилу он ничего не унес

Бывший диктатор, который ощущал себя всемогущим и обожаемым всем народом, распорядился страной как собственным поместьем и не нуждался в «зачатке на черный день». Фонды создавались им прежде всего для достижения политических целей, например, чтобы занять место лидера «третьего мира» после смерти Иосипа Броз Тито.

Доводы Ливиу Турку пытался опровергнуть президент Румынского банка внешней торговли Д.Паскариу, заявивший на пресс-конференции, что бывший разведчик не сказал ничего нового.

Из Вашингтона немедленно последовало новое письмо, в котором сообщался номер счета в «Юнион банке» в Базеле, открытого через Румынский банк внешней торговли на измененную фамилию бывшего начальника подразделения специальных валютных операций, действовавшего в рамках «секуритате».

Но свидетельства Турку вопреки ожиданиям не вызвали ни новой кампании в прессе, ни каких-либо заявлений со стороны людей, которые, по его словам, имели непосредственное отношение к тайным валютным операциям. Отсутствие такого интереса, как и очевидное стремление правительства прекратить дальнейшее расследование, невольно подтверждает слухи о том, что и ныне созданные Чаушеску структуры продолжают приносить доход, сменив лишь хозяев.

Только депутат В.Боштинару потребовал обнародовать результаты расследования и намерения на будущее. Однако срок мандата парламента уже истек.

После всеобщих выборов интерес к «наследию дьявола» возник вновь. Люди, которые займутся дальнейшим расследованием, смогут, очевидно, воспользоваться общими сведениями Ливиу Турку сведениями относительно не только механизма проведения специальных валютных операций, но и лиц и организаций, принимавших участие в их реализации. Игра стоит свеч. По оценкам экспертов, суммы, которые могут находиться на секретных счетах, составляют от 600 тысяч до 3,5 миллиарда долларов.

БУХАРЕСТ

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ

«Я делал бинарную бомбу»

Этот человек заговорил после пяти лет молчания. Он был отравлен химическим оружием собственного производства

Пять лет Андрей Железняков честно следовал правилам игры — и молчал. Больше он этого делать не намерен

Олег Вишняков

Доктора химических наук Вил Мирзаянов и Лев Федоров рассказали о том, что в СССР вопреки официальным заявлениям советских лидеров в конце 80-х годов было создано и успешно испытано новое суперядовитое отравляющее вещество, во много раз превышающее по своим боевым возможностям все доселе известные виды этого оружия. Подробное интервью ученые дали и нашему журналу.

После этого Вил Мирзаянов, проработавший 25 лет в Государственном союзном научно-исследовательском институте органической химии и технологии (ГСНИИОХТ), где все военные и послевоенные годы разрабатывалось наше химическое оружие, был арестован по обвинению в разглашении государственной тайны. Сейчас Мирзаянов находится на свободе, но следствие по его делу продолжается.

Руководители российского военно-химического комплекса, причастные, по утверждению Мирзаянова, к созданию нового вещества под кодовым названием «Новичок», не подтвердили и не опровергли эту информацию, но в один голос заявили, что **в любом случае** международные соглашения не нарушены, ибо разработку химического оружия в отличие от его производства никто пока не запрещал.

Ученые, подтверждавшие существование суперсекретной программы «Фолиант» по созданию нового класса нервно-паралитического отравляющего вещества под кодовым названием «Новичок», знали о ней лишь понаслышке, а значит, не могли служить надежным источником.

Проводя журналистское расследование, мы понимали: чтобы подтвердить факт разработки в СССР нового бинарного оружия, необходимо найти того, кто непосредственно работал над созданием «Новичка».

Такого человека нам удалось найти.

Он заговорил после того, как по телевидению была показана передача, посвященная этому скандалу. Журналистов из «Останкина» впервые допустили в ГСНИИОХТ, чтобы продемонстрировать: химическое оружие здесь больше не разрабатывают.

«Генералы» продолжают химичить

Вот уже пять лет Андрей Железняков все свободное время проводит в мастерской

своего приятеля скульптора: вырезает из дерева экзотические маски и фигуры. Андрей — инвалид второй группы с потерей трудоспособности. Он показывает медицинскую справку — от названий болезней рябит в глазах: цирроз печени, токсический гепатит, поражение тройничного нерва, эпилепсия.

Он живет на пенсию — 1118 рублей плюс доплата за нанесенный ущерб. Всего получается около 2,5 тысячи в месяц. Правда, он бесплатно получает лекарства и в любой момент может отдохнуть в профилактории при Санкт-Петербургском институте гигиены и профпатологии, где лечится руководящий персонал с военно-химических объектов страны.

На прежнем месте работы для Железнякова делают все, чтобы он чувствовал себя комфортно. От него взамен требуется лишь одно: молчать.

Когда в конце октября был арестован Вил Мирзаянов, бывшие коллеги направились к Андрею, что и его может ждать нечто подобное. Почему он решил мне все рассказать? Андрей говорит, что шел к этому давно, но ускорила дело та злополучная передача. В ней директор ГСНИИОХТа В.Петрунин заявлял, что готов свидетельствовать перед любым судом: никаких работ по бинарному оружию в настоящее время в институте не ведется. «Я точно знаю, что это ложь», — сказал мне Андрей Железняков. По его словам, и сегодня три лаборатории института экспериментируют с новой модификацией «Новичка» (сейчас это должен быть «Новичок-9». — О.В.). Опыты будут завершены к новому году.

Железняков, как и Вил Мирзаянов, убежден: генералам нельзя доверять уничтожение химического оружия. Деньги, полученные на это от американцев, они непременно пустят на разработку новых, более мощных отравляющих веществ.

Конспирация — превыше всего

Андрей Железняков родился в семье ученых-химиков — его отец в начале сороковых годов был заместителем наркома химической промышленности. Андрей пошел по стопам родителей: после армии в 1964 году пришел техником в ГСНИИОХТ, окончил Московский энергетический институт.

Став дипломированным инженером, Железняков остался в «ящике». Долгие годы он занимался физико-химическим анализом синтезированных отравляющих веществ. Сначала это были вещества типа зомана, затем — более современный препарат, который Советский Союз во всех международных договорах именовал как VX (насколько совет-

Совсем недавно Анатолий Кунцевич сменил генеральский мундир на гражданский костюм. Сегодня он главный советник президента по вопросам химического разоружения

Фото из газеты «Московские новости»

ский образец VX соответствует американскому аналогу — отдельная история). Впрочем, эти названия никогда не фигурировали даже в разговорах ученых, в целях конспирации использовались кодовые обозначения: «изделие 33», «изделие 35».

— Это был самый настоящий конвейер, — вспоминает Андрей. — Каждый день нам приносили продукт, мы измеряли его параметры и отправляли дальше по цепочке.

Дальше продукт отправлялся в отдел «Б» — биохимия, где новый препарат испытывали на крысах, собаках и обезьянах.

Должность инженера-экспериментатора, которую занимал Железняков, считалась в институте одной из самых престижных. Экспериментаторы имели дело уже с конечным продуктом. Остальные сотрудники, как правило, не имели понятия о том, что именно они разрабатывают и производят. Каждый делал свое дело и не знал, чем занимаются «по соседству». Интересоваться было не принято.

Железняков вспоминает, что система секретности в институте была отлажена до мелочей, в каждую лабораторию требовался особый пропуск, ничего не разрешалось приносить и уносить, секретные тетради, специальные портфели, надежные сейфы:

— Пошел, к примеру, в туалет — положи тетрадь в портфель, портфель в сейф. Все запирается и опечатывается. Мусор сжигается, Вдобавок ко всему сотрудники «первого отдела» каждый день шарят по помойкам в поисках секретных документов.

Что бы ни говорил Кунцевич...

Предположительно в конце 70-х го-

дов советские ученые сумели синтезировать совершенно новый тип отравляющего вещества нервно-паралитического действия. В 1982 году в институте на его основе начались эксперименты с бинарным химическим оружием. Железняков участвовал в этих испытаниях с самого первого дня. Его и еще пятерых человек выделили в отдельную группу, которая занималась исключительно новым биаром и подчинялась непосредственно директору института В.Петрунину.

По словам Андрея, об испытаниях «Новичка» в институте знали не больше 20 человек, все операции проводились в строжайшей тайне. Именно в 1982 году один из главных «химических генералов» Анатолий Кунцевич (сейчас — руководитель Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при президенте России) официально заявил, что СССР не собирается отвечать на создание американцами бинарного оружия.

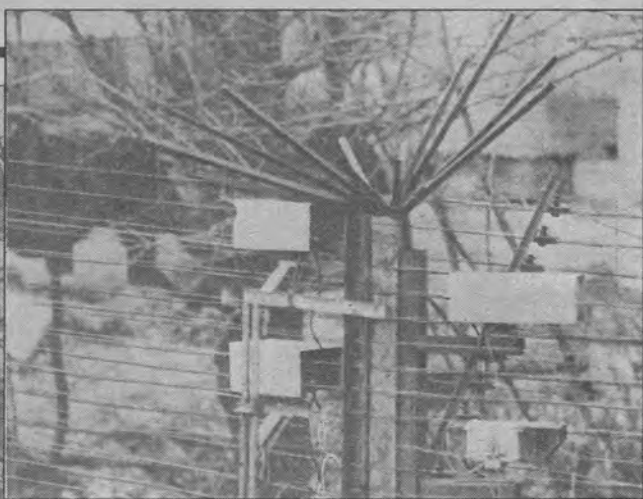
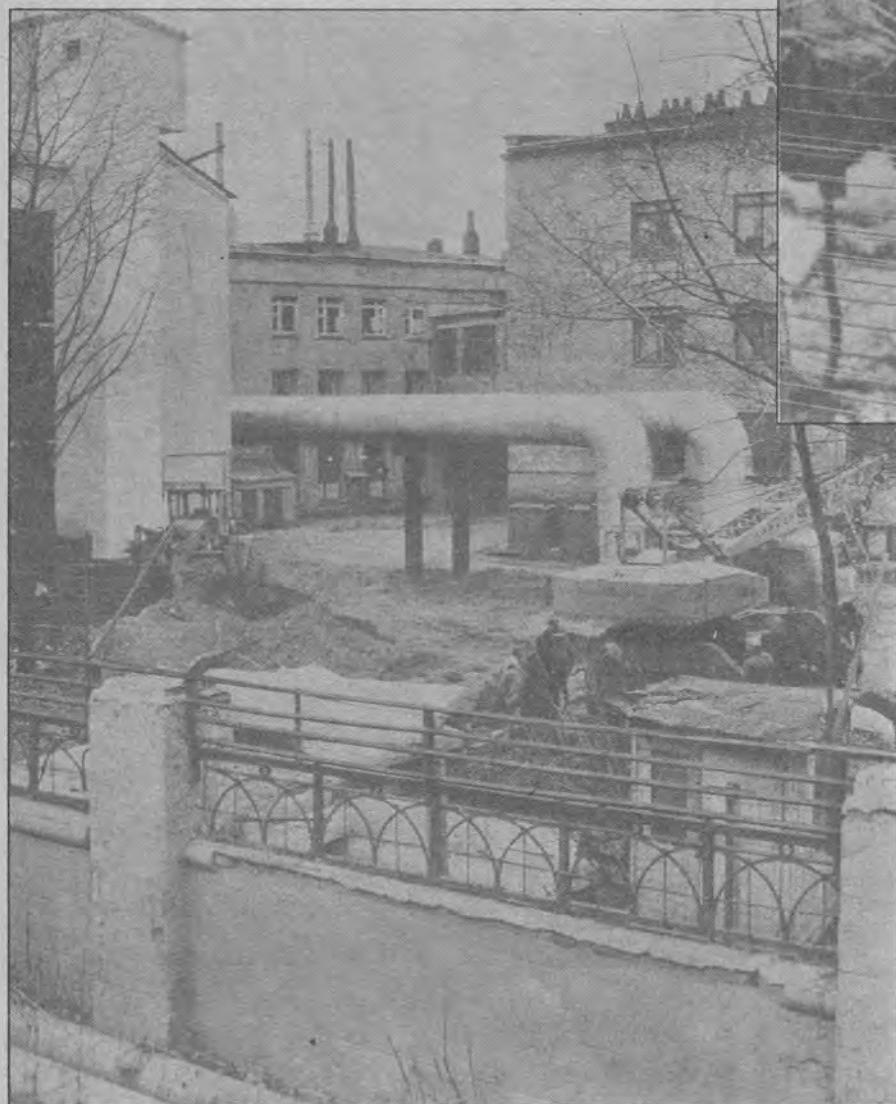
Железняков собрал опытный установку, ставшую на последующие пять лет его основным рабочим местом. В установке смешивались два компонента, а инженеры следили за тем, что получалось на выходе. Основной задачей было замерить температуру конечного продукта — чем выше температура при смешении, тем токсичнее получалось вещество.

Перед проведением опыта на термостате устанавливалась исходная температура от плюс 50 до минус 50, в зависимости от того, против кого предположительно это оружие использовалось. Сама установка, в свою очередь, помещалась внутри вытяжного шкафа, где высокотоксичные вещества концентрировались и через специальные фильтры (весьма ненадежные, по словам Андрея) выбрасывались в московское небо.

К успеху стремились не все. Зачастую лаборатория получала вещества вовсе не с теми параметрами, что были указаны в документации. Видимо, были люди, заинтересованные в провале экспериментов. Андрей склонен считать, что «Новичок», как и другие секретные программы института, служил ареной столкновения личных интересов и амбиций многочисленных начальников, для которых главным было преуспеть самому и «потопить» конкурента.

Жарким майским утром

Весной 1987 года лабораторные испытания бинара (тогда это был «Новичок-5») подошли к концу. Группа Железнякова трудилась с удвоенной энергией. Руководство института подгоняло — в мае эксперименты должны были завершить, чтобы успеть до августа оформить заявку на Ленинскую премию.

Несколько рядов колючей проволоки. «Запретная» полоса. Десятки телекамер. Это ГСНИИОХТ. Здесь на протяжении пятидесяти лет разрабатывались новые виды химического оружия

Первый тревожный сигнал прозвучал за неделю до аварии. После очередного эксперимента у Железнякова вдруг «замиозили» оба глаза (миоз — сужение зрачков — считается первым признаком отравления). Андрей вспоминает, что уже тогда подумал: вытяжка не в порядке. В местную медсанчасть он не обратился, так как среди сотрудников института это считалось чуть ли не предательством: попадешь в медсанчасть — подведешь своего начальника, которому придется отвечать. Отравления тщательно скрывались.

В те майские дни погода выдалась на редкость жаркой и сухой. По всем существовавшим в институте нормам безопасности эксперименты в такую погоду проводить запрещалось. Но в погоне за Ленинской премией генералы забыли обо всем...

В тот день Железняков, как обычно, пришел в лабораторию. Была запланирована дегазация — после каждого опыта установку раз-

бирали и весь день промывали дегазационным раствором. Завтра — последнее испытание и в отпуск. Андрей всерьез подумывал уволиться из «ящика» — жена, по профессии художник-модельер, собиралась взять в аренду ателье, денег хватало.

Железняков включил вытяжку (на ночь ее отключали) — вроде бы работает, открыл кожу и сразу почувствовал: «повело».

— Перед глазами круги пошли — красные, оранжевые. Звон в голове, дыхание перехватило. И еще чувство страха — будто вот-вот что-то должно случиться, — вспоминает Андрей. — Я присел на стул, говорю ребятам: кажется, «зацепило» меня. Вытащили меня из комнаты — я еще сам мог передвигаться, отвели к начальнику. Тот посмотрел и сказал: «Попей чайку, и все пройдет». Я выпил чаю, меня тут же вырвало.

Отвели в медсанчасть, там сделали инъекцию антидота. Вроде полегчало. Начальник мне говорит: «Иди домой, отлежись. А завтра приходи». Выделили провожатого,

мы прошли с ним пешком несколько остановок. Проходили уже мимо собора возле площади Ильича, как вдруг этот собор у меня на глазах стал светиться и распадаться на части. Больше ничего не помню.

Товарищ взвалил Андрея на плечи и кое-как дотащил до медсанчасти. Перепуганные врачи, вместо того чтобы оказать ему первую помощь, стали лихорадочно натягивать на себя защитное обмундирование.

Можно сказать, что Железнякову повезло. Его переправили в центр по лечению отравлений Института скорой помощи имени Склифосовского, где доктор Ведерников спас ему жизнь.

«Секретный» пациент

Наш разговор с Евгением Ведерниковым в пустовавшей больничной палате то и дело прерывался грохотом каталки — привозили очередного пациента.

Вот так же пять лет назад сюда привезли Железнякова. Помимо санитаров его сопровождали несколько человек в штатском. Первым делом сотрудники КГБ взяли с врачей скорой помощи подписку о неразглашении. На вопрос, что произошло, ответили, что Железняков отравился колбасой.

По словам Ведерникова, состояние Андрея было критическим. Сердце еле билось, холинэстераза (вещество, играющее важную роль в передаче нервных импульсов) в крови опустилась почти до нуля. По этим признакам врачи могли лишь догадываться о причинах отравления. Естественно, в «колбасную» версию никто не поверил.

Восемнадцать суток провел Железняков в отделении реанимации между жизнью и смертью.

Полтора месяца Андрей не мог ходить, похудел на 35 килограммов. Его держали в строжайшей изоля-

ции — никаких посетителей, свиданий, посылок. Как человек, которому волей случая пришлось испытать на себе действие нового отравляющего вещества, Железняков представлял огромный интерес для военно-медицинской науки. Каждый новый врач, который осматривал «секретного пациента», будь то терапевт, невропатолог или токсиколог, давал КГБ подписку о неразглашении. Всех настоятельно «просили» забыть об этом случае.

Еще два месяца в Ленинграде в Институте гигиены и профпатологии провел Железняков, прежде чем оказаться дома. В Ленинград его отправляли почти тайком. На прощание «комитетчики» в очередной раз наказали молчать.

После случая с Железняковым в институте было проведено расследование. Руководство ГСНИИОХТа решило все «повесить» на пострадавшего — дескать, сам во всем виноват: технику безопасности нарушил.

С результатами расследования Железнякова не познакомили, но ему точно известно, что нормы дегазации и правила техники безопасности в институте были пересмотрены.

Когда Андрей вернулся из Ленинграда, была создана конфликтная комиссия. Сначала коллеги в доверительной беседе предложили Андрею всю вину за случившееся взять на себя, чтобы «не подводить друзей». Когда он отказался, поступило новое предложение — разделить вину пополам с институтом. Не уговорили, Андрей твердо стоял на своем. В конце концов ему уступили, боялись, видимо, что Железняков может кое-что рассказать. Ведь был 1987 год — расцвет гласности.

Так его оставили в покое. Дали инвалидность, назначили пенсию, институт доплачивает из директорского фонда за нанесенный ущерб. Пять лет он честно следовал правилам игры — и молчал. Больше он не намерен этого делать.

В этой истории остался еще один невыясненный эпизод — Ленинская премия. Нам известно, что после несчастного случая программа «Новичок» была заморожена. Но через год испытания возобновили. Ленинская премия получена «химическими генералами», хоть и с опозданием, весной 1991 года.

Мы предполагали, что высокой наградой оценено именно бинарное оружие на основе «Новичка». Генералы подняли старые разработки, выпустили опытную партию вещества, доложили «наверх» и получили премию лично из рук Михаила Горбачева.

Однако, как рассказал корреспонденту «НВ» бывший сотрудник ГСНИИОХТа, просивший сохранить инкогнито, тогда, в начале 1991 года, генералы решили перестрахо-

ваться и выдвинули на премию не «Новичок», еще не освоенный, а старое испытанное отравляющее вещество, заявленное нами в проекте Женевской конвенции как VX.

Если это действительно так, то наши лауреаты обманули не только

американцев, но и, мягко говоря, ввели в заблуждение руководство собственной страны относительно своих успехов на военно-химическом поприще.

«Новое время» продолжает расследование.

Фото Алексея Куденко

Вил Мирзаянов:

«Испытания химического оружия — легкомыслие или преступление?»

«Новое время». Прошло полтора месяца с момента вашего ареста — достаточно, чтобы оценить, насколько существенны те проблемы, которые вы с Львом Федоровым подняли в своих публикациях. Не сожалеете о случившемся?

Вил Мирзаянов. Я уверен, что проблемы химического оружия касаются без исключения каждого человека. Ведь все мы дышим одним и тем же воздухом, пьем одну и ту же воду, наконец, мы одинаково беззащитны перед теми опасностями, которые нам создают отечественные или зарубежные «любители» оружия массового уничтожения.

«НВ». Вас обвиняют в разглашении мест производства химического оружия и его испытаний. Имеется в виду среднеазиатский полигон на плато Устюрт. Была ли действительно необходимость «разглашать» эту тайну?

В.М. Я позволю себе сослаться на печальный опыт человечества, связанный с использованием физиологически активных соединений. Швейцарский ученый Мюллер, который синтезировал средства против естественных вредителей сельскохозяйственных культур — ДДТ, получил Нобелевскую премию. Через десятилетия, после того как было произведено и использовано несколько сотен тысяч тонн этого вещества, стали известны страшные последствия его применения. Оказалось, что препарат воздействует на генетический код живых организмов. Теперь использование ДДТ запрещено во всем мире, но это не решает проблемы — продукты распада ДДТ обладают теми же свойствами, что и сам препарат. Еще пример? Лет двадцать назад мало кто предполагал, что в процессе сжигания городского мусора образуется один из самых сильных токсикантов в истории человечества — диоксин, вызывающий раковые заболевания у человека. Предельно допустимая концентрация этого вещества находится на уровне одной части на тысячу квадриллионов! У нас в стране лишь несколько ученых способны обнаруживать столь малые концентрации.

«НВ». Вы полагаете, что новое отравляющее вещество, которое испытывалось на полигоне на плато Устюрт, столь же опасно? Но ведь те, кто испытывает новые вещества, наверняка подвергают их сначала всестороннему анализу для выяснения как краткосрочных, так и долгосрочных последствий их использования?

В.М. Боевые отравляющие вещества, которые, кстати, тоже относятся к физиологически активным, поглощаются частицами пыли и разносятся на многие тысячи километров. Среднеазиатский полигон таким образом может снабжать своими «подарками» не только близлежащие села, но и жителей крупных городов как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Люди, проводящие испытания химического оружия, естественно, не столь наивны, чтобы не догадываться о последствиях. Но их это не интересует. Исследования веществ в смысле их воздействия в долгосрочной перспективе, разумеется, не проводятся.

Такого рода исследования зарина и зомана проводились в США. Но вот вопрос: можем ли мы всё узнать об этих веществах? Даже лекарственные препараты, которые перед применением годами проходят тщательную всестороннюю проверку, могут вдруг оказаться источником опасности.

Как же можно спокойно взирать на испытания на открытом полигоне нового отравляющего вещества с абсолютно неизвестными свойствами?

Легкомыслие это или преступление?

Почему люди боятся пенсии

Из счастливой поры жизни человека сотворили скуку смертную

Вячеслав Басков

Самая скучная профессия — пенсионер: деньги идут, а делать нечего. А тут еще на каждом шагу западные ровесники мозолят глаза — то, собравшись кучкой, с детским любопытством озирают станции метро, то из огромных окон интуристовского автобуса большими глазами высматривают чужой уличный быт...

Наши пенсионеры понятия не имеют, что такое туризм. Да к тому же еще международный. Кто их туда повезет? Кто организует? И что такое вообще клуб пенсионеров?

Сидят по домам. Глодают таблетки, которые не помогают. Выходят в магазин. Стоят в очередях. Возвращаются. Посудачат на лавочке. Если лавочку не сперли. Дома включают телевизор. Это называется пенсией. А на языке самих пенсионеров — «финишной прямой».

Официально же считается, что наши пенсионеры в полном порядке. Считается так потому, что страна разорилась на несколько штук отраслей народного хозяйства, которые по логике вещей превращают злую зиму нашей жизни в ликующее лето. На самом деле там зарабатывают себе на жизнь застольные чиновники и чиновницы. Скажем, закона о российском пенсионном фонде еще нету, но российский пенсионный фонд (дом с кабинетами и столами) уже существует, а в каждом городе — и ответвления фонда (дома с кабинетами и столами). Пенсионеры — дело, черт возьми, прибыльное!..

Пирамиды

Первый заместитель управляющего московским пенсионным фондом Вячеслав Трифонов на мой вопрос: позаботился ли фонд о культурной программе для любимых пенсионеров, организовал ли им зарубежные туристические поездки или хотя бы прогулки по Москве и области? — отвечал с достоинством, снисходя к моей несообразительности:

— Мы — финансовая организация. Финанс-со-ва-я. У нас только деньги. Предприятия пересылают нам свои страховые отчисления.

Хорошо работать в пенсионном фонде! Деньги поступают на счет в банке — пусть там служащие и бегают. А в пенсионном фонде, как в так называемом «детском» или в комитете защиты мира, зарплату получают. «Рогам и копытам» ничего не хочется подать, а «детскому фонду», «фонду милосердия и здоровья», «фонду мира», «пенсионному фонду» хочется отдать последнее. Названия завлекательные. Дети в школе голодают, нищие запрудили улицы, последние известия стали сводками совинформбюро, пенсионеры слоняются по улицам — зато в особняках, оккупированных фондами с вышибающими слезу названиями, тепло, светло и мухи не кусают.

— Вы, — говорит Вячеслав Трифонов, — попробуйте обратиться в министерство культуры.

Методист (задавленный пирамидой здешних вышепарящих чиновников) отдела межотраслевых федеральных программ министерства культуры России Людмила Велисевич на вопрос: придумало ли министерство культуры хотя бы культпоходы в театр для пенсионеров? — отвечала с глубоким знанием предмета:

— Пенсионеров в наших программах нет. При чем тут пенсионеры? У нас музеи, библиотеки, театры...

— Почему же тогда ваш отдел называется: «межотраслевых федеральных программ»?

Методист заразительно смеется и, пока смеется, думает. Потом говорит:

— Не знаю! Не-зна-ю! Попробуйте спросить насчет пенсионеров кого-нибудь еще...

Где наши миллиарды?

Прежде чем на свет появилось загадочное АО «ЦСТЭ-интур», оно было всем понятным и стократ раскритикованным в печати центральным советом по туризму и экскурсиям ВЦСПС. Никогда в жизни эта демократичная профсоюзная организация, школа коммунизма, не занималась пенсионерами, потому что пенсионеры, как известно, профсоюзных взносов уже не платят. А те профсоюзные взносы, что у них насильно вычли, в счет не шли. И не идут.

Акционерное общество «ЦСТЭ-интур» находится в том же здании, что и бывший центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС. Работают в нем те же учителя и учительницы. Про арест сотен миллиардов профсоюзных взносов мы что-то не слышали. Как, впрочем, и про акции «ЦСТЭ-интур» тоже. Словом, переназвалась школа во что-то моденькое — бог с ней, мы не прокуроры. Акционерное общество занимается теперь исключительно посреднической деятельностью — такой, знаете, скромной, невидной посреднической работенкой. Захочет трудовой коллектив совершить турне или экскурсию за границу — «ЦСТЭ-интур» ему помо-

Рисунок В. С. Гидатова

жет. А пенсионеры тут снова ни при чем. Но откуда у бедного, бледного и большого посредника взялись деньги, чтобы содержать чиновничью машину во главе с ПРЕЗИДЕНТОМ, которого подпирает ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ? На чем АО разбогатело до такой неприличной степени, что подразделяется на департаменты? Разумеется, на профсоюзные взносы нынешних пенсионеров. И о какой отдельной плате за путевки — о «среднестатистической деятельности» — можно говорить, когда с нас до сих пор автоматически удерживают профсоюзные взносы? Куда они деваются?

Если пенсионеры, сказали мне в департаменте планирования, сплотятся и уплатят за путевки и посреднические услуги — пожалуйста, пусть ездят по миру!

«Поговорите с моим начальником»

Естественно, нет в мире учреждения более любящего советского пенсионера, чем министерство социальной защиты населения. Начальник отдела (должность, сдвленная пирамидой сверху и снизу) координации главного управления перспективного развития системы социальной защиты Людмила Дробышева заверила меня, что никаких культурных программ для пенсионеров министерство не разрабатывает и ему вообще не до того. Серьезное министерство добывает для пенсионеров деньги, чтобы они хотя бы досыта ели. Я утер невольную набежавшую скудную мужскую слезу: и тут достают для пенсионеров деньги, словно бы они им без особых усилий со стороны «фондов» и министерств не положены. Словно бы такое возможно, чтобы в стране вовсе отменили институт пенсий.

Пенсионерам сделали бесплатный проезд в городском общественном транспорте, когда он еще стоил пять копеек. Пять копеек как раз у любого пенсионера нашлось бы, найдется на дорогу и сейчас! Он терпит финансовый крах, когда подходит к обувному прилавку, нет обуви для стариков, заходит в аптеку (нет лекарств), стремится повидать Европу и другие континенты, совершить ближние и дальние экскурсии — тут он один на один с неустроенной для него жизнью.

— Но вы попробуйте поговорить с моим начальником, он вам больше скажет, — советует мне Людмила Дробышева.

Начальник главного управления (ближе к вершине пирамиды) перспективного развития системы социальной защиты Людмила Пронина горячо поддержала свою подчиненную:

— Они в кино не ходят? Билет стоит дорого? Я тоже в кино не хожу. У нас на культурные программы нет средств!

Но чем же заниматься человеку, который вышел на пенсию?!

— Пусть занимается тем, к чему привык за свою жизнь.

Возглавляя управление перспективного развития системы социальной защиты, Людмила Пронина изобретает за оклад и свое собственное неминуемое будущее. Судя по всему, эта умная и решительная дама исповедует верность привычкам, преданность тяготам будничной жизни, от чего не следует отдыхать даже на пенсии, чтобы ни в коем случае не пожить в свое удовольствие на старости лет. Пенсионер — рядовой государства, как любой другой человек. Ать-два — левой! Ать-два — левой!..

Вероятно, поэтому единственным развлечением советского пенсионера является

РАЙСОБЕС —

ветвь министерства социальной защиты. Вряд ли отыщется райсобес, в котором бы пенсионера встретили улыбкой, скорее усадили бы его, запыхавшегося. Сюда принимают на работу по конкурсу только самых суровых, самых умных, самых сухих и, наконец, самых неулыбчивых людей. Преимущественно почему-то девушек и женщин энергетического склада: малейший вопрос рождает в ответ гром и молнию! В Бауманском райсобесе из комнаты в коридор вышла молодая женщина, втянула воздух носом и возгласила на весь коридор:

— Это кто сегодня не подмылся?!

Старухи и старики остолбенели. Нынче старость не та, что была: среди просителей райсобесов косяком идут бывшие ученые, кандидаты да доктора наук, писатели, артисты...

В Дзержинском райсобесе, чтобы не отвечать на телефонные звонки пенсионеров, кладут трубку на стол. И приходится туда ехать. Что ж, мы, несколько журналистов, снялись и поехали, чтобы узнать, почему телефоны Дзержинского райсобеса все время «заняты», словно бы райсобес в эпицентре перехода страны к рыночным отношениям.

— Почему трубки лежат на столе?

— Чтоб не звонили!!! — гром и молния.

Один из нас на телевизионной встрече с министром социальной защиты населения Эллой Памфиловой рассказал о войне райсобесов с пенсионерами.

— Вы, к сожалению, правы. Очень трудно обновить все кадры, — отвечала эта героическая женщина, прославившаяся борьбой против привилегий. И тотчас, без всякого перехода, добавила:

— Но этих женщин тоже нужно понять: у них сейчас очень много работы!

У нас очень много работают — в фондах, министерствах, райсобесах — рук, компьютеров не хватает, чтобы посылить помочь бедным пенсионерам. А пенсионеры все время ходят и мешают работать! Ну как на них не сорваться? Это же железные нервы нужно иметь!

Советские граждане на пенсию выходить боятся: это преждевременная гибель, растительная жизнь. Тот, кто на пенсию пошел, очень часто заболевает, и болеет не один месяц; все никак не может прийти в себя, осознать свой новый статус. Но масса пенсионеров продолжают работать. И хотя закон вроде бы пока запрещает принудительное увольнение человека по достижении им пенсионного возраста, но нарушается он слишком часто, чтобы принимать его всерьез. Против пенсионеров плетут интриги, их понижают в должности, отнимают любимую работу — унижают всячески!

Молодой раб вместо старого

А тут вдруг один очень крупный деятель заявил, что пенсионеров надо сократить всех, без остатка, чтобы освободить рабочие места. Раньше прогрессу мешали евреи, теперь — евреи и пенсионеры. Государственный деятель только не пояснил, куда «сократить»? В какую жизнь? Со скалы сбросить? Что правительство для пенсионеров сделало в этой жизни? Откупилось от них «выделением» минимальной пенсии в 2250 рублей в месяц? Бесплатным проездом в автобусе?

У нас в правительстве подобрались умнейшие теоретики управляемой экономики. Они вычерчивают прогресс по географической карте России, распластанной на массивном письменном столе. Та карта с подробнейшим указанием залежей полезных ископаемых и черными квадратами с палочкой, из которой вьется дымок: заводы... Карта хороша тем, что на ней есть все, что требуется для будущих реформ, — кроме людей.

Своим высказыванием государственный деятель польстил директорам предприятий: они же своим пенсионерам пенсии не выплачивают. Это в некоторых других странах человек получает пенсию от государства (так называемую «социальную») и вторую — от предприятия. Наши предприятия освобождены от забот о своих рабах, которые пахали на них всю жизнь. Директору даже лучше, если вместо состарившегося раба заступит молодой.

Играя роль заботливого опекуна, государство игнорирует обыкновенные потребности тридцати пяти миллионов граждан, оттрубивших свое! Людям не позволено отдыхать и отвлекаться от нескончаемой борьбы с исторически закономерными трудностями по дороге к вершинам коммунизма. Они у нас невыездные. Ничтожную льготу для них «выбивают» с трибуны Верховного Совета неделями. Из счастливой поры жизни человека — пенсии, когда уже не нужно бежать на работу, служить или прислуживать, — сотворили скуку пенсионеров, — «финишную прямую».

Возвращение старой науки,

которая заставляет гордиться своими предками или стыдиться их поступков

Даниил Гранин

Маленький Ваня Аверинцев, когда его спросили: «Что такое человек?», сказал: «Это тот, у кого есть папа и мама», — и потом добавил: «И бабушка и дедушка». В его добавлении — то, чего не хватало, та самая истина, которую умеют изрекать дети.

Наверное, его слова можно было поставить эпиграфом к международной генеалогической конференции, которая проходила в Санкт-Петербурге, в сентябре-октябре 1992 года.

Животные не пользуются понятиями бабушек и дедушек, это привилегия человека, память о прошлом есть отличие человека.

Советские люди на протяжении жизни уже двух, а то и трех поколений старались не вспоминать свое реальное прошлое. Прежде детям рассказывали про дедушек, прадедушек и прапра-, в советское время сведения эти родители тщательно скрывали. В роду могли оказаться чиновники, дворяне, купцы, священники, офицеры, кулаки, заводчики, да мало ли еще кто. Лучше было происходить из массовидно-безликого, утратить индивидуальность. Семейные архивы уничтожались. В анкетах врал, прятал свое прошлое.

Организатор конференции Игорь Васильевич Сахаров, энтузиаст генеалогии, положивший на восстановление этой науки все силы, с горечью признавался мне, что он также вырос без бабушки и дедушки, а ведь именно бабушка и дедушка создают коренную культурную среду.

...Забывать, забывать! — и успешно забывали, и пришло время, когда некого спросить о своих предках. Корни отрублены, не известны. Наступила коллективная всеобщая амнезия. Люди хотят и не знают, как искать, где найти свое прошлое.

Сейчас множество людей устремилось в архивы к источникам истории собственной семьи, своего рода, произошел взрыв интереса к генеалогии, любительского интереса, но интереса.

Атмосфера генеалогической конференции резко отличалась от прочих конференций, конгрессов, на которых мне приходилось бывать. Возволнованность и соучастие всех присутствующих. Один доклад заманчивей другого. Почти не было просто слушателей, все были участниками. Хотелось побывать на всех секциях.

350 человек предложили 400 докладов. Если кто не мог приехать, особенно из Сибири и Дальнего Востока, то потому, что оказалось это не по средствам, учитывая нынешние цены. И все же было 250 участников из двадцати пяти городов. Состоялось двести докладов! Приехали из Татарстана, Украины, Коми, Беларуси, Латвии, из США, Швейцарии... Все были в полном смысле хозяева, ибо у каждого живой интерес. Большинство выступало с конкретными сообщениями. История облекалась в судьбы отдельных людей, обретала фамилии.

Для меня генеалогия представлялась до сих пор наукой исключительно об истории дворянских родов, то есть сугубо специальной, элитарной и, честно говоря, малонужной. То было расхожее представление, сразу опровергнутое программой конференции.

На конференции работали секции по генеалогии крестьянских родов, генеалогии священников, ученых, промышленников, военных... В сущности, охвачены были все сословия, все слои общества, генеалогия открылась как самая демократическая наука.

Аркадий Ступников — ученый-ветеринар, сделал, например, насыщенный фактами доклад о генеалогии государственных крестьян. Он занимался этим двадцать лет на материалах своей родной вятской деревни.

Генеалогия татар и башкир. Происхождение купеческих фамилий. Семейные усыпальницы как источник генеалогической информации. Генеалогия в общественном сознании России. Пушкин и генеалогия. Пензенские дворяне такие-то. История рода такого-то и такого-то, Венедиктовы, Лермонтовы, Аксаковы, Четверухины, Шевелевы, Флоренский — какие только фамилии не мелькали.

Историю нам всегда преподносили как историю масс, массовых революционных движений. Здесь, на конференции, она обретала фамилии, судьбы. Безликий фон исторического процесса, гомогенная среда оживали, распадалась на конкретных людей с портретами и характерами. История России наполнялась красочной жизнью не классов, даже не сословий, а жизнью отдельного рядового человека, его предков и потомков, его родословной, в которой бурлила, творилась история отчества. Замелькали лица, формы, появился Христофор Колумб, появились Бурбоны, гербы.

Конкретная история рода не укладывалась в концепции наших историков. Ах не укладывалась, мешала, значит, ее выбрасывали. Личностей опасались. Современники опасались предков. Историки опасались потомков.

Слушая некоторые доклады, я убеждался, что генеалогия имеет отдельный этический ход к человеческой душе. Генеалогия заставляет гордиться своими предками или стыдиться их поступков. Она заставляет вспоминать о традициях фамильной чести, трудолюбия, храбрости.

В нормальном обществе люди хранят память своих трех-четырёх поколений. Они соблюдают родственные обязанности и связи — дяди, племянники, двоюродные братья, сестры. Поздравляют друг друга с днем рождения, семейными праздниками. Сложная разветвленная сеть родичей создает этические обязательства. С детства учат любить родных хотя бы только за то, что они родные. Любить и по горизонтали, и по вертикали. Помогать им. Отвечать за них, за то, что мой родственник плохо обращается со своими родителями, за то, что опозорил фамилию. В таком сообществе ответственность за личное поведение связана опасениями — как оценит родня тот или иной поступок.

Жена Сахарова, Наталья Юрьевна Сахарова, вспоминает, как ее дед, депутат двух государственных дум, не подавал руку черносотенцам-антисемитам: «Может быть, я бы не научилась так уважать другие народы, если бы мне с детства не рассказывали о моем деде». Она выросла на рассказах о своих родных. Так возникают понятия рода и его традиции.

Генеалогия семьи, где соединились армяне, русские, грузины и абхазы, поразила актуальностью в разгар национальных распрей, когда повсюду обостряется отношение к инородцам. Вот русский человек и он убежден, что полностью русский, имеет чистую кровь. Но генеалогия отучает от такого примитивного взгляда, ибо на самом деле у каждого есть примесь чужой крови.

Тысячи родословных предо мной проходят, говорит Игорь Васильевич Сахаров, и даже в самых антисемитских семьях часто есть еврейская кровь, они об этом не знают. В аристократических семьях есть, например, связи с Шафировыми, которые породнились с десятками семей или с французскими графами, у многих петербуржцев есть шведская, немецкая кровь, у многих татарская. Это ведь то же самое, что быть хри-

стианином. Быть русским — значит назвать себя русским. В этом есть великая радость для страны, что кто-то назвал себя русским. Генеалогия учит не столько биологическому родству, сколько широте и духовному выбору.

Сам перечень докладов примечателен. Не знаешь, что предпочесть. Стоит упомянуть хотя бы некоторые из них.

Доклад внука Павла Флоренского об учении его деда о назначении рода, то есть какой замысел вкладывает Господь Бог в понятие семьи и рода. Генеалогия армян, генеалогия белорусских семей. Преподавание генеалогии. Наследственные профессии. Пушкин как генеалог. Архив гениальности, то есть предки русских гениев. Взаимоотношения генетики и генеалогии. Рассказ о четырех поколениях, работавших в одной газете «Петербургский листок». Доклады о купеческих родах, где позавчерашний мужик становится купчиной, в следующем поколении — негоциантом, а в следующем — уже интеллигент, покровитель искусств, сам ученый. Мобильность русского купечества типична и дает примеров куда больше, чем те, что вошли последнее время в обиход известных фамилий.

Доклад, где прослежены истории репрессированных советской властью более чем двадцати представителей фамилии Бенеа.

Родословная Короленко.
Курские кушцы.

Отец Александр Сорокин сделал доклад о генеалогическом аспекте в практике поминовения усопших в православной церкви. Он открыл, как система поминовения формирует генеалогическое сознание людей.

Доклад за докладом, как на Высшем суде, свидетельствовали о том, что все люди братья. Так или иначе они перевязаны между собой родственностью, о которой они часто ничего не знают. Это наглядно представляло на секциях. Вдруг оказалось, что генеалогия — какая-то всепроникающая наука, она полна лукавства, сквозь ее магический кристалл иначе видятся история и собственная жизнь, свои необъяснимые пристрастия и поступки. Скрытые их источники обнаруживаешь где-то в глубине веков.

— Мой предок был Мурза Тенишев, — рассказывала мне Наталья Юрьевна Сахарова. — Это открыл мне муж, который занялся моей генеалогией. Один из предков крестился в начале XVIII века. Так что религиозная нетерпимость для меня

Рисунок Вадима Масленникова

невозможна. Да и для всех почти, ибо мы где-то в прошлом и мусульмане, и католики, и протестанты. Некоторые люди думают, что генеалогия подтвердит их русские корни, чуть ли не социальные и биологические привилегии. Генеалогия разрушает этот миф. Чем дальше я уходила в свое прошлое, тем более пестрая картина возникала. На уровне прапрапра-все мои предки разъединились по разным местностям, сословиям, вероисповеданиям. Прапрапрадед был губернатором Казани, его вторая жена была из крепостных. Моя бабушка, болгарка, из рода Каравеловых, ее дядя был премьер-министром Болгарии, их предки были разбойниками, настоящие разбойники с большой дороги, и грабили, и бились с турками. Нельзя из родословной выбирать только престижное или модное. В меня входит все, синтезируется.

Рассказ Сахаровой я привожу потому, что она занималась своей родословной. Подобные открытия несомненно ожидают каждого. Доклады на конференции доказывали, что у всех людей корни неожиданны, удивительны и по горизонтали, и по вертикали.

Генеалогия причудливо смыкалась с генетикой. Известна, например, легенда про полководца Сципиона африканского, победителя Ганнибала, что он был шестипалый. Его потомки, итальянские дворяне Де Кампо Сципион, до сих пор, уже пять поко-

лений, имеют шестипалость как наследственный признак.

В одной старинной летописи говорится о некоем слепом витязе из рода Рюриковичей, который храбро воевал и во время боя потерял «Золотую луду». Какой-то предмет на голове, никто не может объяснить, что это такое. От этого витязя пошли Воронцовы-Вельяминовы. В роду их до сих пор есть наследственная болезнь «поникость», это когда не держится веки, чтобы видеть, надо их придерживать. Предполагают, что «луда» было приспособление, которым витязь придерживал веки.

Впечатляли доклады о создателях отечественной генеалогии. Науку эту, в сущности, репрессировали. Специалистов увольняли, сажали, память о них истребили. Чернопяттов умер от голода, Артемьев эмигрировал, Григорьев, который составил родословные костромских семей, провел двадцать лет в лагерях. Сейчас не просто восстанавливать генеалогическую концепцию. Она пока развивается как бы на эмпирическом уровне.

Семейные легенды,

изустные предания — каким-то чудом люди сумели пронести сквозь лагерь, ссылки, страхи. Можно лишь поклоняться энтузиазму ревнителей этой науки, еще никак не престижной, не приносящей ни выгод, ни доходов, ни званий. В Казани, Саратове, Великих Луках, Тернополе, Камеце-Уральске подвижники генеалогии извлекают из небытия родственные связи, образы и облики ушедших, восстанавливают порванную связь времен.

Некоторые из докладчиков представляли здесь свои роды — Тенишевых, Сумароковых, Лобач-Жученко, Благово, Шаховских. Как на старинных портретах, проступали в этой обстановке спокойствие и благородство. Может, действовало мое воображение, но было ощущение алмазного фонда России, заблестевшего огнями.

Генеалогия оживает, возрождается, обретает все больше старателей. Создан Российский институт генеалогических исследований. Ему надо помочь. Генеалогия обладает способностью затронуть каждого человека, кем бы он ни был, пробиться к нему сквозь безверие и цинизм, это счастливая наука. Казалось бы, погибшая, она вдруг вынырнула из пены морской, возродилась, полная любви и братства, желая связать всех людей родственностью.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Привет от Валентины из Теплице

Долли — Дарья Фикельмон, внучка Кутузова, жена австрийского посланника при русском дворе, героиня ненаписанной повести Пушкина
Акварель. А.Агрикола. 1824 год

Две русские женщины в старинном чешском замке

Инна Руденко,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Она все не отпускала мою руку, все держала ее в своей, замерзшей, и холод ее ладоней резко и странно контрастировал с жарким горячечным шепотом: «Вы русские? Вы с Родины?!» Под высокими сводами замка-музея у узкого окошечка кассы, откуда она и тянула свои руки, выстроилась уже молчаливая, как всегда здесь, очередь, но она лишь снизила свой голос до шепота, сродни сценическому, когда далеко слышно каждое слово.

Долли, которая стала Татьяной

Я испытывала уже неловкость — не в Африке же мы в самом деле, эка невидаль здесь русская речь, но невозможным казалось оторвать эти руки, прервать лихорадочный шепот: «Ну как там, на Родине? Расскажите, расскажите мне — как там в России? Все ужасно, да?»

Излишне черная для немолодого уже лица шапка всклокоченных волос, ярко-красная, будто рана, полоска рта и такой же вызывающе красный, как флаг, шарф на черном плаще — самим своим каким-то

преувеличенно-резким обликом эта женщина выпадала из строго чинного замкового интерьера. Странная, неожиданная встреча.

Я приехала сюда, в Теплице, отыскать следы совсем другой русской женщины, жившей более века назад, — Дашеньки, Дарьи, Долли Фикельмон, оставшейся в истории благодаря тому, что была верным другом Пушкину. Кому именно мы близки, это многое расскажет и о нас самих, как известно. В салоне Долли, жены австрийского посланника, в Петербурге на Дворцовой, Пушкин, так ни разу и не побывавший за границей, знакомился с новинками европейской политики и культуры, получал запрещенные в России книги. Разные там собирались люди, но «какая была непринужденная, терпимая, вежливая, и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мыслей не было спора и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслями, воззрениями, оценками...». Такое свидетельство, сегодня звучащее как назидание нам, таким нетерпимым, оставил о салоне Долли друг Пушкина Вяземский.

Атмосфера себя и других уважающей свободы исходила от хозяйки: мужчины создают законы, женщины — нравы, гласит древнее изречение. Облик Долли — редкое сочетание красоты, светского блеска и «спокойствия и свежести одиночества... среди суеты и блеска» — навел, утверждают, Пушкину знаменитые строки о его Татьяне: «Она была не тороплива, не холодна, не говорлива... без раздражительных затей. Все тихо, просто было в ней». Поэтому-то именно Долли и ее матери доверил Пушкин заботу о вхождении в свет своей юной жены, репутацией которой так дорожил.

Это ей, Долли, принадлежат найденные всего несколько десятилетий назад здесь, в Чехо-Словакии, дневниковые записи о том гибельном для Пушкина времени — одно из объективнейших свидетельств дуэльной истории. Она и спустя годы, в отличие не только от врагов поэта, но и от тех, кого числили в друзьях, имя Дантеса произносила «с отвращением» — так написала в одном из писем из Вены.

Другие памятники надо было ставить

После Петербурга была Вена, потом Венеция, где она, как утверждает изданный всего несколько лет назад труд, и умерла. И вдруг в одной из пражских библиотек наталкиваюсь на свидетельство: Долли Фикельмон похоронена здесь, на чешской земле, в маленьком городке Дуби, близ

Автопортреты Пушкина. 1826 год

Теплице. И я еду в Дуби. «Собираешься писать о проститутках?» — спрашивают меня коллеги.

Этот городок у самой немецкой границы прогремел ныне на всю страну скоплением жриц любви, о чем неоднократно писали местные газеты. Да, теперь такие женщины нередко определяют нравы. Да еще мы, журналисты, не устающие копаться во всяческой скверне. Не пора ли писать и об ином — целительном? И вот улица в обычном чешском городке с таким неожиданным теперь названием «Русская». И она, церковь Пресвятой Девы Марии, самым своим строго торжественным и вместе с тем гармонично радостным обликом так похожая не на костелы — на русские церкви. А внизу — семейная усыпальница. Церковь строил внук Долли. Дочь ее Елизавета, которую Пушкин тоже хорошо знал, вышла замуж за теплицкого князя Кларии-Альдрингена — так подруга Пушкина и попала в Богемию.

А как попала сюда она, женщина из другого века, с красным шарфом на шее, так жадно расспрашивающая меня сейчас о России? «Как попала? Война!» — она произносит это слово не с горечью, с каким-то вдохновенным вызовом. «Мне было семнадцать с половиной лет, когда я ушла добровольцем на фронт. Такая была комсомолка!» Она на мгновение отпускает мою руку, широким горделивым жестом забрасывает свой красный, как знамя, шарф за спину, выпрямляется во весь рост — за окошечком кассы стоит, будто богиня победы. Эдакая современная Ника...

По дороге в Теплице в городке Хлумец, в прошлом веке Кульм, видела я Нику, венчающую обелиск-памятник в честь «славной победы русских гвардейских когорт» над войсками наполеоновского генерала Вандамма. Стихи-вдох Пушкина: «Сыны Бородина. О, кульмские герои!» Это им, кульмским героям, «Богемия одолжена своим спасением», как написал один из очевидцев битвы.

Глядя на этот обелиск, прославляющий, но не угрожающий, подумалось: если б такие памятники, а не грозные танки оставили мы век спустя по городам и весям спасенной Европы, быть может, к ним и относились бы ныне по-другому?

На закладке памятника в

Наталья Николаевна — уже не Пушкина, а Пушкина-Ланская

Портрет. В.И.Гау. 1844 год

Хлумце присутствовала и Долли — вековечное назначение женщины не воевать, а озарять мужской подвиг женским сочувствием. Она была не просто женой австрийского дипломата — внучкой русского маршала Кутузова, дочерью флигель-адъютанта Ф.Тизенгаузена, смертельно раненного здесь, на чешской земле, под городом Славковым, который назывался тогда Аустерлицем. Со знаменем в руках поднял он в атаку батальон солдат, бежал, сжимая древко, по полю, упал, подкошенный пулей, и скончался вскоре от ран. Чтобы ожить потом в Андрее Болконском, толстовском герое, впервые на том поле появившем, что и война, и слава, и мечты о подвиге — «все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба». Да, бываю такие «странные сближения», как любил говорить Пушкин.

...А она, эта женщина, тут. в

замке, продолжала громко шептать: «Это сейчас нас зовут оккупантами, а тогда, в 1945-м, носили на руках!» Но зачем так при них, чехах, терпеливо-молча сносящих эту сцену?... «Ничего, ничего — пусть слышат! А вы не обманитесь — они такие вежливые, часто будут вам улыбаться, но совсем не добрые. Им дела нет до другого человека. Вот я живу тут почти полвека и совсем-совсем одна. Ну и пусть, и ладно! Я ни о чем не жалею — для меня то военное время все равно лучшее в жизни».

«Дома — разруха. Оставайся здесь»

Всегда сжимаешься, когда слышишь некое восхищение в голосе ветеранов при слове «война». Это какую же надо прожить жизнь, чтобы война осталась в ней лучшей страницей биографии?... Смотрю на эту женщину и думаю: не от таких ли бабушек те внуки, что рвались добровольцами в Афганистан, те женщины Приднестровья, что не утихомиривают, а раззадоривают военный пыл мужчин, те девочки, что, юные, красивые, тоскуют не о материнстве, а о службе в армии?

«Я с детства мечтала попасть на войну», — сказала одна такая в недавней телевизионной передаче «Тема», посвященной женщине и армии. И горделиво улыбнулась. Такой-то мечте ныне легко исполниться... Что уж тут говорить о тех мужчинах, которые ныне идут на войну просто за деньги.

«А какие были у меня фронтовые друзья! — продолжалась исповедь тут, в замке. — Я б никогда здесь не осталась, но мой командир сказал: «Валентина, тебе надо лечиться. Дома разруха, голод — оставайся здесь. Подлечись — вернешься».

Подлечиться тут можно было, это верно: Теплице — давно известный европейский курорт. На его горячие источники приезжали даже три русских царя с пышной свитой — отчего было не приютить и одну русскую девочку Валентину, в кирзовых сапогах прошагавшую пол-

Европы? Но почему же она не вернулась потом, если так тоскует по России? Быть может, любовь? Наверное, любовь. Конечно, любовь — летопись этих мест хранит столько романтических любовных историй! Как встречал здесь князь Эдмунд «новую владелицу замка и своего сердца» дочь Долли Елизавету — тут тебе и рукотвор-

ный остров ее имени на местном озере, и веселье на улицах, и праздничная иллюминация: долго над городом висело огненное «Е», начальная буква имен влюбленных. Здесь, в Теплице, Гёте впервые встретил свою Ульрику, а Бетховен написал знаменитое письмо «бессмертной любимой» — «мой ангел, мое все, мое я...».

«Какая любовь?! — женщина за окошечком кассы от негодования чуть не выпустила мою руку. — Да я была уже не женщина, неужели не понимаете? Любовь. Еще скажите — дети». Она усмехнулась: «Вагы нет, бинтов и на раненых не хватает — что было нам, девчонкам, в иные, ну вы понимаете какие, дни делать? Это в окопах-то, где все вповалку, а то еще хуже — в чистом поле. Вот мы и лезли в ледяную воду, чтобы заморозить там все внутри. Ну и заморозили. Навсегда».

У войны не женское лицо — это, наверное, даже мягко сказано. Значит, и горячие теплицкие источники не растопили холода, оставшегося в ней с войны... Нет, целительная моя поездка явно не получалась. Как говорится, шел в комнату — попал в другую.

Билета ей не досталось

«А осталась я здесь потому, что очень любила свою Родину. Понимаете? Нет, вы поняли, что я имею в виду? Три золотые звезды у меня. А больше я вам ничего не скажу — не имею права».

Разведчица? Такая говорливая с первым встречным? Ну, знаете... Три золотые звезды? Да они ж наперечет, трижды героини! Пресвятая Дева Мария... Телесное здоровье она тут, на этом курорте, подлечила, конечно. А вот душевное... Спецзадание родины, герой со звездами, одиночество как патриотический долг — в какую же сторону повернуто женское воображение!..

Легенды, в которых мы себя убеждаем, одинаково точно говорят как о нас, так и о времени, нас сформировавшем. Прожив почти полвека в одном из романтических мест, какие известны (слова Вагнера), она осталась в том, где прошли первые семнадцать с половиной.

Татьяна из «Евгения Онегина»
Рисунок Пушкина

Там романтика понималась совсем-совсем иначе. И сколько же их таких с навеки вошедшим в кровь мифотворчеством, психологией, искореженной войной и буднями, так похожими на войну!.. Внезапно громкий шепот переходит в крик: «Я проклинаю Горбачева! Я проклинаю Ельцина! Развалить такую страну — Советский Союз! Раньше нас боялись, теперь жалеют. Нас, победителей, не боятся — жалеют!»

С усилием отнимаю, наконец, руку. «Дост», как говорят чехи, — хватит. Не надо, чтобы нас жалели, как сегодня, но и не надо, чтобы боялись, как вчера. Хорошо бы, чтобы к нам просто нормально, как к нормальным людям, относились. И еще это ее почти истерическое «проклинаю» — да она уже и по-русски-то говорит с трудом. А туда же, в наши политические страсти, из которых мы никак не можем выбраться. Какое уж там высокое небо...

Ухожу, стараясь не встречаться глазами с этой по-прежнему молчаливо-терпимой очередью. И вдруг в спину мне летит ее горестное, просительное и неожиданно тихое: «Передайте привет Родине. Я б туда на крыльях полетела, но пенсия у меня здесь... Так и скажите: привет от Валентины из Теплице».

И захотелось вернуться и самой взять ее холодные руки в свои. Как часто она произносила это слово «Родина», почти выпавшее ныне из нашего лексикона... Да какое у меня право судить эту заложницу истории, эту жертву политики, эту женщину, прожившую не свою жизнь? Днями, месяцами, годами выдает она билеты в мир, где женщины были подругами великих и смертных мужчин, счастливыми или несчастными матерями, просто чьими-то любимыми внучками, — ее ли в том вина, что для нее билета в этот мир нет?

На экскурсию в музей я так и не пошла. Пушкинской комнаты, где еще не так давно висели портреты Долли, ее матери, ее мужа и других друзей поэта, в теплицком замке теперь, сказали, нет. По одним сведениям, коллек-

«Я помню чудное мгновенье...» — Анна Керн

Рисунок Пушкина. 1829 год

ция разбросана по разным замкам, по другим — передана в Петербург. В путеводителе каких только имен гостей замка не перечислено, а имени подолгу тут жившей внучки Кутузова, дочери героя Аустерлица и верной подруги Пушкина нет.

«Ни одно место в мире, кроме Теплице, — читаю я в путеводителе, — не может похвалиться встречей двух великих людей: Бетховена и Гёте». Но судьбе так угодно было распорядиться, чтобы здесь, в этом замке, почти через полтора века встретились и две русские женщины, такие несхожие. Несхожие уже самим своим изначальным предназначением. Бывают, наверное, и такие «странные сближения» — как антитеза.

На сохранившемся портрете Долли — с обнаженной шеей, шарфом, небрежно брошенным на колени, сидит спокойно, умиротворенно, смотрит задумчиво и вместе с тем безмятежно куда-то вдаль. Валентина смотрела в упор, прямо вперед, словно не желая замечать ничего вокруг по сторонам — а взгляд ее казался все равно обращенным назад. Холодная рука, горячий шепот, красный, цвета флага, шарф на черном, как траур, плаще.

Где-то здесь в чешских архивах должно храниться единственное известное письмо Пушкина к Долли: «Я останусь всегда самым искренним поклонником вашего очарования, столь простого, вашего разговора, столь приветливого и увлекательного...» Но, покидая замок, я думаю не о Долли.

Привет вам от Валентины из Теплице.

ПРАГА

Брежневский ренессанс

Либерализм в России — это большое недоразумение?

Ги Сорман

Было бы наивно связывать надежды на возрождение нации с новым поколением. Молодые люди мыслят не лучше и даже не прогрессивнее, чем их родители. Таковы мои ощущения от недельного курса по экономике, который я читал недавно студентам-гуманитариям в Московском университете.

Почему мы добровольно приезжаем читать эти лекции? Потому, что нас в Западной Европе очень вдохновляет восстановление свободной России. Более того, мы не хотели бы, чтобы на этом пространстве воцарилось безраздельное господство ностальгически настроенных русских консерваторов или началось монопольное хозяйничанье американских или американизированных советчиков.

Мы надеемся, обоснованно или нет, создать иную модель и иной язык, и для этого мы предлагаем соединить политическую свободу, рыночную экономику и русскую культуру. Однако наши российские студенты не всегда разделяют наш энтузиазм, скорее, они воспринимают его с большой осторожностью. Молодые люди и девушки оставались холодны, когда я брал лирическую ноту, воспевая счастье быть одновременно русским патриотом и либералом. Для них, для этого первого постперестроечного поколения, свобода — это воздух, которым они дышат. Но мне горячо аплодировали, когда я перечислял трудности повседневной жизни, связанные с извращениями так называемой политики

либерализации. Эти студенты думают так же, как их родители, которые, если верить нескольким последним опросам, считают, что лучшим режимом был брежневский. Естественно, для тех, кто не находился в то время в ссылке или психиатрической лечебнице.

«Брежневизация» коллективного мышления основана на большом недоразумении. Студенты искренне считают, что брежневская экономика была преуспевающей и что причиной нынешних беспорядков является либерализация, тогда как в действительности все наоборот. Именно в «брежневизме» причина сегодняшнего медленного развития, низкого качества продукции, раздутости промышленности, скудности питания, посредственных жилищ, плохой медицины, дурной работы транспорта, международной задолженности России. И, наоборот, политика либерализации ни в чем не виновата по одной простой причине: она еще и не начиналась.

Инфляция, безработица, нищета — это вовсе не последствия несуществующей либерализации, а только сейчас обнаружившиеся плоды русского социализма.

Мне приходилось объяснять студентам, что правительство Ельцина до сих пор освободило только цены, но не производство, к вящему удовольствию сомнительных посредников, спекулянтов и индустриальных монополистов. В том и состоит главное отличие социализма (который вообще не способен работать на практике) от либерализма (который начинает работать, лишь будучи примененным на практике)!

Но не станем благодумствовать, предполагая, что предприятия будут переходить в частные руки и тут же станут эффективными. Особенно не будем обольщаться и на тот счет, что заработает наконец механизм конкуренции (это как раз и отрицают директора государственных предприятий).

Возродится ли русская экономика? В любом случае все будет происходить очень медленно, результат проявится лишь через много лет. Так нужно ли отказываться от либерализации и поддаваться обольщению сладкопоющих сирен типа Вольского? Нет. В первую очередь необходимо стабилизировать финансы. Это еще возможно при сбалансировании бюджета, что требует от Ельцина только политической решимости. Если бы рубль стал стабильным, это стало бы значительным, хотя бы и с психологической точки зрения, событием для большей части населения. Люди не станут богаче, но они реально осознают свое положение, смогут снова делать сбережения. Тревога рассеется, у предпринимателей появится интерес вкладывать капитал в производство, а не в торговлю и спекуляцию.

Деньги в свободном обществе — это и есть общественный договор между правительством и народом. Если же нет настоящих денег, этот договор расторгается. История свидетельствует: демократия не в силах долго противостоять гиперинфляции. Наоборот, никакая политика развития невозможна без предварительной финансовой стабилизации.

Именно это я пытался объяснить своим студентам в Москве. Если мне не удалось достичь этого, то только потому, что с подобными речами должны обращаться к ним российские руководители, а не я. «Вы знаете, — призналась мне одна студентка, — нам не нужны советы, мы станем слушать только мессию». В этой роли либералы, насколько я знаю, весьма слабы. Другая студентка сказала мне: «Нужно вернуться к Льву Толстому и к добродетелям бедности». Хотя сама она, как мне показалось, была мало настроена выйти босиком на мороз...

Рыночная экономика вовсе не располагает к мечтательности. В этом как раз и заключается ее большая слабость. Но в этом же и ее огромная польза, ведь пророчества чаще всего не приносят добра, многое они уже погубили, в то время как либерализм, примененный на практике, возродит Россию. Мечта станет отныне личным делом каждого, а отнюдь не заботой государства.

ПАРИЖ

Рисунок Анны Золотаревой

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

На сей раз читателя ожидает не совсем обычная публикация. Необычная отнюдь не потому, что автором ее является вовсе не политический мыслитель, а писатель. В нашей рубрике мы публиковали немало представителей литературного цеха — М.Алданова, Т.Манна, П.Бак, Дж.Дос Пассоса, Дж.Оруэлл. Но мы знакомили аудиторию с их политической публицистикой, а не с беллетристической. На сей-таки раз мы решили опубликовать именно литературное произведение.

Это рассказ венгерского писателя Фридьеша Каринти. Впрочем, если вдуматься, это, конечно, не просто рассказ. Не просто он и по сюжету, и по выбору автором своего героя, и по жанру (это рассказ-притча). Рассказ, напоминающий гностический новозаветный апокриф, полон иносказаний. Эта притча, выделяясь из дру-

гих творений Каринти, продолжает и выводит на новый уровень философскую направленность всей авторской мысли. Личность и масса, пророк и власть, гений и толпа, судьба и жизнь, предопределение и порок — все эти и другие коллизии сосредоточены в этом небольшом тексте.

Фридьеш Каринти практически нашему читателю незнаком. Между тем его знают не только на родине, но и за ее рубежами. Критики и историки литературы и культуры нередко относят Каринти к сатирикам или юмористам. Однако эта ниша для него явно узка. Есть у Каринти и рассказы сатирические и юмористические, но главная характеристика его творчества — философская ирония. Поэтому те, кто загоняет писателя в рамки жанра, ныне «обозначаемого как «черный юмор», и меряют его хичковскими мерками, не замечают в нем главного. (Впрочем, и Хичкок — далеко не простой феномен, сводимый только к «этике ужаса».)

Фридьеш Каринти ро-

дился в Будапеште, но оказался связанным и с другими столицами Центральной Европы. В треугольнике Прага — Будапешт — Вена, над которым витали воспоминания о Дракуле и фантазии Кафки, не исчезали корабли, но зато появлялись удивительные и самобытные литературные и философские таланты.

Таким был и Фридьеш Каринти. Он родился в семье служащего, ставшего впоследствии владельцем букинистической лавки. Мать происходила из венско-будапештской семьи финансистов. Однако жили родители писателя скромно. Другим была богата семья. Отец на досуге занимался лингвистикой и философией. Человек одаренный, он весьма в этом преуспел. Мать очень любила поэзию. Вокруг семьи Каринти существовал интеллектуальный кружок. Немалый колорит ему придавал один из родственников — отставной капитан дальнего плавания, чьи замечательные устные рассказы о тайнах дальних стран,

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

приправленные восточной мистикой, пользовались неизменным успехом у слушателей. В такой обстановке проходило детство и отрочество писателя.

Он рано взялся за перо. И сразу же был вознагражден скромным, но успешным. Первая мировая война поразила Каринти бессмысленностью и жестокостью. Резкий протест вызвал в его душе и нарождающийся фашизм. Он написал несколько острых политических памфлетов против Гитлера и Муссолини. В 30-е годы писатель тяжело заболел. Выйдя из болезни — практически с того света, — он вновь продолжил работу. Но через несколько лет, в 1938-м, ушел из жизни.

Несрочное пришествие

Фридьеш Каринти (1887–1938)

И настал третий день, и было утро. С трудом раздвинув камни, закрывавшие узкий вход в гробницу, вышел Он наружу и медленным шагом двинулся по дороге в сторону города. По обеим сторонам пути стояли обгоревшие дома, еще окутанные дымом.

На подходе к городу в придорожной канаве увидел Он фигуру человека, лежавшего скрючившись на дне ее. И в человеке этом узнал Он одного из тех, кто стоял три дня назад перед дворцом Пилата и кричал вместе с остальными, чтобы отпущен на волю был разбойник Варрава. Из пересохшего горла несчастного раздавались стоны и завывания, а взгляд был обращен к багровым рассветным облакам.

И остановился Он перед человеком на дне канавы, и молвил тихо: «Я пришел».

Человек перевел взгляд на пришельца и зарыдал. «Учитель, Учитель!» — причитал он.

А названный Учителем продолжил — тихо и успокаивающе: «Не плачь. Встань и иди со мной. Я снова направляюсь в Иерусалим, я пойду к дому Пилата и предстану перед ним, и я попрошу его — по закону — вновь вынести решение. Пусть он снова судит меня, судит Варраву, пусть рассудит его и тебя, того, кто хотел, чтобы Варраву отпустили, пусть рассудит его и тех, кто претерпел от него все несчастья и ужасы».

И тогда несчастный покорно поднялся из канавы, встал на ноги, а затем, склонившись, припал к краю Его хитона.

«Учитель, Господин! — кричал он, давась слезами. — О, Господин мой, я пойду с Тобой! Скажи, как спасти мне свою душу, скажи, что должен я сделать, что должен сказать!»

«Не говори теперь ничего, — молвил Он тихо. — Но вспомни, что должен был бы ты сказать три дня тому назад, когда у порога своего дома Пилат спросил тебя: «Кого из двоих — разбойника Варраву или Назарянина — следует отпустить?» Что должен был ты ответить тогда?»

«О, какой же я был глупец! — возопил несчастный, бия себя кулаками по голове: «Каким я оказался слепцом! Зачем воззвал я — «Освободи Варраву!» Злодея Варраву, который принес мне столько горя, который сделал меня нищим!»

«Ну что же, пойдём, — сказал названный Учителем. — Следуй за мной, мы теперь идем к дому Пилата. Не думай ни о чем, и внимай только мне и никому другому. И как только подам я знак, ты должен сказать — громко, во весь голос и от всего сердца своего: «Назарянин! Освободить Назарянина!» Скажи это так, как будто ты требуешь, чтобы тебе самому подарили жизнь».

И оба двинулись в путь.

По дороге встретили они еще одного несчастного, у

которого Варрава отнял дом, жену и ребенка, а напоследок и самому выколол глаза.

И Учитель мягко тронул чело несчастного рукой и произнес: «Я пришел. Иди же со мной в Иерусалим, и когда я коснусь тебя рукой — ты должен воскликнуть: «Назаретянин!» Ты скажешь это так, как если бы ты требовал назад свой дом, свою семью и свое зрение».

Слезы сверкнули на пустых глазницах несчастного. И последовал он за Иисусом.

И встретили они еще одного.

И были у того человека на руках и ногах веревки, обрывок веревки висел и на шее. Этой веревкой связал его Варрава по рукам и ногам, а потом сдал ему ею и горло, а затем бросил в болото, полное пивяком и гадов.

И подошел Он и к этому несчастному, и помог ему избавиться от пут. И сказал Он ему:

«И тебя знаю я. Я пришел. Ты был поэтом, и ты воспевал восторг, приносимый свободным парением духа. Иди же со мной. И когда дам я знак, закричишь ты вместе с другими: «Назаретянин!» Закричишь так, как кричал бы ты о свободе духа и мысли!»

И встречный опустил на колени и поцеловал Его сандалии, и обратился к Нему молящим взором — а иначе молиться он не мог, ибо рот его был еще полон болотной тины и ила.

И так шли они, встречая других — убогих и обездоленных. Он останавливался и говорил с ними — одетыми в лохмотья, покрытыми паршой и струпьями, пораженными проказой. И были среди них многие же, обиженные и униженные Варравой, им же ограбленные и лишенные состояния. И каждый из них бил себя в грудь, называя себя глупцом и неверным, и рыдал, и клялся, что возопит: «Назаретянин!», когда будет подан знак и нужно будет ответить на вопрос прокуратора, кто должен быть отпущен на волю. И клялся каждый, что в крик свой вложит всю свою силу — такую силу, с какой бы кричал, молясь о воцарении мира на всей земле...

К сумеркам добрались они до города и еще не пал вечер, когда подступили Он и сопровождавшие его к порогу Пилатова дома.

Сам Пилат восседал на террасе дворца. И был он не один, а сидел вместе с Варравой, с разбойником, пожалованным милостью народа, а теперь и прокуратора.

Они сидели под колоннадой, дородные и пышные здоровьем, и лица их лоснились от довольства, они вкушали изысканные яства с золотых блюдец, а пурпурные их одеяния повторяли свет закатного багрянца, озаряющего все вокруг.

И тогда Назаретянин, возглавлявший шествие — огромную толпу жителей города и окрестностей, — подступил к порогу террасы и, воздев к небу скрещенные руки, начал говорить. И молвил Он:

«Праздник великой Пасхи еще не завершился, Пилат. Есть закон, освященный обычаем, по которому на Пасху может быть отпущен на волю осужденный

— тот, кого народ захочет увидеть на свободе. Народ пожалел Варраву, а меня отправили на крестную казнь. И вот я восстал из мертвых, ибо увидел, что люди эти не ведали, что творят, и не знали цены словам своим. И люди, стоящие за моей спиной, теперь на себе познали и то, кто такой Варрава, и дела его. И они хотят, чтобы решение было принято вновь. И ты, Прокуратор, должен будешь снова спросить их, чего же желают они, какого решения ждут, — спросить, как это записано в нашей книге закона».

И задумался на миг Пилат, задумался глубоко, а затем, пожав плечами, подошел к краю колоннады, дивясь множеству народа, собравшемуся около его дома. И, обратившись к толпе жителей города, сказал:

«Что же, народ Иерусалима, чью жизнь хотите вы спасти, кого же желаете вы видеть свободным — Варраву или Назаретянина?»

И тогда Он подал толпе знак. И собрание пришло в волнение, и тысячи уст выплеснули слово, и был тысячегласный крик толпы подобен грому.

И возопило все это множество: «Варрава!»

И все в ней, в толпе, взглянули друг на друга с недоумением, удивлением и ужасом, потому что каждый в отдельности — каждый! — кричал: «Назаретянин!»

И тогда, услышав неистовый крик всех собравшихся на площади, названный Учителем сделался бледен, как полотняный хитон Его. И обернулся Он к толпе, окружавшей Его, и посмотрел на нее.

Что было на лице каждого — это Он увидел. Но в сдвигавшихся все гуще и гуще сумерках и в неверном свете вечернем все лица в толпе слились в одно — огромное и неузнаваемо искаженное. Одна громадная голова толпы предстала Его взору — и эта голова с глупой и недоброй ухмылкой нагло глядела Ему прямо в глаза. Налитые кровью глаза ее сверкали, и слюна стекала с хищного ее рта.

И ревел над толпой истошный крик:

«Варрава! Варрава!»

И вырывался этот крик из кривых губ головы, и, казалось, словно в иступлении хрипит она:

«Смерть! Смерть!»

И опустил Пилат в замешательстве и удивлении глаза долу и, повернувшись к Нему, произнес:

«Ты видишь...»

И тогда Он покорно кивнул, молча поднялся на ступени дворцовой колоннады, а, поднявшись, остановился, бросил взор на неистовую толпу, сделал еще несколько шагов и протянул руки к возникшему откуда-то из глубины дворца палачу, чтобы тот мог, как это делают осужденным, связать их.

Перевод и подготовка публикации Ни-Фи

*На фото: скульптура М. Антокольского
«Христос перед судом народа»*

34-летний **Андрей Силантьев** был назначен руководителем пресс-бюро правительства России. Это представитель нового поколения чиновников — образованных и предприимчивых, пришедших в Кремль вместе с Тайдаром.

После окончания факультета журналистики МГИМО Силантьев два года работал в советском посольстве в Перу. Там он заинтересовался проблемой «журналистика и власть» и защитил кандидатскую диссертацию на эту тему.

Вернувшись из Латинской Америки, Андрей Силантьев попал в пресс-центр управления информацией МИД.

1989/90 учебный год провел на стажировке в Колумбийском университете.

В США он продолжил исследование «четвертой власти». Результатом поездки была уже докторская диссертация. Правда, защиту пришлось отложить, так как в ноябре 1992 года последовало новое назначение — на этот раз помощником министра внешнеэкономических связей по печати.

Журналист по профессии, Андрей Силантьев ни дня не проработал в газете или журнале, на радио или телевидении. Он считает себя чиновником от журналистики и это его вполне

устраивает. Штат его пресс-бюро 7 человек. Пока он подобрал себе троих помощников. В такой работе, считает он, важно чувство локтя: «Я лучше что-то сделаю сам, чем доверю это ненадежному человеку».

Е. Коптелова

Уезжая 20 лет назад из страны, **Екатерина Брейтбарт** даже не могла представить, что когда-то вернется. И вернется не просто так, а чтобы открыть в России филиал известного эмигрантского издательства «Посев». Издательство более 40 лет ра-

ботало в Германии, печатало русскую неподцензурную литературу.

Директором издательства и главным редактором «Граней» Екатерина Брейтбарт стала шесть лет назад. В Москве она закончила математический факультет педагогического института, затем аспирантуру, работала в Академии педагогических наук. В эмиграции — сначала в Израиле, затем в США — пригодилось математическое образование. Она работала в солидных фирмах, в том числе в департаменте автоматизации и роботизации одной из крупнейших

американских компаний «Юнион Карбайд».

Ее родной брат — писатель Владимир

Максимов. И хотя себя она не считает диссидентом, среда, в которой она росла и постоянно вращалась, была именно диссидентской. Знакомые писатели, поэты, историки, философы, многие из которых эмигрировали, еще в Москве были «связаны» с «Посевом». Екатерина Брейтбарт тоже писала — ее рецензии, литературоведческие, историко-художественные статьи публиковались также в этом издательстве.

1992 год стал поворотным для издательства и его директора. Оно перестало быть эмигрантским и превратилось в одно из многих официально существующих в России издательств. Одно из многих, впрочем, не означает, как все. Ведь «Посев» — это и история, и имя, и культурная традиция, и опыт борьбы с коммунизмом. И хотя, по мнению Е. Брейтбарт, установка у издательства изменилась — теперь это не «бороться, разрушать», а «строить», тем не менее этот опыт оказался весьма полезным. И сейчас, как выяснилось, нужно побороться, чтобы, например, зарегистрировать издательство и журналы, найти нужные полиграфические материалы, разместить заказ в типографии или

Умелый идеолог — неудачливый бизнесмен

Бывший секретарь ЦК компартии Латвии по идеологии **Иварс Кезберс** шел путем литовца Альгирдаса Бразаускаса, но оказался менее удачливым.

Молодой партийный работник быстро поднимался по служебной лестнице, поработал в Москве заместителем председателя Гостелерадио СССР и вновь вернулся в Ригу. Когда его избрали народным депутатом СССР, он едва ли не первым сказал с московской трибуны о том, что Латвия отнюдь не добровольно в 1940-м вошла в состав Союза.

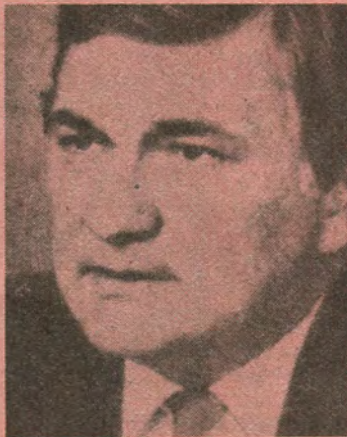
Весной 1989 года трех прибалтийских секретарей ЦК по идеологии вызвали в Москву, где член политбюро ЦК КПСС Вадим Медведев предложил им одобрить слегка обновленную версию событий 1939—1940 годов. Кезберс назвал ее ложью, так же поступил эстонский секретарь Мик Тийтма. Литовский идеолог Балтрунас согласился с московской версией и получил посольское место.

Кезберс попытался вырвать латвийских коммунистов из КПСС, но большинство из них сохранили верность Москве. Компартия Латвии избрала своим лидером Альфредса Рубикса, который сейчас сидит в рижском следственном изоляторе, а Кезберс с небольшой группой единомышленников вышел из партии и попытался создать новую.

Она даже стала называться так же, как и партия Бразаускаса, — Демократической партией труда, но так и осталась малочисленной. Сам Кезберс, не став депутатом и разочаровавшись в политике, занялся бизнесом, потому что в этой сфере есть спрос на бывших партийных чиновников с их широкими связями.

Но и на этом поприще его ждали разочарования. Он работал в совместной латвийско-датской фирме, которая открыла в Риге бар, несколько ларьков, кафе с гамбургерами и процветала, но потом решила отказаться от услуг бывшего секретаря ЦК по идеологии.

Теперь 48-летний Кезберс пишет мемуары и подумывает о том, чтобы расстаться и с Демократической партией труда, которую он сам создал. Партия занимает радикальные позиции в вопросе о предоставлении гражданства и требует создавать в Латвии государство латышей. Бывшие советские коммунисты легко трансформируются в крайних националистов.

арендовать помеще-
ние. При всем этом
Екатерину Алексеевну
заботит только одно:
сохранить суть изда-
тельства, его репута-
цию.

Е.Коптелова

«Рядовой Ревель!
Смирно!» — эту ар-
мейскую команду в
ближайшее время
услышит 28-летняя
хрупкая и очарова-
тельная римлянка
Джулия Ревель, ко-
торая в составе «огра-
ниченного континген-
та» из 30 девушек бу-
дет проходить ар-
мейскую службу в со-
ставе подразделения
«Ланчери ди Монте-
белло» в Риме.

гии и Голландии с
1972-го, Франции с
1974-го и, наконец, в
Германии с 1975 года.

Джулия, по ее сло-
вам, отнюдь не ищет
заработка и легкой
жизни: до того как на-
деть пятнистую фор-
му, она успешно тру-
дилась в режиссуре, и
именно эта изнури-
тельная работа убе-
дила ее — военная
профессия вполне по
плечу и женщинам.
«Но я не хочу сказать,
что, для того чтобы
быть хорошим солда-
том, нужно стать по-
хожей на мужчину.
Женственность и во-
енная жизнь не явля-
ются несовмести-
мыми понятиями, и я
постараюсь доказать

Министерство обо-
роны Италии подгото-
вило законопроект о
перестройке в воору-
женных силах, кото-
рый предусматривает
привлечение женщин
к военной службе. Не
дожидаясь представ-
ления этого законо-
проекта в парламен-
те, министерство ре-
шило провести экспе-
римент с «женским
контингентом».

Италия стремится
«догнать» страны за-
падного мира, кото-
рые давно уже прив-
лекают женщин к во-
инской службе. Со-
ответствующее зако-
нодательство суще-
ствует в Великобрита-
нии с 1917 года, в
США с 1942-го, Ка-
наде с 1971-го, Бель-

это. Конечно, по на-
чалу наши «братья по
оружию» будут шоки-
рованы, но затем все
войдет в норму. А
если с их стороны бу-
дут какие-либо попол-
зновения, то мы да-
дим достойную отпо-
ведь», — считает Джу-
лия.

Начальник генераль-
ного штаба вооружен-
ных сил Италии также
высказался в пользу
привлечения женщин
к службе в армии. Он
даже заметил, что
три девушки из со-
става «великолепной
тридцатки» выразили
желание пройти
службу в десантных
войсках.

На родине их знают меньше

В глазах американской певицы
Джоанны Стингрэй славянская
тоска: гибель Виктора Цоя, уход
мужа-музыканта группы «Кино»
Юрия Каспаряна, по собственному
признанию, лишили ее жизнь радо-
сти. Джоанна осталась одна.

Вернуться бы в Лос-Анджелес,
начать все сначала... Но судьба ре-
шила за нее и свела с музыкантом
Александром Васильевым, кото-
рый смог вернуть ее глазам амери-
канскую беззаботность.

...Впервые американская ту-
ристка приехала в Россию в 1984
году. Знакомые помогли выйти на
«главного рок-музыканта страны»
Бориса Гребенщикова и питерскую
рок-тусовку. Певица тайком от КГБ
перевозит через государственную
границу фонограммы четырех пи-
терских групп: «Аквариум», «Али-
са», «Кино», «Странные игры».

Так на Западе в 1986 году появилась первая пластинка советских
рок-музыкантов «Красная волна». Все убедились, что рок существует
и в этой стране. Санкции не заставили себя ждать. Въезд гражданки
Стингрэй в СССР, несмотря на приближавшийся день ее бракосочета-
ния с ленинградцем Юрием Каспаряном, все откладывался; совет-
ское консульство медлило с визой. Свадьбу сыграли только через пол-
года.

Сейчас Джоанна готовит второй диск отечественных рокеров. Весь
гонорар «Алиса», «ДДТ», «Моральный кодекс», «Наутилус-помпили-
ус», «Бригада С», «Чайф» передадут международному экологичес-
кому фонду «Гринпис». Закончена работа над киносценарием об аме-
риканской рок-звезде и одновременно агентке ЦРУ Джони Рокэт.
Джоанна не только автор сценария, но и исполнительница главной
роли будущего фильма.

Последнее заявление с просьбой предоставить ей российское гра-
жданство поставило родственников Джоанны в тупик. Им невдомек,
что восемь лет, проведенные в России, — нечто большее, чем туристи-
ческая поездка.

В.Батуев

«Русской Мадонной» назы-
вает американский еже-
недельник «Тайм» 26-летнюю
певицу **Наташу Александр-
ову**. Поскольку Наташа,
судя по всему, гораздо
больше известна в США, не-
жели на родине, остается
лишь поверить американ-
ским журналистам.

Наташа — из Санкт-Петер-
бурга, любит секс и поп-му-
зыку, в январе в США должен
выйти ее третий сольный аль-
бом под названием «Русская
революция».

В прошлом месяце На-
таша побывала в Гарвард-
ском университете, где с
успехом поучаствовала в
дискуссии о перспективах
развития российско-амери-
канских связей. Для юных
интеллектуалов она, види-
мо, стала лучшим аргумен-
том в пользу сближения
двух стран.

Первая остановка – Луна. Следующая – Марс

Таковы перспективные планы американской космонавтики. А российской?..

Александр Дидусенко

Американский журнал «Авиэйшн уик энд спейс технолоджи» принес 12 октября сенсационное сообщение: станции космического слежения на территории Украины во время одного из выходов в открытый космос экипажа «Мира» намеренно прервали контакты с российским Центром управления полетами, нарушив связь космонавтов с Землей. Ни Россия, ни Украина объяснений случившемуся не дали, констатирует журнал.

Впрочем, нужны ли объяснения. От взрыва суверенных и самостоятельных эмоций заштормило не только на якорных стоянках Черноморского флота.

Словосочетание «космическо-политическая карта» относительно молодо. Всего 35 лет назад сигналы первого советского спутника Земли, прозвучавшие с орбиты, возвестили о вступлении человечества в космическую эру. Несколько растерянный мир начал с изумлением осознавать, что освоение околоземного и – шире – околосолнечного пространства переходит из области фантастических утопий в сферу реальных инженерных решений и государственных интересов. И что понятию «космическая политика» предстоит в недалеком будущем стать столь же употребительным и привычным, как стало понятие «геополитика».

Новый шеф

Первый разрыв цепей земного притяжения тогдашняя советская печать отмечала весьма широко. Газеты посвящали ему целые страницы. Выступали ученые, писатели, публицисты. Печатались восторженные отклики, поступавшие в редакции отовсюду. Ведь это действительно был успех!

Скромный юбилей этого успеха в нынешнем году, пожалуй, никто, кроме «Красной звезды», не отметил. Время уж больно неподходящее. Что нам сегодня космос, земных дел хватает. И вообще неясно, кто, как и на каких условиях будет финансировать и развивать бывшую советскую космонавтику, и нужно ли ее вообще финансировать и развивать как нечто цельное.

Но, пока наши политики, военные и ученые заняты дележом науч-

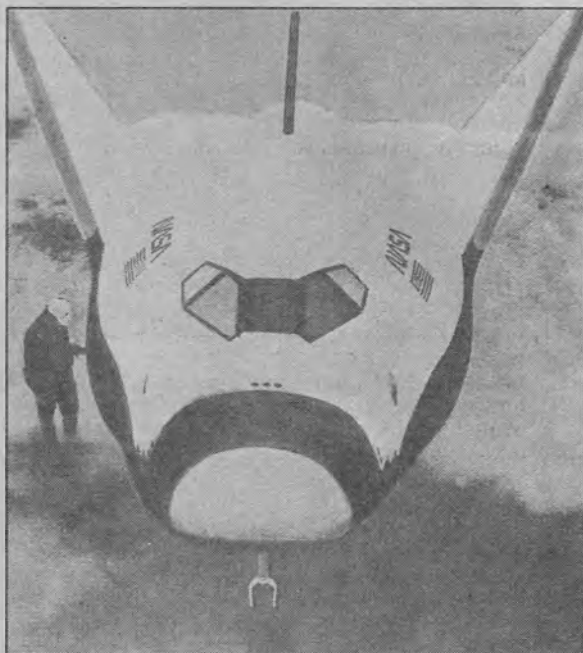
ной и технической базы бывшей советской космонавтики, ее давние конкуренты в США даром времени не теряют.

На посту шефа НАСА бывшего космонавта Ричарда Трули сменил представитель военно-космической технократии Дэн Голдин, и план американского завоевания космоса обрел второе дыхание. Конгресс, который в недавнем прошлом скептически относился к разного рода космическим программам, этот план согласился принять, оговорив, правда, что расходы на его осуществление не должны превысить 30 миллиардов долларов. «Дэн обеспечит Америке господство над космосом», – пообещал налогоплательщикам президент Буш. «Америка докажет, что может вернуться на Луну, обосноваться там, а потом двинуться к Марсу», – заверил он посетивших Белый дом студентов.

Стадион на орбите

Впрочем, Луна и тем более Марс – это уже в следующем тысячелетии. Миллиарды, которые высвободились для космической программы в результате прекращения «холодной войны» и гонки вооружений, сначала будут вложены в создание первой пересадочной станции на этом пути – космической базы «Фридом» на околоземной орбите. Окончательный проект должен быть готов лишь к 1995 году, а монтаж предполагается осуществить в 1997–2000 годах.

Что же собой будет представлять эта база? Ее основой станет гигантская, размерами с футбольный стадион, платформа, собранная в космосе из специальных металлоконструкций, доставленных с Земли. На обоих концах разместятся шесть внушительных – 35 на 12 метров – панелей фотоэлементов, призванных обеспечивать базу энергией. К платформе будут присоединены жилые и лабораторные функциональные модули, где смогут жить и работать астронавты. На базе предполагается иметь и своего рода космический челнок – спасательную шлюпку, на которой в случае непредви-

Видимо, так будет выглядеть новый космолет ХЛ-20

денных обстоятельств экипаж мог бы вернуться на Землю.

Вначале на орбиту будут выведены основные узлы несущей платформы и две первые панели фотоэлементов. Затем – жилой модуль и его экипаж: строители и исследователи. Они будут сменяться каждые две недели. В качестве рейсового автобуса разрабатывается космолет ХЛ-20. Этот сравнительно небольшой космический корабль сможет доставлять на орбиту до десяти пассажиров.

Пригодится ли «Союз»?

Объем и сложность предстоящих работ таковы, что НАСА нуждается в научной и конструкторской мысли, технологиях и капиталах Западной Европы, Японии и Канады. Речь идет не только об участии в перспективных направлениях общих исследований, но и о разработке конкретных элементов и узлов «космического дома». Заказ на изготовление жилых и транспортных модулей получила итальянская фирма «Алениа Спацио». Европейский космический институт создает проект модуля «Колумбус», который сможет стартовать с космической орбиты и выполнять различные гео- и астрофизические исследования. Канадские инженеры для монтажа работ в космосе констру-

ируют специальный 110-тонный кран с гибкой 18-метровой стрелой, способной автоматически перемещаться во всех направлениях. А японцы готовят свой модуль — 10-метровую космическую лабораторию для изучения влияния невесомости на химические и биохимические реакции.

Ну а что советская, точнее бывшая советская, космонавтика и космическая наука и индустрия? Имеют ли они какие-либо шансы принять участие в этом, без преувеличения, проекте века? На международном симпозиуме в Альбукерке (США), посвященном проблематике освоения космоса, шла речь о возможном использовании мощных российских ракет-носителей для доставки на орбиту грузов и космического корабля «Союз», который считается достаточно проверенным и надежным, чтобы играть роль «спасательной шлюпки». Одна из крупнейших аэрокосмических корпораций США «Рокуэлл интернэшнл» подписала с российским НПО «Энергия» соглашение, предусматривающее приспособление «Союза» для этой цели, а также обмен информацией и разработку совместных проектов освоения Луны и Марса. Считают, что в планируемом полете к Марсу возможно было бы использовать созданный в России ядерный двигатель. Предполагается, что в полете примет участие и российский космонавт. Есть и другие заманчивые предложения. Но, насколько все это реально, судить трудно. Все будет зависеть, скорее всего, от того, сумеют ли Россия и СНГ сохранить и продолжить развивать научный и технический потенциал бывшей советской космонавтики.

Стартуем!..

Доживет ли до 2000 года советская орбитальная станция «Мир», а если

доживет, то чья же она будет? Советского-то ничего не осталось. Ясно, однако, что американская к этому времени на орбиту выйдет. Намеренные работать в космосе, ученые и космонавты уже сегодня готовят программы чрезвычайно широкого спектра исследований в различных областях химии и биохимии, генетики, эмбриологии, астрономии и астрофизики, телероботики, металловедения и других.

И все-таки, похоже, научные разработки станут лишь частью задач, которые предстоит решать с помощью орбитальной базы. Будет у нее и иное, не менее важное предназначение: стать своего рода дополнительной стартовой площадкой, откуда человек шагнет дальше — к Луне, затем к Марсу. И это опять-таки не утопия, а реальные инженерные разработки, реальная космическая политика, над чем сегодня и трудятся специалисты НАСА.

Если судить по сообщениям печати, первая научная база США появится на Луне в начале будущего тысячелетия. Хотя даже трудно себе представить всю сложность проблем, которые при этом предстоит решить.

Ученые в Хьюстоне доказали, что из лунных минералов можно изготавливать строительные блоки, а в лунной пыли выращивать овощи. Но для этого необходима вода. А воды на нашем ночном светиле нет и доставлять ее с Земли было бы чрезвычайно дорого.

Как быть? Улавливать ли ионы водорода по еще не существующей технологии из солнечного ветра? Добывать ли его, разлагая неким образом лунные породы? Или, используя рецепты научной фантастики, «заарканить» какой-либо подходящий астероид и доставить его на лунную поверхность?

Все это на трезвую голову выглядит весьма фантастически. Но известно, что дорогу в будущее пролагают только бредовые идеи. И не казались ли еще недавно лунный модуль и шагающие по лунной пыли космонавты тоже фантастическим, невероятным видением.

Опять спецкабель?

К сожалению, советские телезрители почти ничего о первых шагах человека на Луне не видели. Но в Праге, где я работал, чехословацкое телевидение, отменив все запрограммированные передачи, до глубокой ночи это показывало.

С трудом оторвавшись от экрана, я позвонил тогда в редакцию: «Смотрите?» «Нет, у нас хоккей», — ответил дежурный редактор.

Как удалось выяснить в министерстве связи ЧССР, Прага все эти часы передавала в Москву по специальному кабелю получаемый ею через «Евровидение» репортаж. Для кого передавала? Для высокого

начальства? Но оно, судя по всему, больше любило хоккей. Для архивов? Во всяком случае не для народа, ибо в тот давний день 1969 года властям, видимо, меньше всего хотелось напоминать народу, и так уже ошарашенному недавней чехословацкой авантюрой, свертыванием экономической реформы и трагической гибелью космонавта Комарова, что и по линии покорения космоса мы уже не «впереди планеты всей».

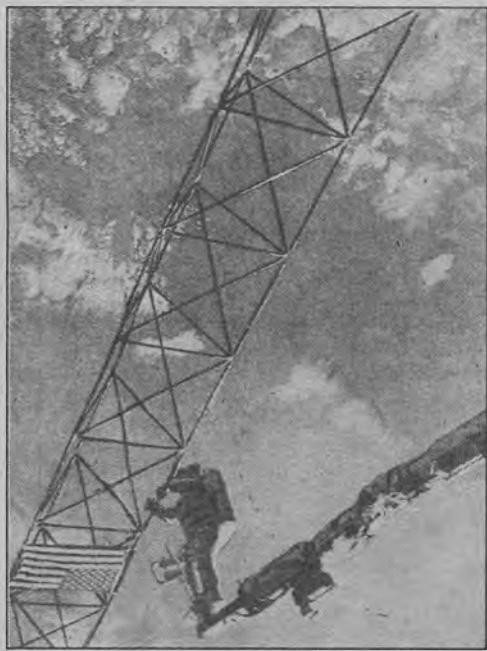
Нечто подобное, в смысле какой-то сознательной или несознательной «фильтрации» информации (может быть, в давних традициях всеобщей секретности), происходит и сегодня. Во всяком случае о проекте «Фридом» я пишу, пользуясь данными, опубликованными в западной прессе. Но кто расскажет мне об отечественных проектах «Фазетон», «Двина», «Русь»? Что за этими названиями? Кто детально расскажет о том, как будет выглядеть «Мир-2» — наша российская орбитальная база будущего.

Я уверен: ничто так не повредило развитию бывшей советской космонавтики, как доведенная до абсурда секретность, утаивание от народа ближайших и перспективных целей, программ, задач, шум вокруг успехов и «скромное молчание» относительно просчетов. Не это ли и вызвало нынешнее к ней отношение, как к делу дорогому, неперспективному и бесполезному с точки зрения наших сегодняшних нужд и забот.

К сожалению, завеса секретности существует и ныне. Я, например, не знаю, обсуждал ли наш парламент, каков должен быть российский вклад в предполагаемый полет на Марс? Кем будет в этом полете Россия — равноправным партнером, соразработчиком или пассажиром на правах бедного родственника? Во сколько миллиардов обойдутся нам, налогоплательщикам, российские космические планы? В чем они заключаются, в какие сроки должны быть реализованы, что дадут стране? Ей-богу, по большому счету меня все это интересует даже сильнее, чем судьба кабинета Гайдара, непредсказуемость президента Ельцина, спор парламента с правительством. Потому что президенты, парламентарии и министры приходят и уходят, а моя страна и ее интересы остаются. В том числе и интересы в космосе.

И я совсем не хотел бы, чтобы третье тысячелетие начиналось как тысячелетие обещанного Бушем Америке «господства над космосом». Как, впрочем, не хочу и господства России или кого-либо иного. Просто хочу, чтобы космос был свободен от любого господства и доступен человеку и науке.

Фото из журнала «Европей» (Италия)

Монтаж «Фридом» придется вести в космосе

Наркоман — это звучит гордо

Наркоманы быстрее делают карьеру и больше зарабатывают, чем законопослушные граждане

Франк Браунинг

До сих пор нам внушали: употребление наркотиков ведет к наркомании. Наркомания ведет к отчаянию. Отчаяние ведет к преступлению. Люди, употребляющие наркотики, обречены на неудачи в жизни и работе...

Но все это неверно!

Как утверждается в исследовании, проведенном Национальным бюро экономических исследований в Нью-Йорке, молодые люди, употребляющие кокаин и марихуану, обычно преуспевают больше, чем те, кто наркотиков не употребляет.

Экономист Роберт Кэстнер сравнил привычку к употреблению наркотиков и заработок у 5000 молодых людей по всей стране. Конечно, люди с высоким заработком — юристы, бухгалтеры, телевизионные режиссеры — могут позволить себе употреблять больше наркотиков, чем те, кто зарабатывает мало — водители автобусов, например, или продавцы в бистро. Но Кэстнер сравнивал людей, занимающих сходное положение в обществе и имеющих одинаковый уровень образования.

Кэстнер ожидал, что исследования покажут: наркоманы быстрее, чем те, кто наркотиков не употребляет, останутся без работы — но это оказалось не так. Исследование не выявило разницы в этом плане между двумя группами обследуемых.

Все это отнюдь не удивляет Дэри ла Инэйба, который возглавляет программу борьбы с наркоманией в бесплатной клинике Хайт-Эшбери в Сан-Франциско и преподает фармакологию на медицинском факультете Калифорнийского университета в Сан-Франциско.

По словам Инэйба, многие кампании по борьбе с наркоманией основаны на абсолютно неправильном представлении о том, кто в Америке употребляет наркотики: «На телевидении и в журналах наркомана обычно представляют выходцем из гетто, из баррио (латиноамериканский квартал) или из чайнатауна — в общем, из низов. Отбросы общества. Но, когда нам удается вылечить их, оказывается, что они представляют собой наиболее производительные силы Америки». К тому же, по мнению Инэйба, ошибочно считать наркотики уделом черных. 24 процента всех наркоманов Калифор-

нии — белые англосаксы, 23 процента — испаноговорящие американцы, 22 процента — выходцы из Азии и только 16 процентов — афроамериканцы.

И Инэйб, и Кэстнер оговариваются: они не утверждают, будто наркомания сама по себе ведет к более высокой зарплате или успехам в работе. По мнению Кэстнера, здесь действует какой-то нераскрытый фактор, который способствует как честолюбию, так и... приверженности наркотикам.

«Думаю, не употребление наркотиков является причиной высоких заработков, — говорит Льюис Донохью, исследователь из университета в Кентукки, который занимается проблемой употребления наркотиков и алкоголя среди подростков. — В самой личности таких людей заложено нечто, что заставляет их быть первыми на работе, рисковать, дерзать, а также употреблять наркотики».

Донохью утверждает, что ему и его коллегам в Кентукки удалось установить такую закономерность среди подростков. Он не разделяет их на наркоманов и ненаркоманов, он говорит о любителях и нелюбителях острых ощущений.

«Любители» — это люди, которые постоянно нуждаются в физическом, эмоциональном и умственном стимулировании, люди, для которых жизненно необходимы путешествия, активный образ жизни, смена обстановки.

«Среди подростков те, кто ищет острых ощущений, в 3–7 раз чаще отвечают: в течение последних 30 дней они употребляли наркотики», — говорит Донохью.

Он считает, что тяга к острым ощущениям и стремление к новизне являются одной из основных черт личности, которая, как он убедился, имеет биологическую основу. «У нас есть данные, указывающие на то, что эти любители острых ощущений ведут более активный образ жизни,

чаще участвуют в политических кампаниях...»

Донохью утверждает, что данные, полученные им в результате исследований, имеют решающее значение для борьбы с распространением наркотиков. Любая эффективная программа по предотвращению наркомании, по его мнению, должна принимать во внимание разницу между теми, кто стремится к риску, и теми, кто его избегает.

Наркоманы — лучшие из нас?

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Подход Донохью к профилактике наркомании в корне отличается от плакатов типа: «Скажем «Нет!», преобладающих в государственных кампаниях. Надо, уверен он, воздействовать на врожденное чувство авантюризма и предлагать интересную альтернативу употреблению наркотиков.

Его программа включает серию телевизионных роликов с участием групп, играющих «хэви метал», парашютистов, совершающих затяжные прыжки, прыгунов в высоту, планиристов, сплавщиков леса, танцоров диско, горнолыжников. Такой ролик всегда заканчивается фразой: «Что общего у всех этих людей? Они не употребляют наркотики». После чего на телеэкране появляется телефонный номер местной «горячей линии».

Когда такой ролик демонстрировался прошлой весной в Лексингтоне, на сотрудников обрушился шквал звонков — вдвое больше, чем обычно. А число посетителей развлекательных заведений резко увеличилось!

Пасифик ньюс сервис

EURASIA
TELEVISION
INTERREPUBLICAN Ltd.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ТЕЛЕКОМПАНИЯ
«ЕВРАЗИЯ ТВ», Лтд.

Вы хотите

иметь

эффективную

и недорогую

рекламу на

телевидении?

Если ДА – обращайтесь в единственную на сегодня реально действующую межгосударственную телекомпанию **«ЕВРАЗИЯ ТВ»**.

«ЕВРАЗИЯ ТВ» обеспечит размещение Вашей рекламы

- * на национальных телеканалах России, Украины, Беларуси и Казахстана;
- * в лицензионных зарубежных программах, имеющих гарантированно большую зрительскую аудиторию;
- * в лучшее эфирное время.

Благодаря **«ЕВРАЗИИ ТВ»** Вашу рекламу увидят 200 миллионов телезрителей.

Благодаря оригинальной системе повторов **СТОИМОСТЬ 1 минуты рекламного времени в программах «ЕВРАЗИИ ТВ» в 4 раза НИЖЕ, чем на 1-м канале «Останкино».**

*Покупая эфирное время **«ЕВРАЗИИ ТВ»** – Вы покупаете успех!*

Тел. (095) 250-12-48.
Факс (095) 973-12-16.

7-31

ТОРГОВЫЙ ДОМ

«ГАРУДА»

Оргтехника для Вас и Вашего офиса:

- ☉ ксероксы формата А3 и А4, расходимые материалы к ним;
- ☉ телефаксы, телефоны и автоответчики;
- ☉ компьютеры;
- ☉ матричные и лазерные принтеры;
- ☉ бухгалтерские калькуляторы.

А также:

- ☉ сигареты и продукты питания;
- ☉ спиртные напитки.

БЕСПЛАТНО в короткие сроки

выполним перевод денег из России на Украину, в том числе и крупных сумм.

Тел.: (095) 976-57-71,
976-51-20,
факс: (095) 976-42-70.

Наш адрес:

Москва,
Дмитровское шоссе, 33,
корп.4 (ст. метро
«Тимирязевская»,
за гостиницей
«Молодежная»).